

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**АПРЕЛЬ
2001**

**НИСАН
5761**

N 4 (108)

ПЕЙСАХ

Пейсах несравним ни с каким другим еврейским праздником. Вы можете не знать, что такое Швуэс и Суккос, забыть о Рош а-Шона, но Исход из Египта, происшедший более 32 веков назад, и возглавившего его Моше не знать или забыть невозможно. Это вечное достояние всего человечества!

Мы отмечаем день освобождения от рабства, день рождения народа – не сборища людей, а сообщества, объединенного единой целью, единого с Г-сподом целого. Воля Б-га была явлена через Моше, который вывел рабов из опустылевшей страны и донес слово Б-жье до каждого, чтобы он почувствовал себя свободным человеком. Спустя несколько десятилетий народ наш на вечные времена заключил союз с Б-гом, получив Тору. Этот Закон определил развитие цивилизаций и прогресс человечества, нашу с вами жизнь.

Важнейшей частью праздника является чтение Агоды, ибо рассказывать об Иходе – наш святой долг. «Если бы Пресвятой, да будет Он благословен, не вывел отцов наших из Египта, то и мы, и дети наши, и дети наших детей остались бы в рабстве».

Мы избавились от гнета, и приобретаем Закон, сохраняем его тысячелетиями, видя в нем символ нашей вечной духовной свободы, непреходящей, не подверженной влиянию фетишей той или иной среды и прихотям диктаторов, свободой, ограниченной одной только волей Б-га.

Вновь и вновь, из века в век, из года в год мы садимся за праздничный сейдер и обращаемся к Всевышнему со словами благодарности за ниспосланные Им милосердие и любовь. Каждой еврейской семье известна эта традиция, духовное наследие наших предков. И в долгие годы тоталитарного коммунистического режима, оторванные от своих корней, люди помнили заповедь – есть в Пейсах опресноки и старались во что бы то ни стало раздобыть к этому празднику мацу. Некоторые даже сами выпекали ее, рискуя жизнью.

Не могу не вспомнить поучительную историю, приключившуюся с рабби Леви-Ицхоком из Бердичева. По окончании праздничного сейдера он, выполнив все заповеди и связанные с ними ритуалы, мысленно проверял себя, припоминал, не забыл ли что, не упустил ли какую-то деталь. И тут услышал внятный, четкий голос, раздавшийся с неба: «Твой сейдер был не лучшим в городе. Хаим-водонос тебя превзошел».

Удивленный и раздосадованный ребе попросил хасидов разыскать водоноса. Несмотря на поздний час они тут же отправились выполнять просьбу наставника. Но водонос Хаим не был известной персоной в таком довольно крупном городе, как Бердичев, и никто не мог указать, где он живет. Наконец выбившиеся из сил хасиды нашли на самой окраине развалюху и постучали в дверь. Хозяйка, открывшая дверь, удивилась визиту посланцев ребе да еще в столь поздний час. А узнав о приглашении, покраснела и сказала только: «Хаим не может говорить с вами сейчас». «Но ребе хочет его видеть», – настаивали посланцы. Не найдя что ответить, женщина подвела гостей к кровати мужа: «Это он. Спит, как видите. Не мудрено, ведь столько выпил. Что ребе хочет от Хаима?..» Ничего не говоря, хасиды кое-как поставили водоноса на ноги, насколько это было возможно, привели его в чувство и доставили к ребе. В присутствии цадика бедный водонос стал приходить в себя и громко возмущаться.

Рабби Леви-Ицхок утихомирил гостя и попросил: «Расскажи про свой сейдер». Хаим разрыдался, но успокоенный словами цадика о благосклонности Г-спода, начал говорить. «Каждое утро я обращаюсь к Б-гу с молитвой и благодарностью, потом выпиваю немного водки и говорю Ему “лехаим”. Но сегодня до меня вдруг дошло, что в Пейсах целую неделю я не смогу пить водку, а потому из-за предстоящего воздержания сказал Б-гу “лехаим” восемь раз на дню. Голова закружилась, я лег я на кровать и заснул. Спал очень крепко и не заметил, как прошло время. Жена много раз пыталась меня растолкать, чтобы отправить в синагогу, но я только переворачивался с боку на бок. “Хаим, – зывала она. – Это же Пейсах! А как же сейдер? У всех евреев праздник как праздник, а у нас?!”

Чувствовал я себя ужасно. Жена сердилась. Приткнулся я к столу и сказал: “Я простой человек, как и мой отец. Безграмотный и не умею общаться с Б-гом. Но про Пейсах знаю одно: Б-г вывел моих предков из Египта, освободив от рабства. А сейчас мы снова в изгнании, и Г-сподь скоро спасет нас опять”. Только сказав это, я заметил, что жена накрыла стол, положила мацу, овощи, яйца, поставила вино. Выпил я вина, немного закусил и снова лег спать. Вот и весь мой сейдер».

Рабби Леви-Ицхок еще раз успокоил Хаима, заверив, что его сейдер был принят Б-гом, и отправил водоноса домой в сопровождении верных хасидов. А когда те вернулись, заметил: «Всего несколько слов сказал водонос, зато от всего сердца, вложил в них все чувства! Вот почему его сейдер так высоко оценил Г-сподь».

Наши помыслы чисты, и мы не только надеемся, но и уверены, что Б-г нас не забывает. И всякий раз, произнося в заключение сейдера «В будущем году в Иерусалиме!», мы выражаем свою уверенность в скором приходе Мошиаха и полном освобождении, которое придет вместе с ним. Кому-то такая убежденность современных евреев может быть непонятна, но у евреев Египта было еще меньше оснований для уверенности в благоприятном окончании Исхода.

Голус, наше изгнание с родной земли, закончится, и единый, неделимый Израиль, наш избранный Б-гом народ, вернется к святому очагу, в Святую Землю. Каждый прожитый день – это очередной шаг к полному освобождению от духовного рабства, любой зависимости.

Как написано в Талмуде, свободен лишь тот, кто учит Тору, живя по ее заповедям. В нашей вере, в единстве с Творцом наша сила. С приходом Мошиаха мы станем по-настоящему свободны. Да будет так уже в этом году!

Áëààí úé ðàààéí Ðíññè Áàðé Èàçàð

УРОКИ ТОРЫ

ПЕЙСАХ

Отрывки из писем Ребе, написанных в дни Пейсаха

Пейсах, праздник свободы, отмечается в честь исторического события – Исхода израильтян из Египта. Одна из задач, которая ставится перед нами в связи с этим событием, – это «задача каждого еврея в каждом поколении каждый день ощущать себя так, словно он только что освобожден из Египта». Смысл этих слов в следующем: свобода не была дарована однажды и навсегда. Ее постоянно нужно оберегать и хранить. Ведь в каждом дне, в каждой ситуации есть свой Египет – сила, покушающаяся на свободу еврея. Но, наверное, самая большая опасность таится в самом человеке: это убеждение, что определенные достижения находятся за пределами его возможностей, удобная уверенность в том, что он не создан для достижения высот религиозной жизни. Верить в это – значит расставлять вокруг себя барьеры, заключать себя в темницу иллюзий. Пейсах – перманентный процесс самоосвобождения. Праздник с его традициями символизирует борьбу, которая постоянно происходит в еврее. И неизменная задача каждого заключается в том, чтобы создать себе свободное пространство для выполнения возложенной на него вечной миссии.

ЗНАЧЕНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

... Наступают дни праздника нашей Свободы – дни, в которые мы снова вспомним о великом событии, происшедшем на заре нашей истории, когда народ был вызволен из египетского рабства, чтобы, будучи свободными людьми, получить Тору.

Память и воображение дают возможность связать себя с тем далеким прошлым и пережить такие же мгновения, эмоции, которые испытывали люди тогда. Мы связаны временем и пространством только физически. В мечтах же можем пересекать все границы, и чем духовнее мы становимся, тем ближе к прошлому, тем ощутимей для нас его послание и вдохновение.

Помнить – достижение духа. Комментируя стих «И будут помнить и переживать эти дни» (Эстер, 9:28), мудрецы говорят, что, пока дни эти живы в памяти, те же события вновь происходят на Небесах. И милость Всевышнего, основа чудес в прошлом, вновь пробуждается, когда мы вспоминаем о них.

Это одна из причин, почему мы объединяемся, чтобы вспомнить об освобождении из Египта в каждом поколении и каждый день. Поэтому всякий еврей должен чувствовать себя так, словно именно в этот день он освобожден из Египта. Ведь ежедневно он лично должен «выходить из Египта», то есть выходить за пределы, избегать соблазнов, преодолевать препятствия, которые его физическое существование ставит на пути духовной жизни.

Аналогом освобождения из Египта считается высвобождение Б-жественной Души из оков окружающей действительности. Чтобы достичь подлинной свободы, это состояние нужно переживать каждый день.

Б-г, освободивший наш народ из Египта, Тора и выполнение заповедей помогают достичь такой свободы. Когда это происходит, прекращается великая духовная боль. Преодолевается внутренний конфликт между физической и Б-жественной природой в еврее. И только в этом случае появляется возможность наслаждаться подлинной свободой, чувством безмятежности и гармонии, которое является прелюдией к свободе и миру во всем мире...

11 I èññí à 5713 ãää

Способность еврея изменяться до неузнаваемости в короткий срок — один из наиболее важных уроков праздника Пейсах.

Тора и мудрецы наглядно описывают и то, в какой степени были порабощены евреи в Египте, и духовный омут, в котором они оказались. Они были рабами в стране, откуда им не было выхода. Евреи находились под властью фараона, купавшегося в крови еврейских детей. Они были нищими, надломленными физически и душевно, выполняя самую грязную работу. И вдруг власть фараона в одно мгновение оказалась уничтожена, народ освобожден, и нация, которая совсем недавно была нацией рабов, вышла из этой земли с «поднятой рукой» и «огромным богатством».

Не менее впечатляющим было освобождение духовное. Евреи опустились до «сорок девятого уровня нечистоты», до идолопоклонства. И вдруг им открылся Всевышний в полной Славе Своей. Несколько недель спустя они стояли у подножия горы Синай, будучи на высшей ступени святости и пророчества, и слышали, как Б-г сказал лично каждому, без посредников: «Я – Б-г, Всесильный твой».

Отсюда следует, что неважно, на какой ступени лестницы, ведущей к совершенству, находится еврей или еврейская община, призыв вспомнить об освобождении из Египта раздается каждый день, призыв бороться за свободу дерзко («с поднятой рукой») и с полной самоотдачей («с огромным богатством»), чтобы стать «царством священников и народом святым», приняв жизнь по Торе, как «в дни освобождения из Египта». Отчаиваться могут только те, кто смотрит на жизнь глазами обыденного человека, а не глазами, полными веры.

Идя этой дорогой, нельзя останавливаться или сомневаться, нельзя довольствоваться тем, что достигнуто. С неослабевающим чувством надо стремиться к тому, чтобы услышать: «Я – Б-г, Всесильный твой»...

11 I èññí à 5719 ãää

Одной из самых удивительных особенностей выхода израильтян из Египта было проявление веры в Б-жественное провидение.

Представим: целая нация, мужчины, женщины и дети — несколько миллионов людей, добровольно покинули хорошо освоенную и процветающую страну, страну, чьи языческие ценности уже оказали на них огромное влияние. Они решились отправиться в долгое и опасное путешествие без провизии, но с крепкой верой в слово Б-га, переданное через Моше.

Более того, они шли незнакомым и коротким путем через земли филистимлян, который, хотя и существовала опасность ввязаться в войну, был намного привлекательнее перспективы пересекать огромную и безлюдную пустыню. В войне всегда есть надежда на

победу, в случае поражения – на бегство, но в пустыне, без еды и воды, нет надежды на выживание. И все же они пошли по этому пути, пренебрегая разумом, доверившись слову Б-га.

Есть еще более удивительные факты. Евреи провели 210 лет в Египте, в стране с высоко развитым сельским хозяйством, где с подозрением относились к кочевой жизни, где земля была плодородной и орошаемой водами Нила независимо от капризов природы. Они отказались от безопасности естественного порядка вещей...

Почему они так поступили? Этим вопросом задаются в каждом поколении. Светский мир и евреи, отошедшие от еврейской истины, спрашивают у соблюдающих евреев: «Вы, как и мы, живете в материальном мире. Принадлежите обществу, где постоянно идет борьба за выживание. Вам тоже приходится с ней сталкиваться. Как вам удастся оставаться в стороне от ценностей этого общества? Как вы можете оставаться верными этим заповедям, которые обременяют жизнь и ограничивают свободу действий на каждом шагу?»

Ответ заключен в исходе из Египта.

Когда евреи ответили на призыв Б-га, пренебрегши всем, что на тот момент казалось разумным, отказавшись от ценностей египетского общества, обнаружилось, что избранная дорога оказалась путем к настоящему счастью. В духовном смысле они получили Тору и стали избранным народом Всевышнего, а материальные дары их ожидали при достижении земли обетованной, изобилующей молоком и медом.

Так происходит сегодня и всегда. Через Тору (Торат Хаим – «закон жизни») и выполнение заповедей человек соединяется с Творцом и освобождает себя от всех «естественных» ограничений. Это способ стать счастливым в духовном и материальном мире...

11 I èñíà 5721 ãää

ПРАЗДНИК ВЕСНЫ

Пейсах – это праздник весны: «Соблюдай месяц весны и празднуй Пейсах Г-споду Б-гу, ибо в месяц весны Г-сподь Б-г ваш вывел тебя из Египта ночью» (Дворим, 16:1). Этой заповедью определяется принцип еврейского календаря, в первую очередь основанного на лунных месяцах, а времена года устанавливаются в нем по солнцу. В результате каждые два или три года к продолжительности календарного цикла добавляется дополнительный месяц, дабы синхронизировать солнечные и лунные даты так, чтобы Пейсах всегда приходился на весну. Есть ли более глубокий смысл в том, что Пейсах является именно весенним праздником? Действительно, исторически Исход имел место в это время года, но почему Б-г выбрал такое время и какой урок в этом заключен?

В течение сотен лет евреи были поработаны сильным народом, который наложил свою власть на все окружающие страны не только грубой силой (своими «колесницами и всадниками»), но и подавляющим превосходством в области науки и технологии, во всем, что мы теперь называем «культурой» и «цивилизацией».

Египетская цивилизация была основана на силах природы и на природных явлениях, в особенности на больших возможностях реки Нил. Дождь – редкость в Египте,

но человеческий гений изобрел сложную систему ирригации, которая превратила Египет в процветающий оазис в пустыне.

Это и породило идолопоклонническую культуру, которую характеризовали две основных особенности: обожествление сил природы и обожествление сил человека, сумевшего поставить эти силы себе на службу. Отсюда лишь один шаг до обожествления фараона, который персонифицировал египетский идеал богочеловека. Эта система взглядов, рассматривающая мир как сонмище природных сил, одна из которых – человек, в сочетании с философией, выраженной в библейском стихе «Моя сила и крепость руки Моей добыли мне это богатство» (Дворим, 8:17), привели к крайней форме язычества и служили оправданием порабощения и зверств в отношении слабых членов общества, в том числе национальных меньшинств.

Культурная деятельность египтян достигала своего пика во время ежегодного пробуждения сил природы, в весенний месяц, зодиакальным знаком которого был Овен – священный символ египетского язычества.

Вмешательство Моше было решающим. Неожиданно он появляется с посланием от Б-га: «Вспомнил Я вас» (Шмойс, 3:16). Именно сейчас настало время, когда Б-г Авраама, Б-г Ицхака и Б-г Якова пожелал освободить евреев из-под гнета фараона и из египетского изгнания... Но было одно условие: «Возьмите себе ягнят для ваших семейств и режьте пасхальную жертву» (Шмойс, 12:21). Такова была заповедь: «Отделитесь от идолопоклонства этой страны, возьмите себе ягненка, символ египетского божества, и предложите его в качестве жертвы Б-гу». Недостаточно было отрицать идолопоклонство внутренне, в своем сердце, евреи должны были еще сделать это открыто, без страха, в соответствии со всеми особенностями заповеданного.

Если это сделать, заверял Моше от имени Б-га, то не просто будут они освобождены из Египта, но сам фараон потребует, чтоб они ушли; и произойдет это не тогда, когда силы природы сокрыты и дремлют, но в месяц весны, когда они в зените своего могущества.

Действуя так, сыны Израиля демонстрировали, что мир – это не просто поле, где играют силы природы, и не некое двуединство естественного и сверхъестественного, в котором природа и дух борются за власть. Своими действиями они недвусмысленно заявляли, что есть один и только один Б-г, который и есть Властелин мира и который суть единство.

Эта позиция достигла своего наиболее полного выражения при даровании Торы, которое было кульминацией и конечной целью освобождения из Египта. Оно заключается в словах: «Я – Г-сподь Б-г твой, который вывел тебя из земли египетской, из дома рабства. Да не будет у тебя других богов...».

У богов Египта есть приверженцы и сегодня. И сейчас еще есть такие, кто строит жизнь на обожествлении сил природы и по-прежнему говорит: «Моя сила и крепость руки моей добыли мне это богатство». Есть такие, кто оставляет место Б-гу в своих домах, но забывают о Нем, выходя из дома, ради неких норм общества.

Но Пейсах напоминает: «удались» от идолопоклонства любой окружающей тебя среды, в какой бы форме оно ни выразилось. Сделай это открыто, без страха, с достоинством «возьмите себе» все свои силы и посвятите их Б-гу. Сделайте это «в месяц весны», в момент, когда процветание, технология и обожествление человеческих

достижений находятся в самом расцвете, и помните, что всякое достижение есть Б-жественное благословение, а всякое процветание – это проявление благоволения Б-га.

11 I éñí à 5725 ááá

ПЯТЫЙ СЫН

Всегда считалось, что и порядок пасхального сейдера и содержащийся в Агоде рассказ адресованы прежде всего детям: «И скажешь сыну своему в тот день» (Шмойс, 13:8). Многие наши обычаи за пасхальным столом были введены специально, чтобы привлечь внимание детей. И различные методы образования, которые нужны разным людям, проиллюстрированы рассказом Агоды о четырех сыновьях: мудром, нечестивом, простаке и таком, что даже не знает, как спрашивать. Но существует еще и пятый – гораздо более проблемный сын. Есть веская причина, почему его вообще не упоминает Агода. Причина эта заключается в том, что он отсутствует.

В то время как четыре сына отличаются друг от друга своей реакцией на проведение пасхального сейдера, у них есть одно общее — все они там присутствуют. Даже так называемый нечестивец, который проявляет активный, хотя и отрицательный интерес ко всему, что происходит в еврейской жизни вокруг него. Это по крайней мере дает основание надеяться, что однажды он изменит свою позицию и все еврейские дети, присутствующие на сейдере, станут осознанно верными своему еврейству людьми.

К сожалению, в наше время имеется еще один тип еврейского ребенка – тот, чье отсутствие бросается в глаза, ребенок, который не имеет вообще никакого интереса к Торе и заповедям, и он даже не знает ни о сейдере, ни о чудесах, о которых вспоминают во время сейдера.

Это серьезнейший вызов, который должен привлечь наше внимание задолго до наступления праздника Пейсах и ночи сейдера. Ибо ни один еврейский ребенок не должен быть забыт, ни от одного мы не должны отказываться. Мы должны предпринять все усилия, чтобы спасти заблудших детей и привести их к праздничному столу. Если мы преисполнены решимости сделать это и нами руководит глубокое чувство сострадания и ответственности, то нечего страшиться провала. Чтобы исправить ситуацию, мы должны понять ее причины. В данном случае они лежат в ошибочных выводах, сделанных некоторыми представителями «гонимого народа» и проанализировавшими свое положение. Обнаружив, что являются незначительным меньшинством, и столкнувшись с обычными трудностями чужаков, некоторые родители пришли к мысли, что решение проблемы – в ассимиляции, и эту идею восприняли их дети. Но стремление отказаться от еврейского образа жизни спровоцировало у них внутренний, духовный конфликт. Они так хотели, чтоб у их детей не было душевного дискомфорта из-за двойственности. Чтобы оправдать свой отказ от еврейского наследия, они убедили и себя, и детей, что жизнь по Торе и заповедям несовместима с новым окружением. Они искали и поэтому нашли недостатки в еврейском образе жизни, в то время как в нееврейском окружении видели все хорошим и привлекательным.

Выработав такое отношение, родители надеялись на успешную адаптацию своих детей в новых условиях. Но что это за выживание, когда душа приносится в жертву ради материальных благ мира?

То, что было, как они думали, «побегом к свободе», оборачивалось в конце концов побегом в подобие рабства, которое принимало столь жалкие и карикатурные

формы, что вызывало совсем мало уважения у того самого младшего поколения, ради которого этот побег и совершался.

Праздник Пейсах и освобождение, которое он знаменует, является напоминанием о том, что еврейское выживание может основываться не на подражании нееврейскому окружению, а на верности нашим традициям и нашей религиозной практике.

Наши предки в Египте были незначительным меньшинством и жили при самых тяжелых обстоятельствах. Но, как рассказывают наши мудрецы, они сохранили свое еврейское самосознание, собственную уникальность и свои традиции, не тревожась и не стыдясь. Это-то и гарантировало их выживание и обеспечило освобождение от всех форм тирании – как физической, так и духовной...

В еврейской жизни нет места отчаянию, и ни от одного еврея не следует отказываться как от безнадежного. Через сострадание, любовь к ближнему (аавас Исроэл) даже в потерянном поколении может быть пробуждена любовь к Б-гу (аавас Ашем) и любовь к Торе (аавас Тойра). Такого человека можно не только включить в общину, состоящую из четырех сыновей, но со временем он поднимется до уровня мудрого сына...

Пусть собрание этих «потерянных колен Израиля» за праздничным пасхальным столом приблизит истинное и полное освобождение нашего народа и приход Мошиаха — вскоре, в наши дни.

11 I èñàí à 5717 ãää

ВАИКРА

Глава посвящена жертвоприношениям, совершаемым в Храме, и связанным с ними ритуалом. Какое значение имеет это для нас сегодня, когда Храма нет? Два Храма были уничтожены. Но остались миллионы тех, что уничтожить невозможно. Это – Храмы, которые каждый еврей носит в себе, те святые области души, где происходит служение Б-гу. Иудаизм непобедим, потому что святилищ столько, сколько евреев. Но в чем суть служения в этом внутреннем святилище? Ответ на этот вопрос и дает глава, каждое указание которой имеет двойное значение: одно – для священников Храма в их служении, второе – для нас в нашем собственном Храме. Личное Святилище сегодняшнего дня представляет собой точный аналог общественного Святилища прошлых дней. В беседе Ребе подробно разбирается акт жертвоприношения и разъясняется совершаемая священниками процедура, которая имеет отношение к нашей духовной жизни. Все это являет собой классический пример способности хасидизма трансформировать наше понимание как бы незначительных подробностей Торы в точные и яркие указатели на пути духовного развития.

ПРИНОШЕНИЕ «ИЗ ВАС»

В начале недельной главы Ваикра, посвященной жертвоприношениям, Тора говорит: «Если какой-то человек приносит из вас приношение Б-гу». На первый взгляд, можно предположить, что слово «из вас» относится к сочетанию «какой-то человек» и, следовательно, правильнее было бы сказать «если какой-то человек из вас приносит приношение Б-гу». Но порядок слов в Торе исключает такой вариант перевода. Тора точна в каждой детали. Стоящее, казалось бы, не на месте слово имеет большое значение.

Предложение читается как «если какой-то человек приносит из вас...» и подразумевает, что жертва должна быть из вас самих. Что это означает?

Широко известное хасидское толкование предполагает, что данная фраза раскрывает характер жертвоприношения вообще. Когда Б-г повелел сынам Израиля построить Ему Святилище, Он сказал: «и выстроят Мне Святилище, и Я буду обитать в них». Не просто в нем (Святилище) будет Он обитать, но в каждом еврее. Каждый еврей имеет, образно говоря, внутреннее Святилище. И каждое действие, каждый аспект физического Святилища имеет аналог в Святилище духовном.

Таким образом, во внутренней жизни еврея существует акт жертвоприношения, отражающий те действия, которые совершались в Святилище. Да и сами эти действия, хотя и включали принесение в жертву настоящего животного, были духовными по своей природе. Именно поэтому они совершались священниками (коаним) и сопровождалась пением левитов. «Зогар» (ч. 3, 39а) говорит, что «коаним своим безмолвным служением и своим желанием приводили Б-жественное присутствие в нижние миры, а левиты песнями и молитвами способствовали тому, чтобы душа человека и приносимая им жертва поднимались». Вследствие этого на духовном уровне происходило единение с материальным. Это же и даже в большей степени относится к внутреннему акту жертвоприношения. И в этом смысл фразы «Если какой-то человек приносит из вас приношение...». Ивритское слово корбан (приношение) имеет тот же корень, что и кирув (приближение). И если еврей хочет приблизиться к Б-гу, то он должен принести Б-гу жертву из самого себя. Приношение должно быть «из вас». Именно ваше внутреннее приносится в жертву.

ЖИВОТНОЕ

Тора продолжает: «...

И принесете ваше приношение из скота мелкого и крупного». Таким образом, в Святилище души приносятся два вида жертв. Первая – «из вас», из самого человека, из его Б-жественной души. Вторая – «из скота», из «животной души», к которой относятся все физические желания, все инстинкты, поскольку у нее есть тело и она является частью мира природы. Именно в этом, втором приношении, заключается конечная цель жертвоприношения: освящение и переориентация заключенного в человеке животного.

То, что цель именно такова, предполагает как сам стих, так и то, что за ним следует. Приношение «из вас» описывается как приносимое Б-гу, но в следующем стихе говорится: приношение «из скота» должно быть «перед

Б-гом», и это означает, что оно достигнет еще более высокого уровня, чем тот, который обозначен четырехбуквенным именем Б-га (тетраграмматом – Ред.). Написано: «намного прибавляется сила быка». Когда животное начало обуздано и поставлено на службу Всевышнему, то у человека появляется сила, способная приблизить его к Б-гу больше, чем это могла бы сделать одна только Б-жественная душа.

Принесение «себя», то есть Б-жественной души в качестве жертвы, приводит человека только к Б-гу – к тому уровню Б-жественного, что обозначен четырехбуквенным именем. Это уже сверхъестественный опыт как таковой, но еще не познание Б-га, который вне времени и вне любых изменений, то есть Вечен и Неизменен. Тогда как освящение животной души открывает возможность постижения Б-га в его абсолютной

трансцендентности. Теперь и другая сторона – «природные инстинкты» – подчинена, и Слава Святого, будь Он благословен, распространяется на все миры (Тания, ч. 1, гл. 27).

ПОИСК

Когда надлежало на алтаре принести в жертву животное, его сначала обследовали: совершенно ли оно, нет ли порока. Лишь после этого можно было приносить его в жертву. Точно так же и «животное» внутри нас должно быть без изъяна, в чем надо убедиться прежде чем приносить его в жертву. Первый шаг – это самоанализ. Человек должен исследовать глубины своей души в поисках недостатков, «разрывов» в целостности собственного существа и, найдя их, обязательно исправить.

Этот поиск должен быть искренним и не просто механическим. Потому что от него зависит духовная целостность человека. Если он поймет, что поставлено на карту, то не будет закрывать глаза на недостатки, обманывая себя или оставляя их неисправленными.

ДАВЛЕНИЕ ПРОШЛОГО

Когда человек начинает этот самоанализ всерьез, то может случиться, что, даже если сейчас он не виновен ни в каком грехе, на поверхность памяти всплывут все ошибки и проступки, совершенные в прошлом, даже в детстве (Покеах Иврим, 21:22). Вплоть до того, что человек говорит: «грех мой постоянно передо мной» (Теилим, 51:5). Грехи остаются из-за того что не были полностью исправлены.

Если бы они были исправлены последующим служением, то просто исчезли бы, и их место занял еще больший энтузиазм в служении Б-гу. Ведь если человек прошел через «пустыню в долине смерти», которая надвигается на него, когда грех отдаляет его от Б-га, то после этого его желание воссоединиться с Б-гом превращается в пламя «раскаяния через любовь», что «превращает даже намеренные грехи в заслуги» (Тания, ч. 1, гл. 7).

Но проведенный самоанализ обнаруживает, что этого с человеком не произошло: в его памяти грехи по-прежнему остаются грехами, он не прошел сквозь очищающий огонь любви, «грех влечет за собой грех» (Пиркей Овойс, 4:2), и даже сейчас человек порой ощущает натиск неуместных желаний.

И здесь не то чтобы его раскаянию за содеянное в прошлом не хватало какого-то небольшого завершающего штриха, но скорее то, что человеку не удалось преодолеть барьер, отделяющий его от Б-га, возведенный прежними поступками.

Это может заставить его остановиться, поскольку он приходит к Б-гу с жертвоприношением, приближаясь всем своим существом к Б-жественному огню, который должен вознести его к сущности Б-га (Зогар, ч. 2, 239а; ч. 3, 26б). И тогда человек может сказать: «Кто я такой, чтобы удостоиться это совершить? Я несовершенен. Я полон грехов. Такой подъем мне не по силам!».

Любавичский Ребе Раяц отвечал на это так: «Жертва не только “из вас”, она зависит от вас. Каждый еврей на это способен, каково бы ни было его настоящее или прошлое. Так что каждый имеет право спросить себя: “когда мои поступки будут как поступки моих отцов Авраама, Ицхака и Якова?”».

ОГОНЬ

После того как жертвенное животное обследовали и в нем не обнаруживалось никаких пороков, его должны были убить, то есть не уничтожить тело, а только забрать из него жизнь. Затем животное приносили на алтарь, где его поглощал (в некоторых случаях только его жир, иногда все животное) огонь, сходящий сверху, от Г-спода.

Такова была процедура физического приношения жертв в Святилище. То же самое и в процессе внутреннего жертвоприношения, совершаемого евреем в отношении глубинной сущности его личности.

После исправления пороков и изъянов в своем образе жизни, «животное» человека должно быть убито. Следует убрать жизненность из инстинктивных физических порывов. Их энергия должна быть направлена по-иному. «Тело», то есть физические действия, остаются, но их побудительные мотивы полностью духовны, их цель – дать силу жизни, посвященной служению Б-гу. Так, в Талмуде (Йома, 76б) Рава говорил: «Вино и пряные травы умудряют меня». Сделать так означает достичь уровня, о котором Рамбам говорил: «Во всех путях ваших познавайте Его», – когда каждый поступок человека совершается ради святости, и так до тех пор, пока и он сам не станет святым. Так обстоит дело, например, в Субботу, когда еда и питье не просто средство для освящения дня, но и сами по себе заповеданы как часть его святости. Такова материальная шерсть в цицис, такова материальная кожа тфилин. Точно так же до этой степени может быть освящен любой поступок.

Затем наступает момент сближения. Тело, «животная душа» приближается к огню души, к огню, который есть любовь к Б-гу. «Пламя ее – пламя огненное, пламя Б-га» (Шир Аширим, 8:6). Любовь, про которую говорили мудрецы (Ялкут), что она подобна «небесному огню», превращает животную силу в трансформируемую энергию, которая трансформируется в любовь к Б-гу.

«И возлюби Г-спода Б-га твоего всем сердцем твоим». Мудрецы спрашивали, что означает «всем сердцем?» И отвечали: «обоими твоими началами». Когда сила и страсть физического человека подчиняются любви к Б-гу человека духовного, то огонь, горящий внутри каждого еврея, объединяется с огнем, спускающимся с Неба, и человек с Б-гом устремляются навстречу друг другу.

ЦАВ

В продолжение темы прошлой беседы Ребе эта исследует аналогию между Святилищем (Мишканом), построенным евреями в пустыне, и Святилищем, существующим в душе каждого еврея. Здесь упоминается неугасающий огонь, который должен был постоянно поддерживаться на внешнем алтаре. В чем его значение? От чего он защищает? Ребе отвечает на эти вопросы.

НЕУГАСАЮЩИЙ ОГОНЬ

«Огонь должен постоянно гореть на жертвеннике и не гаснуть» (Ваикра, 6:6). Иерусалимский Талмуд в комментарии на этот стих говорит: «постоянно – значит, даже в Субботу; постоянно – значит, даже когда человек нечист» (Йома, 4,6).

Как уже упоминалось, каждая деталь физического Святилища имеет аналог в душе еврея.

Его сердце – алтарь. И двум алтарям Мишкана (внешнему и внутреннему) соответствуют два уровня сердца – внешняя индивидуальность и самая сердцевина (Ликутей Тора, Дворим, 78д).

Неугасающий огонь должен был гореть на внешнем алтаре. Для еврея это означает, что огонь его любви к Б-гу должен быть видимым, открытым и явным. Это не частное имущество, чтобы хранить его подальше (в подсознании). Он открыто должен показывать свое отношение к миру.

УДАЛИВШИЙСЯ И УДАЛЕННЫЙ

Основная цель Субботы заключается в отдыхе, когда человек уходит от реалий будничного мира. Ежедневная работа запрещена. Но Суббота не просто день недели. Это состояние души. В пределах души это способ мышления и постижения. О его связи с Субботой мы читаем в стихе: «И назовешь Субботу блаженством» (Ишайя, 58:13). Ощущение Б-га в Субботу усиливается, отношение к Нему более искренно. Вследствие этого разум отчуждается от светского и земного.

Но достичь подобного уровня – значит испытать соблазн. Кто-то подумает, что так сильно ощущая присутствие Б-га, он преодолел страстное желание предаться безмятежному созерцанию. Разум демонстрирует свое превосходство над эмоциями. Он говорит себе, что не нуждается в огне любви. Именно ему адресованы слова Талмуда о том, что огонь «не должен гаснуть, даже в Субботу».

Но существует и другая крайность: человек может отдалиться от Б-га настолько, что больше не чувствует никакой с Ним связи. Тогда Талмуд ему говорит: «он не должен гаснуть, даже когда человек нечист». Ведь огонь не гаснет. В глубине души всегда горит хотя бы искра. Она может превратиться в пламя. И если огонек поддерживать жаром любви, он будет гореть постоянно. Межеричский Магид сказал, что фразу «И не должен гаснуть» следует читать «Он устранил “нет”. Огонь любви уничтожит все отрицательное. Он уведет человека с распутья, на котором тот стоит в раздумье, говоря “нет”».

ХОЛОД

В словах Магида подчеркивается: чтобы уничтожить «нет», огонь должен гореть постоянно. Его надо поддерживать своей постоянной привязанностью к Торе и выполнению заповедей – мицвойс. «Однажды» или «время от времени» недостаточно. Огонь потухает, наступает холод, и «нет» оказывается у власти. Это объясняется в заповеди (Шулхан Орух а-Рав, Орах Хаим, 60:4): «Помни, что Амалек сделал тебе в пути, когда выходили вы из Египта: как застал он тебя (корха) в пути...». Амалек – символ «холода» в религиозной жизни. «Корха» означает не только «он встретил тебя», но и «он сделал тебя холодным». Исторически Амалек «перебил у тебя всех ослабевших, что позади тебя, а ты был изнурен и утомлен, и не побоялся он Всесильного» (Дворим, 25:17-18). Амалек, находящийся внутри еврея, стремится сделать то же самое. Он и есть тот голос, который говорит «нет», когда любовь к Б-гу слабеет и иссякает. Это голос, не боящийся Всевышнего. И каждый день мы обязаны вспоминать об Амалеке, чтобы никогда не давать возможности холоду проникнуть и завладеть нашим сердцем. Это значит, что огонь любви не должен гаснуть никогда.

ОГОНЬ СНИЗУ И ОГОНЬ СВЕРХУ

Неугасающий огонь, созданный человеком, был необходимым условием для принятия Небесного огня в Святилище. Об этом в Талмуде сказано: «Несмотря на то, что огонь приходит с небес, привлечь этот огонь заповедано человеку» (Йома, 21б). Пробуждение внизу вызвало ответную реакцию Б-га. Но пришел этот ответ только тогда, когда огонь стал совершенным, без изъяна.

Это разъясняется и в этой, и в следующей недельных главах. Когда освящался Мишкан, и все, что в нем, было готово, Моше и Аарон находились там и приносили жертвы. Но

Б-жественное откровение не спускалось. След греха золотого тельца незримо сохранялся. И только на восьмой день, когда постоянно поддерживаемый огонь стал совершенен, след греха был стерт, «нет» уничтожено, «и вышел огонь от Б-га» (Ваикра, 9:24) и «явилась Слава Б-га всему народу» (там же, 9:23 и то же у Раши на это место).

Что это был за огонь с Небес? Почему для его появления требовалось совершенство огня земного?

Человек сотворен Б-гом, и он не вечен. Существуют границы, которые он не может самостоятельно преодолеть. Его деяния ограничены временем. Чтобы они стали вечными, необходимо вмешательство Б-жественного.

Поэтому в течение семи дней освящения Мишкан ежедневно строился и вновь разбирался. Будучи творением рук человека, он не мог стоять долго. На восьмой день спустилась Слава Б-га, и только тогда он стал постоянным.

Семь дней были днями недели, измерением земного времени. Восьмой – за пределами человеческого времени. Восемь – число, обозначающее вечность. Следовательно, это был день небесного огня, ставшего ответом Бесконечного Всевышнего.

ПРЕДЕЛЫ

Поскольку человек не может продвигаться к бесконечности самостоятельно, ее огонь спускается к нему. Но лишь тогда, когда он усовершенствовал свой собственный огонь и достиг пределов своих духовных возможностей. Человек получает ответ Всевышнего не тогда, когда покоряется судьбе и предается отчаянию, а когда достигает границы своих возможностей.

На это нам указывает слово «постоянный» в описании огня. Постоянно то, что бесконечно, потому что оно не ограничено временем. Время однако делится на мелкие части: часы, минуты, секунды. И даже непрерывное их повторение оказывается ограниченным измерением. Но, стремясь к совершенству в нашей короткой земной жизни, мы соединяемся с вечностью Б-га так, что само время становится бесконечным. И сама природа становится сверхъестественной. Наградой за служение Всевышнему становится благословение на успех в естественном мире, выходящем за рамки привычного порядка.

ОГОНЬ В СЛУЖЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

Смысл этого заключается в том, что каждый еврей создает Святилище для Б-га. И даже изучая Тору и выполняя заповеди, без неугасимого огня он все же будет лишен Б-жественного присутствия. Ведь в его служении нет жизни. И след того далекого греха золотого тельца может остаться: «нет» – отголосок холода.

Еврей должен внести жизнь, свое участие и огонь в три основы религиозного существования: изучение Торы, служение Б-гу и добрые дела (Пиркей Овойс, 1:2).

Изучение Торы не должно происходить как простое исполнение обязанности, выполнение минимальных требований. Слова Торы всегда должны быть на устах еврея. И слова эти надо произносить с жаром. В Талмуде рассказывается: «Брурия однажды застала ученика учившим Тору вполголоса и сделала ему выговор: «Разве не написано там: “Должна быть во всем, несомненно”, “Если ты “ощущаешь” Тору в двухсот сорока восьми частях своего тела, она “несомненно” достигнет цели. В противном случае этого не произойдет». Другими словами, Тора должна проникать в каждую грань существования еврея до тех пор, пока он не скажет: «Все кости мои будут говорить: “Б-г! Кто подобен Тебе?”» (Теилим, 35:10).

Служение Б-гу означает чтение молитвы, и об этом в Пиркей Овойс сказано: «Когда ты молишься, пусть молитва твоя будет не повинностью, но (искренней просьбой) о милосердии и мольбой, обращенными ко Всевышнему» (там же, 2:13).

Благотворительность включает в себя выполнение заповедей. И делать это опять-таки надо не просто из добросовестности, но с внутренним теплом, которое открыто проявляет себя в желании выполнять заповеди как можно лучше.

Именно эти действия зажигают огонь. И именно это человеческое тепло приносит в наш мир огонь Небесный. Оно приводит в мир Всевышнего и вовлекает бесконечность в сферу конечного.

ШМИНИ

Название недельной главы Шмини (в переводе – «восьмой») относится к дню, когда Аарон и его сыновья начали службу в Святилище (Мишкане). В этот день раскрылась Слава Б-га. Но почему он назван «восьмой день»? Только ли потому, что наступил после семи дней освящения Мишкана? Вряд ли он похож на простое их продолжение. Ведь в те семь дней евреи стремились приблизиться к Б-гу, совершенствуя себя и этот мир. А на восьмой день Б-г раскрыл перед ними Свою Славу. Можно ли уравнивать усилия человека и ответ Всевышнего, выраженный в явлении Его Славы? Один ограничен в своих возможностях, другой — безграничен. Тогда можно ли говорить о восьмом дне как о логическом продолжении предыдущих семи? Начав с этого вопроса, Ребе исследует взаимосвязь человеческих устремлений и Б-жественного откровения на примере Святилища, Субботы, обряда обрезания и счета омера.

НА ВОСЬМОЙ ДЕНЬ

Глава Шмини начинается словами: «И было на восьмой день...» Кли Якар, комментируя Тору, задается вопросом: почему этот день, наступивший после семи дней

освящения Мишкана, назван «восьмой день»? Получается, события его были естественным продолжением предыдущих семи. Что было на самом деле? Посвящение Аарона и его сыновей длилось всего семь дней: «И от входа в шатер откровения не отходите семь дней, пока не пройдут дни посвящения вашего, ибо семь дней продлится обряд вашего посвящения» (Ваикра, 8:33). За это время был освящен алтарь. А следующий день был отделен от предыдущих: он был предназначен для посвящения Аарона и его сыновей в служители Мишкана.

Кли Якар так отвечает на свой вопрос: тот день назван восьмым, дабы подчеркнуть его необычайную природу. Ведь вскоре после этих слов сказано: «Сегодня Всесильный откроется вам». То, что Б-г открылся именно в этот день, а не в дни посвящения, объясняется в Торе тем, что это был восьмой день. Семь – число дней недели, измерение земного времени, символ человеческого пространства. Восемь символизирует святость, неподвластную человеку.

Вот почему обрезание можно делать в Субботу. Ведь обрезание происходит на восьмой день от рождения, а Суббота – седьмой день недели. Другими словами, Суббота относится к человеческому измерению времени, а обрезание – уже к области святого, сверхъестественного. А требования духовного превалируют над требованиями физического.

УРОВНИ СВЯТОСТИ

То, что число дней недели равно семи, не означает, будто это число — символ только будничного мира, мира светского. Ведь, как известно, Суббота, будучи одним из этих семи дней, тем не менее является днем святости. И все же он рассматривается как один из семи дней творения, а значит, относится к установленному порядку. Число восемь символизирует выход за границы привычного времени, скорее оно выражает полное единение с Б-гом как таковым, чем с его отношением к миру.

Кли Якар приводит пример с числом восемь: у арфы, которая будет использоваться в Храме с наступлением эры Мошиаха, будет восемь струн (Эркин, 13б). А у арфы, на которой играли в Мишкане, было только семь. Она была священной. И все же менее священной, чем будет арфа времен Мошиаха.

Тора сама по себе священна. Но наш отклик на нее Мидраш называет «суею» (Коэлес Раба, 11:8) по сравнению с изучением и раскрытием Торы в эру Мошиаха.

Иными словами, существуют различные уровни святости. Святость этого мира раскрывается в числе семь, и она ограничена человеческими возможностями. Но существует и другая святость, выходящая за пределы этого мира, за пределы представления о том, что Б-г и мир – два разных понятия. И этот уровень святости выражается числом восемь.

ДАРЫ И НАГРАДЫ

Интересно, что Кли Якар, отвечая на свой вопрос, похоже, не справляется с этой задачей. Напротив, его ответ заостряет вопрос.

Если восьмой день выражает полное единение с Б-гом, то он означает нечто сверхъестественное. Но если это так, то он не может быть связан с предыдущими семью днями посвящения, ведь они являют собой человеческую деятельность, освящение

естественного порядка и земного времени. В то же время, нам ясно дается понять, что под словами «восьмой день» подразумевается продолжение предыдущих семи.

Решение проблемы обнаруживается в следующем факте: сверхъестественное раскрытие Б-жественного зависит от наших собственных усилий. От нашего признания над собой воли Всевышнего и служения Ему зависит скорейшее наступление эры Мошиаха. Усилия в течение семи дней земного времени ради совершенства данного мира лучше выражают нашу преданность Б-гу. И на восьмой день – день Мошиаха, эта преданность приведет к тому, что Всевышний ответит. Хотя эра Мошиаха станет достижением высшего уровня святости по сравнению с тем, что мы можем достичь своим служением Б-гу сегодня, это не будет внезапным прорывом в еврейском сознании. А скорее станет логическим итогом всех предшествующих наших действий — «восьмым днем» в том смысле, что он продолжит и завершит наши стремления к совершенству после того, как мы выполним все от нас зависящее.

Проведем аналогию. Субботу, седьмой день, можно рассматривать двояко. С одной стороны, это один из дней недели – священнее остальных шести, но все же часть земного измерения времени. В заповеди о Субботе есть замечательная фраза: «И будут хранить субботу сыны Израиля, чтобы совершать (обычно переводят как “соблюдать”) ее во всех поколениях своих» (Шмойс, 31:16). Мы соблюдаем Субботу. Это Святилище, которое мы строим в течение недели своим служением Б-гу. С другой стороны, Суббота – «часть будущего мира», намек на эру Мошиаха. Самостоятельно мы не можем достичь такого аспекта и получаем его в дар от Б-га. Именно об этом речь идет в Талмуде: «Святой, пусть благословен Он будет, сказал Моше: “В моей сокровищнице есть ценный дар, и это – Суббота”» (Шабос, 10б).

Слова «дар» и «награда» различны по значению: награду получают за выполнение чего-то, а дар зависит только от милости благодетеля. И этот аспект Субботы, эта раскрываемая часть будущего мира зависит только от милости Б-га. В нем заключается святость, выходящая за границы человеческих возможностей.

Но даже дар мы должны заработать. Мудрецы говорят: «Если одариваемый не сделает приятное (своему благодетелю), тот ничего ему не подарит» (Мегила, 26б; Гитин, 50б; Бава Басра, 156а). То есть, если мы не сделаем приятное Всевышнему, то не получим Его подарка. Тогда как «тот, кто работает накануне Субботы, будет есть в Субботу» (Авода Зара, 3а; Ликутей Тора, Шир Аширим, 24б). Благодаря своим трудам мы получаем Б-жественный дар, значительно превышающий стоимость нашей работы.

Это верно и в отношении Б-жественного откровения в Мишкане на восьмой день. Оно не является заслуженным работой человека над освящением Святилища в течение семи дней. Однако Б-жественный отклик пришел только тогда, когда посвящение было завершено. Б-г преподносит свой дар человеку после того, как тот сделал для посвящения себя Б-гу все, что в его силах. Потому-то это и называется «восьмым днем» – днем милости Б-жьей, когда Он откликается на семидневное стремление человека соединиться с Ним.

ПОДСЧЕТ ОМЕРА

Часто главу Шмини читают сразу после Пейсаха, перед началом семи недель, в течение которых ведется счет омера. Как эти два события связаны между собой?

Тора говорит об омере: «Отсчитайте пятьдесят дней» (Ваикра, 23:16). Но на самом деле мы отсчитываем всего сорок девять. Почему? В течение семи недель мы, шаг за шагом отдаляясь от сорока девяти «стадий нечистоты», проходим через сорок девять «ворот понимания». Последний, пятидесятый, уровень понимания находится за пределами нашего сознания. И мы поднимаемся на него только вследствие того, что собственными усилиями достигаем сорок девятого уровня. Он – как дар Б-га.

Семь недель омера можно сравнить с семью днями посвящения. Они выражают духовные достижения человека. Пятидесятый день омера подобен восьмому дню в Мишкане: это откровение, которое врывается в нашу жизнь извне, это ответ Б-га на наши усилия. Пятидесятый день – Швуэс – это день, когда нам была дана Тора на горе Синай. И это – предвкушение будущего раскрытия света Всевышнего во времена Мошиаха (Тания, ч. 1, гл. 36).

ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ

Подсчет омера был не только подготовкой к принятию Торы. Это также подготовка и к приходу Мошиаха.

У пророка Михи мы читаем: «Как в дни твоего выхода из Египта, Я буду творить чудеса» (Невиим, 7:15). Но выход из Египта произошел всего за один день – 15 Нисана. Любавичский Ребе Раяц объяснял: освобождение из Египта будет завершено лишь тогда, когда придет будущее избавление. До тех пор мы все равно находимся в плену у Египта (в метафорическом смысле), то есть в плену своей ограниченности. Наша задача заключается в том, чтобы ее преодолеть. Исторический исход евреев из Египта в 2448 году был лишь началом долгого процесса самоосвобождения. Он будет завершен в эру Мошиаха, когда мы, наконец, достигнем того уровня, на котором уже никакие духовные высоты от нас не будут скрыты. В тяжелые времена, когда мы опускаемся в духовном плане, кажется, что этот процесс приостановился или даже пошел в обратную сторону. Но для достижения новых духовных высот иногда необходимо пережить тяжелые времена. Тогда появляются резервы новых сил, и это нельзя считать возвращением на прежнюю стадию развития, потому что такое время помогает человеку подняться на новый уровень религиозного сознания. Подобные стадии поступательного духовного роста человека – часть Б-жественного плана.

НОВОСТИ ФЕДЕРАЦИИ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН

В СЕРДЦЕ УРАЛА

4–5 марта в Екатеринбурге по приглашению главного раввина Екатеринбурга и Свердловской области Зелига Ашкенази побывала делегация руководителей еврейских общин СНГ во главе с главным раввином России Берлом Лазаром и президентом Федерации еврейских общин СНГ Леви Леваевым. Этот визит был приурочен к открытию нового здания еврейской общеобразовательной гимназии и закладке первого камня екатеринбургской синагоги.

В первый день своего визита раввин Берл Лазар и Леви Леваев встретились с губернатором Свердловской области Эдуардом Росселем, чтобы обсудить перспективы развития еврейской общины Екатеринбурга и Свердловской области. Было отмечено, что в последние годы восстановление еврейской общины в городе и области происходит довольно динамично. Главным достижением этого процесса стало открытие в прошлом году еврейской гимназии в Екатеринбурге, для которой теперь построено собственное здание.

Эдуард Россель подчеркнул, что «не представляет себе возрождение России без восстановления традиций и обычаев населяющих ее народов». Главный раввин России Берл Лазар, в свою очередь, отметил, что усилия администрации области в этом направлении «достойны уважения и благодарности и показывают, что во главе региона стоят умные и просвещенные люди». Во встрече также приняли участие главный раввин Екатеринбурга и Свердловской области Зелиг Ашкенази, руководители администрации области и города, а также представители деловых кругов Свердловской области.

5 марта Берл Лазар и Леви Леваев встретились с мэром Екатеринбурга Аркадием Чернецким. Мэр дал высокую оценку деятельности ФЕОР в регионе. По его словам, эта организация достойна полной поддержки со стороны властей в своей благородной работе.

Президент ФЕО СНГ Леви Леваев поблагодарил городские власти за помощь еврейской общине и преподнес в дар городу серебряный макет Иерусалима.

После завершения встречи с Аркадием Чернецким прошла пресс-конференция раввина

Б. Лазара и Л. Леваева. Отвечая на вопрос о будущем еврейской общины, главный раввин России сказал, что, по его мнению, община сохранится на российской земле. Президент ФЕО СНГ в свою очередь отметил, что «федеральные и региональные власти отдают себе полный отчет в необходимости воспитания нового поколения россиян в духе национальных традиций каждого из народов, населяющих Россию». По его мнению, истинный патриотизм базируется не на пропагандистской патетике, а на заповедях, проповедуемых традиционными для страны конфессиями. «На этом пути важнейшим достижением является развитие еврейского образования в Екатеринбурге», – подчеркнул Леви Леваев.

В тот же день в Екатеринбурге состоялись две торжественные церемонии: закладка первого камня здания синагоги и открытие нового здания еврейской гимназии. Выступая по поводу открытия нового здания гимназии, Эдуард Россель выразил надежду, что выпускники школы станут высококвалифицированными специалистами, дефицит которых сегодня испытывают предприятия региона. Губернатор пообещал образовательным программам, организованным главным раввином Екатеринбурга Зелигом Ашкенази, поддержку местной власти. Раввин Берл Лазар в своем выступлении отметил,

что работа еврейской общины Екатеринбурга может служить моделью общинной деятельности во всех регионах России.

В закладке первого камня здания синагоги приняли участие главный раввин России Берл Лазар, президент Федерации еврейских общин СНГ Леви Леваев, губернатор Свердловской области Эдуард Россель и генеральный консул США в Екатеринбурге Джеймс Бигус. Выступая на торжественной церемонии, губернатор сказал: «Это событие – символ того, что никакой режим не может отучить народ от традиций предков».

Для синагоги предполагается за два года построить трехэтажное здание общей площадью 2,5 тысячи квадратных метров. «Не только построить, но и собрать в храм прихожан, их детей и внуков» призвал главный раввин России Берл Лазар. Он напомнил, что «греческое слово “синагога” переводится на иврит как “дом собраний”, поскольку синагогой здание становится только благодаря собирающимся в нем евреям».

Вечером 5 марта делегация вернулась в Москву.

יְיָ אֱלֹהֵינוּ דְּעָא «יְיָ אֱלֹהֵינוּ»

Днепропетровск

Еще в конце февраля на популярном в Днепропетровске городском телеканале, в газетах, на улицах стали появляться объявления, афиши, баннеры, напоминающие: «Пурим идет!» Наступивший праздник с лихвой оправдал все ожидания! Первый его вечер начался концертом в Оперном театре – главном концертном зале Днепропетровска. По приглашению еврейской общины, при поддержке «Джойнта», «Сохнута» и Израильского культурного центра к нам с большим моноспектаклем приехал народный артист России Роман Карцев. В интервью, данном в пресс-центре нашей общины, он выразил восхищение развитием еврейской жизни в городе и признался: Днепропетровск входит в десятку его любимых городов.

По окончании концерта руководители еврейских организаций города поздравили всех с веселым Пуримом, а член президиума попечительского совета еврейской общины Дмитрий Мишалов объявил о начале строительства Дома для пожилых, которое будет осуществлять Днепропетровская еврейская община совместно с Всемирной еврейской организацией помощи и утешения. И это было достойным завершением чудесного пуримского вечера!

А утром праздничное действие собрало свыше пятисот человек в Хоральной синагоге «Золотая Роза»: там проходили молитва и чтение Мегилас Эстер. Впервые за многие десятилетия стены возрожденной синагоги оглашались шумом трещоток и топотом множества ног, заглушающими имя проклятого Омана. А сколько детей в маскарадных костюмах пришли в синагогу в этот день! И старики, видя, как внимательно слушают малыши чтение Свитка Эстер, испытывали радостное чувство: их жизнь прошла не зря, и зерна веры, пронесенные через страшные годы фашизма и коммунизма – слава Б-гу! – дают свои всходы.

В завершение пуримского марафона прошел грандиозный по своим масштабам праздник для более чем двух тысяч человек, проведенный в городском цирке. Представление началось уже в фойе, где взрослых и детей встречали клоуны и акробаты, устраивались игры и конкурсы. Все с большим удовольствием разбирали трещотки, дудки и другие «шумовые устройства». Радостно было наблюдать, как взрослые, сбросив с себя груз повседневных забот, в карнавальных масках веселятся вместе с детьми, распевая еврейские песни. А потом был пуримшпиль, поставленный силами коллективов женского педагогического училища «Бет-Хана», Израильского культурного и Общинного центров.

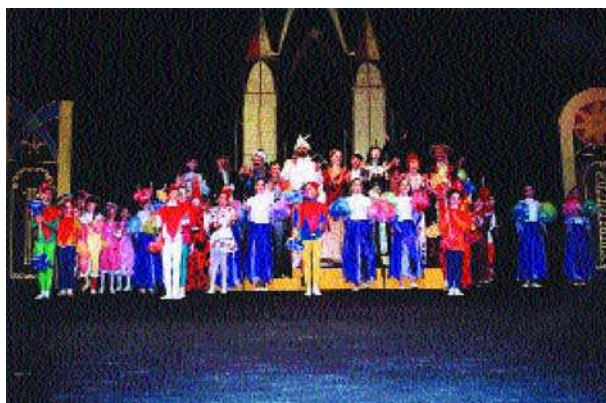
Пурим 5761 года в Днепропетровске был самым массовым из праздников последних лет, и никто не остался без подарков. Исполняющие заповедь «лехаим» высказывали огромную благодарность всем, кто из года в год в Днепропетровске и Москве, в Бостоне и Иерусалиме и во многих других городах мира делает нелегкое, но святое дело – возвращает еврейский народ к его истокам, делает нас сплоченными и сильными.

Донецк

Пурим – самый-самый-самый веселый наш праздник. Возбуждение от подготовки к нему передавалось от организаторов мероприятий зрителям, от евреев – неевреям, оно выплескивалось на улицу и чувствовалось в воздухе. «Знаете, – слышала я в троллейбусе, – в драмтеатре какой-то концерт будет. Говорят, евреи готовят. Неужели к 8 марта?» «Скажи, – звучало из телефонной трубки, – что опять затевают евреи? И нельзя ли купить билетик на Пурим?» «На этот день билетов нет, – слышала я, когда заходила к главному распространителю пуримских билетов, который в очередной раз объяснял по телефону ситуацию, – остались только на следующий и только в ярусах. Ну что вы, там тоже сидят приличные люди...» «Готово-не готово, – разговаривал с кем-то по телефону главный режиссер драматического театра Владимир Лившиц, – слушай, как я могу забыть про это, если у меня везде крупными буквами справа налево написано “Пурим”?!» А я, от радостной суматохи окончательно смешавшись во времени и пространстве, на поздравления знакомых мужчин «С наступающим» традиционно отвечала: «И вас также». «С каким?» – оторопело спрашивали меня. Приходилось объяснять.

И вот уже сам Пурим – это было что-то особенное: большой бал-маскарад пуримшпиль, всевозможные утренники, праздники в разных клубах... Многие мужчины на сцене драматического могут сказать, что все происходящее они помнят только до определенного момента. И это очень здорово с точки зрения традиции!

Пурим отмечали широко в разных уголках Донецка.

Вильнюс

Пурим – вестник весны. Он приносит радость, обновляет силы, укрепляет надежды.

В вильнюсской школе «Бейс Менахем» к Пуриму решили приурочить КВН. Две команды из учеников и учителей подготовили приветствие и домашнее задание на тему «Пурим в необычных условиях». Команда «Морские клоуны» перенесла историю праздника в подводное царство, где Ахашверошем был Нептун, Оман – Жабой, Мордахай – Пингвином, Эстер – Русалочкой. А команда «Пур», облачившись в персидские одежды, объединила прошлое и настоящее при помощи мелодий.

Команды обменивались заранее подготовленными вопросами, а учительница русского языка и литературы предложила из слова «оменташн» составить новые слова. Авторитетное жюри «строго» оценивало каждое задание. Пуримское настроение создавал необычно украшенный зал: гирлянды, воздушные шары, плакаты. Интересно, что и команды КВН, и их болельщики были в карнавальных костюмах.

В конце был объявлен победитель, получивший большой пирог в форме «уха Омана», а проигравшим вручили утешительный приз – баранки.

Удовольствие от игры получили все. Праздник закончился настоящим пиром в школьной столовой.

В этом году Пурим отмечался в недавно открывшемся «Конгрессу румай» («Дворец конгрессов»). На пуримский вечер пришло более 1000 человек всех возрастов. Были среди них и почетные гости: консул Израиля Нахум Галь и посол Америки Джон Тевт. Они поздравили собравшихся с Пуримом, пожелали хорошо провести вечер. Открыли праздник ученики начальных классов школы «Бейс Менахем», показав литературно-музыкальную композицию на тему «Веселый праздник Пурим».

Вели программу одетые в яркие клоунские костюмы Давид Кононов и Залман Абрамов. Солист, ученик 3-го класса Хайм Стравинский, в костюме Ахашвероша задорно исполнил песню «Ани Пурим». Бурными овациями зал проводил Мордехая – солиста Иосифа Кота, ученика 6-го класса, исполнившего песню об истории праздника. Особое настроение создавал «костюмированный» хор.

Когда истекло время поста, со сцены Дворца конгрессов раввин Шолом-Бер Крински прочитал Свиток Эстер. Чтение сопровождалось показом слайдов.

Организация «Хабад-Любавич» Литвы подготовила незабываемый подарок евреям республики. Впервые здесь давал концерт мужской хор Михаила Турецкого из Москвы. В программе «Два с небольшим часа еврейского счастья» прозвучали песни на русском, английском, иврите и идише. Зал тепло встречал знакомые мелодии и с удовольствием подпевал, когда исполнялись «Лехаим», «Ба мир бисту шейн», «Семь сорок», «Тум балалайка». Прекрасным аккордом было попури из одесских и русских народных песен.

Зрители стоя аплодировали хору Михаила Турецкого, неоднократно вызывая его на бис.

Все уходили с праздника с шалах монос. Как жаль, что Пурим только раз в году!

Калининград

На праздник Пурим, прошедший в ДКМ, и организованный еврейской общиной Калининграда, еще за долго до его начала были разобраны пригласительные билеты. Приятно отметить, что инициативная группа предложила обеспечить порядок в фойе и на входе. В группу вошли председатель общины Яков Азимов, Давид Аврасин и Григорий Кнох. Скажу заранее, что с задачей они справились и этот праздник по организации многие назвали образцово-показательным.

На входе раздавались новый номер газеты «Симха» и подарки детям, присланные Федерацией еврейских общин России, и у людей сразу поднималось настроение. Перед входом те, кто не успел взять билет, как в старые добрые времена спрашивали лишнего билетик. И действительно, в зале ДКМ был полный аншлаг, присутствовали более 500 человек.

Праздник начался приветствием главного раввина Калининграда Давида Шведик. А после этого читался «Мегилас Эстер», Свиток Эстер... Впервые в истории Калининграда столько евреев слушали чтение Свитка, многие слушали его впервые. Потом состоялся традиционный Пуримшпиль – спектакль, который показали члены молодежного клуба еврейской общины Калининграда. Причем написала сценарий и режиссировала эту постановку руководитель молодежного клуба Ольга Козловская. Пожалуй, гвоздем программы был танцевальный коллектив 22-й школы под управлением Юрия Кошарного «Славянское вече» с зажигательным еврейским танцем. От имени областной администрации евреев поздравил начальник управления образования области Лазарь Фуксон.

Вторая часть праздника проходила в фойе ДКМ. Были накрыты столики с традиционными на этом празднике Лехаим, оменташн и другой закуской. Весь вечер играл ансамбль под управлением первого артиста Калининграда Рудольфа Тихмана, между прочим, у Рудика был день рождения, но все равно он пришел порадовать евреев своим талантом. Непринужденная и дружественная атмосфера праздника располагала к разговорам по душам в еврейской компании, а когда ансамбль заиграл «Хава нагила», люди начали танцевать и не прекращали до конца вечера. В фойе выступил хор воскресной еврейской школы нашей общины, и когда они в 30 голосов спели еврейские песни, некоторые мамы сказали, что они тоже хотят записать своих детей в этот хор. И были очень удивлены, что нашей воскресной школе всего несколько месяцев.

Люди уходили с праздника уставшие, но довольные и счастливые, что встретили своих друзей, что евреев в Калининграде не стало меньше и что прикоснулись к своей традиции, к своей истории.

Луганск

Ááñ à í ðèøèà!

Í ðèøæ Äääð

È Í òðèì íí í áñò áñì

á ääð

Ì ù ááñèèì ñý è èääàì

È áñò í à ñääüó

í ðèääòààì !..

Такие интригующие приглашения на заседание клуба «Хая Мушка» получили в канун Пурима еврейские женщины Луганска. И полетели телефонные звонки от подруги к подруге: «Кто женится?», «Чья свадьба?», «Что нести для угощения?», «Какие делать костюмы?»

В назначенный час в уютном зале одного из ресторанов Луганска собрались на пуримское заседание 120 женщин. Всех приветливо встречал «Раввин Хаим» (не так легко было узнать в роли раввина ребецн Хану Гопин).

Ведущие вечера приветствовали собравшихся «...Сколько еврейских женщин прославили свой народ: Сара и Лея, Рахель и Мирьям и, конечно, Эстер! В честь ее красоты и мудрости объявляются свадьба и пир!» И вот уже еврейская сваха предлагает красавице-невесте женихов – певца, художника, поэта, рыцаря, «нового» русского» но всех, конечно, затмил Мойше. И вот под хупу ведут его под руки папа и мама. Победила мудрость – невеста выбрала еврея.

«Раввин» объясняет, что свадьба в Пурим символична: мы вспоминаем свадьбу Эстер, ведь во многом это событие определило судьбу еврейского народа. Кроме того, сам еврейский народ – это невеста Всевышнего.

Интересным был видеофильм о еврейской свадьбе в Израиле. Поскольку с Пуримом связана заповедь «шалах манос», участницы клуба соревновались в оформлении подарочных корзин, а затем обменивались подарками с подругами.

Ну, а какая же свадьба и Пурим без танцев? Под звуки оркестра клейзмерской музыки «Хохма» все гости пустились в пляс.

Совсем недавно наш клуб и появившийся при нем журнал «Мир еврейской женщины» отпраздновали свою первую годовщину. Очень приятно, что вокруг ребецн Ханы Гопин собирается с каждым разом все больше женщин, желающих изучать еврейские традиции, нести их в свои семьи.

Вместе с первыми солнечными лучами пришел в Луганск Адар.

С особенным нетерпением его ждут дети. И на этот раз Пурим не обманул ничьих надежд, оставив неизгладимые впечатления.

Еще за две недели до начала праздника учащиеся еврейской средней школы «Бейт Менахем» начали выполнять одну из четырех основных заповедей: собрав угощения, навестили пожилых людей, рассказывали им историю Пурима, пели песни на русском и иврите.

В канун праздника в одном из дворцов культуры города собралась областная еврейская община. Огромный зал был заполнен до отказа. А всех приветствовал и поздравил с праздником главный раввин Луганского региона Шолом Гопин. Затем под звуки музыки с шарами и трещотками выбежали веселые клоуны, колесом на сцену выкатился и сам Пурим. Его Пур – жребий – попал в древнеиспанский город Сарагоса, где много лет назад жила еврейская община – такую историю разыграли в пуримшпиле учащиеся школы «Бейт Менахем».

Веселые песни, танцы зажигали зрителей. Когда прозвучали слова:

Ī ū æèâî ĭà Óéðàèíá

È ĭââæâĭþ èæâîé

æèâîò,

Áâðèò - ñòáíàò èĭââ-òĭ

ââèĭùì,

איִשְׂרָאֵל וְיִשְׂרָאֵלִים

יִשְׂרָאֵל

И, конечно, особенное удовольствие все получили от выступления хора мальчиков из Днепропетровска «Пирхей Украина», – в глазах стариков появились слезы.

Вечером 8 марта в кукольном театре собрались члены Луганской еврейской общины для чтения Книги Эстер. У всех приподнятое настроение, дети в карнавальных костюмах, с трещотками. Тем не менее все внимательно слушали раввина, который читал свиток Эстер. После этого последовала праздничная трапеза. А закончился праздник веселыми хороводами, где бок о бок танцевали и родители, и дети. Это наш раввин Шолом Гопин и его жена ребецн Хана организовали такой замечательный и веселый праздник!

Рига

На улицах Риги лежал снег, весна только начиналась, зато как! На улицах города пестрели праздничные афиши: «Давайте веселиться! Организация Хабад-Любавич приглашает отпраздновать Пурим 8 марта в 18.00 в здании Рижского цирка». Программа обещала цирковое представление, мюзикл «Пуримшпиль» в исполнении учеников школы «Хабад-Любавич», выступление хора школы имени Ш. Дубнова и детского танцевального коллектива «Маагаль» латвийского общества еврейской культуры. И, конечно, чтение Мегилас Эстер.

Цирковое представление с клоунами, акробатами, дрессированными животными было великолепным! Но самым замечательным было то, что все евреи Риги собрались в тот вечер в цирке вместе, как одна семья. Это был прекрасный праздник! Много всевозможных талантов обнаружили, кроме самих выступающих, награжденных оглушительными аплодисментами, и те, кто участвовал в подготовке этих выступлений: преподаватели школы «Хабад-Любавич» Татьяна Егорова, Диана Кирман, Анна Чернякова-Неймарк, руководитель хора школы им. Ш. Дубнова и, конечно же, директор школы «Хабад-Любавич» Эдит Блох, директор и художественный руководитель рижского цирка Гунар Каткевич, раввин Мордехай Глазман и ребецн Ривка, а также Шнеур и Рохи Кот. Огромное всем им спасибо! Отлично продумано было все, даже антракт, когда можно было приобрести книги по еврейской тематике, традиционные атрибуты Пурима – маски, трещотки, попробовать оменташн.

Надо сказать, взрослые веселились как дети! В конце первого отделения праздника прозвучала Мегилас Эстер. Все внимательно слушали раввина Шнеура Кота, стараясь не пропустить ни единого слова, а услышав «Оман», поднимали такой шум, что имя злодея в нем безнадежно тонуло. Мы никогда не должны забывать, что наш народ не похож на все другие народы, поэтому всегда находятся оманы, жаждущие нашей гибели. Чему учит пуримский рассказ? Где бы ни жили, мы всегда должны помогать друг другу. Взаимная помощь и поддержка не раз спасали евреев в тяжелые минуты. Ведь сказано в Свитке Эстер: «И дни эти будете вспоминать и отмечать из поколения в поколение, ...и память о них не сотрется у ваших потомков».

Известно, что с Пуримом связана заповедь помочь как можно большему числу нуждающихся. Бася Китайчик из благотворительной организации «Хабад-Любавич» рассказала: «Были выпечены полторы тысячи оменташн. Все, кто получают обеды и продуктовые наборы, приходили на праздничные благотворительные обеды и получили шалах манос. Никто из нуждающихся не был забыт, помогли всем без исключения. Для участников воскресного кружка по изучению Торы и еврейских традиций была устроена праздничная трапеза с традиционным угощением».

За огромную подготовительную работу в организации этой части праздника надо поблагодарить сотрудников организации «Хабад-Любавич» Басю Китайчик, Ольгу Велькович, Аллу Трифонову и Николая Павлова.

На следующий день праздник продолжался. В школе «Хабад-Любавич» вместо уроков проходили конкурсы, викторины, аттракционы. Старшеклассники помогали малышам готовить шалах манос, а затем все обменивались этими подарками. В празднично украшенном зале состоялась традиционная трапеза для учеников с родителями. Во время чтения Мегилас Эстер показывали слайды об истории Пурима.

А какая праздничная программа была в детском саду «Хабад-Любавич»! Во-первых, детки украсили свое помещение: фигурками веселых клоунов, разноцветными гирляндами, мишурой, воздушными шариками. В группах были построены целые дворцы,

в которых находились персонажи истории Пурима. Ребята пели песни на идише и иврите, танцевали и рассказывали, как царица Эстер спасла еврейский народ. Они очень хорошо знали, о чем повествует Свиток Эстер. Все было празднично, нарядно одеты, многие в карнавальных костюмах. Царило веселье: различные игры, эстафета с оменташн! Дети подготовительной группы показали кукольный спектакль. И здесь все прошло на славу! А когда наша уважаемая ребецн Ривка Глазман вручала шалах монос сотрудникам школы и детского сада, удовольствия и радости у взрослых было ничуть не меньше, чем у детей.

И здесь праздник закончился чтением Мегилас Эстер. И снова, услышав имя Омана, все подняли такой шум, что все ходило ходуном! Пусть враги наши видят, что мы живем вопреки их желанию уничтожить нас! Что мы, евреи, обладаем особой неукротимой энергией, особой жизненной силой, преодолевающей все невзгоды и преследования. Даже если наша жизнь трудна и опасна, в Пурим мы должны оставить все заботы, забыть обо всех невзгодах – и веселиться! И несчастья отступят, обернувшись радостью и праздником, как это случилось некогда в Персидском царстве.

Саратов

Всего несколько месяцев назад в Саратове открылся учебно-воспитательный комплекс «Ор Авнер», но уже и дети, и взрослые успели узнать и полюбить этот уголок национальной культуры. Его учредитель – главный раввин города Саратова и области Яков Кубичек, директор – Карлышева Маргарита Афанасьевна, педагогический коллектив, а также учащиеся приложили немало усилий для организации вечером 13 Адара праздника Пурим. Их старания не пропали даром, и школа достойно подготовилась к этому дню.

Беззаботная атмосфера праздника ощущалась уже с порога, когда в коридоре всех гостей радушно приветствовали два шута, указывая возможные пути дальнейшего следования. Многие родители, пришедшие впервые, смогли ознакомиться с учебными кабинетами и детскими комнатами, в которых, возможно, с нового учебного года будут заниматься и их дети. Раздав программки праздника и газету, выпускаемую учениками школы, организаторы пригласили всех гостей подняться в театральный зал.

Такого вы еще не видели! Зрители смотрели пуримшпиль затаив дыхание, нарушая тишину лишь хохотом и бурей аплодисментов. Ребята играли как настоящие актеры, хотя сами едва удерживались от смеха. Ахашверош был царь царей, Эстер поразила всех своей покорностью и красотой, а злой, коварный Оман был жалок и беспомощен перед счастливым жребием, выпавшим на долю евреев.

По окончании спектакля дети с родителями отправились в актовй зал, по дороге заглянув в костюмерную примерить маски и маскарадные костюмы. Конкурсам, шуткам, танцам, казалось, не будет конца. Каждый ребенок получил заслуженный им приз. И конечно же, в конце всех ожидало праздничное угощение, так как дни Пурима – «дни пира и веселья». Не забыли и об основной заповеди праздника: все гости получили шалах монос, а также и хорошее настроение.

Волжск

Праздник Пурим волжская еврейская община отмечала не раз, но впервые в нынешнем году полностью прозвучал текст «Мегилас Эстер». Начало Свитка было прочитано на иврите, а остальное – в русском переводе, но этому есть объяснение. Праздник проходил в актовом зале политехнического техникума, а не в синагоге, и читал свиток председатель общины Гарри Тарловский, а не раввин. К тому же те, кто внимал священному тексту, с рождения привыкли говорить только по-русски. Собственно, суть не в том, на каком языке прочесть, а насколько глубоко в сердце слушающего проникнет услышанное. После чтения Свитка председатель общины провел параллель между событиями многолетней давности и ушедшего, XX века. Надо сказать, волжские евреи воспринимали чтение свитка очень живо, не забывая встречать имя коварного Омана дружным топотом и грохотом трещоток.

Был и веселый пуримшпиль. Как же не рассмеяться, когда Оман поет на мелодию «Из-за острова на стрежень»:

Í àø í ðààè ò áüü í áéàæ àéñŷ,

Í àñ í à áááó í ðŷì áí ŷë:

Èàè ñ æ è äŷ à éŷŷ ñ ŷŷç à éñŷ,

Òóò æ á ñ à ñ à á ð ñ ñ ò à é!..

Житомир

Были в пьесе и по-настоящему драматические моменты. Одна зрительница, к примеру, призналась, что, когда по сцене под конвоем вели Мордехая, сопровождаемого плачущими женщинами под печальное пение скрипки, она даже прослезилась.

Финал пуримшпиля, как и положено, счастливый. Арестован заговорщик Оман, с негодяйкой женой Зереш подсылавший к царю киллеров, переодетых евнухами. Его «Движение против жидов» (сокращенно - ДПЖ) посрамлено и разгромлено. А когда освобожденный Мордехай воскликнул: «Да будет жив Израиль народ!», в исполнение известной песни «Ам Исраэль хай» включился весь зал.

После спектакля, длившегося всего-то полчаса, и зрители, и действующие лица пуримшпиля дружно проследовали в столовую, где была приготовлена вкусная кошерная трапеза.

Вскоре по местному кабельному телеканалу прошел видеосюжет о Пуриме. Это уже третий сюжет о деятельности еврейской общины города Волжского, показанный за последний год, и, насколько нам известно, телезрители воспринимают эти сюжеты вполне доброжелательно.

Д. Î àïaöyêîââ (Ëöâîî ñë),

Р. Î îðâîî îââ (Âîî àöë),

Â. Ôîî èíà (Ðèâî),

Î. Ââèèèí (Âîèæèë) è äð

ЖЕНСКИЙ КЛУБ – НОВЫЕ ВСТРЕЧИ

22 швата не обозначено в еврейских календарях особым цветом. И тем не менее в этот день сотни тысяч женщин по всему миру собираются, чтобы отметить День памяти великой Женщины, жены и верной сподвижницы Седьмого Любавичского Ребе Хай-Мушки. Не стал исключением и Днепропетровск. Свыше двухсот пятидесяти женщин собрались в кафе на заседание женского клуба «Хана», названного так в честь матери Ребе.

Вечер начался с торжественного зажжения свечей в память о женщине, чья праведная жизнь стала образцом для нескольких поколений еврейских женщин. Ведущие вечера объяснили, как правильно соблюдать день памяти, насколько важно исполнять эту заповедь. Лидер еврейского женского движения Днепропетровска ребецн Хана Каминецкая рассказала о своих встречах с ребецн. Затаив дыхание, мы слушали ее. После видеofilm познакомил нас с историей семьи Шнеерсонов. Мы узнали, что праведная Хая-Мушка – прямой потомок Алтер Ребе.

Как всегда на заседаниях женского клуба еврейской общины, было много приятных сюрпризов. Всех, чей день рождения приходится на месяц Шват, поздравили шуточной песней. Конечно же, не были обойдены вниманием основные правила еврейского дня рождения, которые особенно выделял Ребе, – «Тора, Тфила, Цдока». Затем каждый смог проявить себя в конкурсах, викторинах и играх, ставших уже доброй традицией нашего клуба. В импровизированной лотерее разыгрывался абонемент на посещение самых престижных косметических салонов Днепропетровска. А в завершение на сцену был вынесен огромный праздничный торт – настоящий шедевр кулинарного искусства.

«Хотя наш клуб существует уже не первый год, – говорит ребецн Хана Каминецкая, – лишь во второй раз мы делаем столь масштабное мероприятие. В прошлый раз мы отмечали праздники Юд-тес Кислев и Хануку в Хоральной синагоге «Золотая Роза». А сегодня здесь, в этом уютном кафе. Я очень благодарна всем своим помощницам, посланницам Любавичского Ребе, работающим в нашем городе, преподавателям еврейской школы и активисткам клуба. Ведь только все вместе мы можем поднять женское движение в городе на должный уровень. Чтобы ни одна женщина не осталась безразличной к еврейской жизни».

Ī. Áàëüü èí à

СУД НАД ЛЮБОВЬЮ

В преддверии Международного женского дня в волгоградской школе «Ор Авнер» состоялся праздник. Посвятили его любви, женщинам, девочкам. Ребята с помощью учителей придумали театрализованное представление, поставили его, записали музыку, собственными руками сделали декорации. И все это ради учителей, мам, одноклассниц.

В вестибюле порхают бабочки, цветут цветы, висят гирлянды... Почти под потолком на монументальном возвышении сидит очень важный Леня Ройзен и изображает «судью». В каждом коллективе есть своя «творческая звезда». У нас это Леня – кладезь идей, артистичный, подвижный.

Начинается спектакль. Судья: «Слушается дело о любви. Есть истцы и потерпевшие, прокурор и адвокат. Наша задача – облечь это явление в слова, вывести формулу любви. Задача трудная»... После вступительного слова «судьи» началось слушание дела «О любви». Выступили многочисленные «свидетели», «адвокат» и «прокурор», прозвучали стихи великих поэтов, многочисленные песни... Любовь счастливая и трагическая, та и другая одновременно, уважение, которое внушает женщина, мать, – обо всем поведали юные артисты и их учителя.

«Судья» Леня Ройзен завершил спектакль словами: «Всю жизнь люди пытались облечь любовь в слова, но лучше и точнее всего сказано о любви в Торе: любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, все покрывает, всему верит, всегда надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает».

Гостям праздника понравилось здесь все. Атмосфера, творческая активность, слова, сказанные председателем совета Волгоградского общинного центра о том, что школа «Ор Авнер» – место, где она, Яэль Иоффе и раввин Залман, отдыхают душой. И выступление директора школы, веселой и строгой Елены Викторовны Никитиной.

Пусть у нашей школы еще нет своего здания, и дети пока еще учатся в неудобную вторую смену, негде проводить уроки физкультуры, но сама школа все-таки есть. В нашей «Ор-Авнер» есть человеческое тепло. В ней учеба, праздники, труд, викторины и театральные постановки – все стороны жизни пронизаны теплом взаимопонимания педагогического коллектива и ребят. А это уже ШКОЛА!

Е. хәәәәәә

КЛУБ ЕВРЕЙСКИХ ЖЕНЩИН РИГИ

Вот уже второй раз по инициативе Ривки Глазман в рижской школе «Хабад-Любавич» собрался женский клуб.

Праздника все ждали с нетерпением, чтобы встретиться с новыми друзьями, отвлечься от ежедневных забот и отдохнуть. Да и тема этой встречи была всем интересна: «Еврейский день рождения». Мы узнали много интересного о цели своего рождения, о традиции, рассказывающей, что каждый из нас всегда желанен в этом мире.

Все сидели за красиво накрытыми

столами. Кондитер школы, Ромона, раскрыла маленькие секреты этикета и украшения стола. На наших глазах были украшены торты, тут же с удовольствием и попробовали. А затем в веселых конкурсах самые находчивые получили призы и подарки. Вечер завершился танцами под зажигательную еврейскую музыку.

Ну что ж, до следующей встречи!

Ѓ. Ёуòòòáđ

ПУРИМ КАК НИКОГДА

Опыт двойного репортажа

И был вечер...

13 Адара солнце заходило в 18.16, пост Эстер подходил к концу, и начать грандиозное пуримское празднество в МЕОЦе предполагалось в 19.00. Но уже за полчаса до назначенного времени обнаружилась непредусмотренная проблема: гардероб оказался переполнен, а гости все прибывали. И нужно заметить, повеселиться хотели не только евреи, так что в конце концов едва ли не три этажа общинного центра в Марьиной роще оказались переполненными.

По традиции Пурима главный раввин России Берл Лазар начал свое приветствие хорошей шуткой – о том, как заклятый антисемит (а именно таким был и Оман, упоминаемый в Книге Эстер) попросил одного муфтия предсказать ему будущее.

– Увы, близок ваш конец, – пророчествовал муфтий.

– Когда? – расстроился антисемит. И в ответ услышал:

– В еврейский праздник.

– Но какой? Их так много! – скривился он.

– Могу сказать с уверенностью, – сказал муфтий, – когда вы уйдете в мир иной, у них обязательно будет праздник!

Рассказывая об истории Пурима, раввин Лазар напомнил об одной из четырех важнейших заповедей этого праздника: несмотря на известное отношение евреев к алкоголю, каждый здоровый мужчина должен единственный раз в году в этот день напиться так, чтобы перестать понимать разницу между «Благословен Мордехай» и «Проклят Оман», то есть добром и злом. «И даже раввин так должен поступать, – заметил он, – а если не будет пьян, то это плохой раввин!» Такое заявление главного духовного лица зал весело встретил шумными аплодисментами, похоже, и действительно вознамерившись последовать его призыву «Будем веселиться, как никогда прежде!»

В Пурим дважды читают Книгу Эстер (Мегилас Эстер) – в начале праздника, вечером после поста, и на следующее утро. Это первая заповедь Пурима. Малыши, школьники, да и многие взрослые так и ждали момента, чтобы поугубить злодея-Омана, упоминаемого в Мегиле, разноцветными трещотками, обнаруженными в подарках, полученных при входе в МЕОЦ (дарить «вкусные» подарки, «шалах монос», – тоже заповедь праздника)... Забегая вперед, скажем: вечер завершился отличным фуршетом в фойе – таким, что исполнить заповедь о потере разницы между Оманом и Мордехаем оказалось весьма просто, а также замечательной концертной программой артиста театра «Шалом» Жени Валевица со товарищи и веселыми танцами, длившимися до полуночи.

На следующий день у меня произошел такой разговор с одним хорошим знакомым. На вопрос о впечатлениях от вчерашнего дня я, во-первых, вынужден был признаться, что Омана с Мордехаем все еще различаю не на все сто процентов, а затем добавил:

– Может быть, тебя удивит мой ответ, но вчера, по-моему, я увидел в Москве первый настоящий Пурим: люди чувствовали себя уже вполне уверенно и не скрывали радость. Вспоминаются их счастливые лица, и на память приходят слова Григория Горина: «Веселый человек всегда прав!» Хасиды не случайно говорят, что, радуясь и веселясь, они угождают Б-гу! А ты что скажешь?

Мой знакомый – пока еще не соблюдающий заповеди Торы, к традиции относится с большим уважением, я бы даже сказал, трепетно.

– Во время молитвы все было бэсэдер – в порядке, – одобрил он. – Молитва ведь должна проходить так, чтобы казалось, будто раскрылись небеса. Слова рабби Баал-Шем-Това дошли, кажется, до сердец наших земляков.

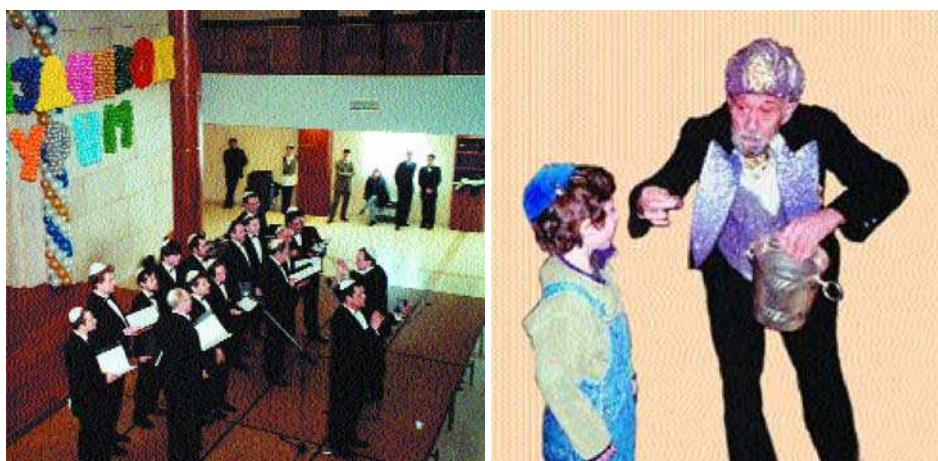
– И учти, – отозвался я, – люди собрались из разных мест, а вечером с другого конца Москвы или из пригорода добираться не так-то просто! Я наблюдал встречи давно

не видевших друг друга людей. Один старик, обнимая приятеля, приговаривал: «На Пурим положено дарить подарки. Наша встреча для меня самый большой подарок».

– А я слышал разговор школьников, – сказал приятель. – Они уже были в курсе последних известий из Интернета и обсуждали найденную ошибку. Оказывается, РИА «Новости» в сообщении о предстоящем праздновании Пурима назвало Омана «советником царя»...

– А он, кажется, был первым министром! Можно ли было ожидать, что дети так будут знать нашу историю, Тору?! Признаться, меня переполняли счастливые чувства. Еще несколько лет назад, не понаслышке зная школьников, я себе представить такого не мог. Их знания о еврействе в некоторых вещах уже превосходят наши.

– Знаешь, я разговаривал с некоторыми прихожанами синагоги в Марьиной роще: люди с удовольствием побывали на этом празднике. Одна особа, заметив в моих руках диктофон, сказала громко, явно чтобы быть услышанной и записанной: «Передайте организаторам этого праздника большое спасибо. Если евреи Москвы устраивают такой праздник, значит, у них есть будущее».

... И было утро – день второй

Назавтра, 9 марта, в МЕОЦе снова негде было яблоку упасть. И снова евреев при входе встречали подарки (кстати, поскольку в Пурим принято их дарить, то за неимением заранее подготовленных можно хотя бы обменяться полученными), а этажом выше – «оменташн», то есть «карманы Омана», и «Лужковская» водка для «лехаим».

Легкой, пружинистой походкой радостного человека вышел на сцену главный раввин России Берл Лазар. Его хорошее настроение, словно аромат весенних цветов, распространилось по всему залу, и традиционное приветствие снова вызвало веселье. Между тем, в шутовском тоне он затронул очень серьезные вопросы. Вот лишь один фрагмент.

«Даже в самые веселые времена евреи находят повод задумываться, полагая, что никогда не может быть хорошо так, чтобы совсем не было плохо. Есть вопрос, который их мучает постоянно, он старее, чем жизнь: “Есть ли антисемитизм в России?” (Этот вопрос был адресован залу, и в ответ раздалось: “Был! Нет! Есть! Не будет!”)

Наша традиция очень богата. В Торе, в наших старинных книгах мы находим ответ на любой вопрос. История Пурима восходит ко времени страшного антисемитизма: каждый нееврей хотел уничтожить еврея, и особенно Оман, первый министр Персии. Он хотел, и народ Персии его в этом поддержал, уничтожить всех евреев, и за счастье сделать это Оман даже был готов заплатить огромную сумму в царскую казну. Возникает вопрос: антисемитизм тогда был государственный или бытовой? Известно еще, что существует и еврейский антисемитизм: да, бывают евреи, ненавидящие евреев. И это, наверное, пострашней всего.

Наши мудрецы не всегда дают однозначные советы. Одни говорят: “Направо”. Другие говорят: “Налево”. Даже когда встречаются два еврея и один говорит другому “Шолом алейхем!”, другой отвечает: “Алейхем шолом!”, потому что никак не могут друг с другом сразу согласиться! (В зале смех – признаем национальный характер!) Почему я об этом рассказал? В то время как одни мудрецы говорят, что Ахашверош был самым страшным царем-антисемитом, другие говорят, что он был самым добрым царем из всех неевреев. Наверное, то же самое говорят про любого президента, любого премьера, любого политического деятеля мирового масштаба.

Конечно, мы должны во всем быть для других примером. Но, делая это, думать, что в наших силах полностью изменить отношение к нам неевреев, – заблуждение. Что сделали наши предки во время Ахашвероша, Мордехая и Омана? Они не стали писать статьи в газеты или жалобы в администрацию царя, даже не стали обращаться в Думу. Уже тогда им была понятна бесполезность таких занятий. Было решено поступить иначе. Наши предки знали: есть один путь борьбы с антисемитизмом – простой, доступный путь. Надо держаться, как должны держаться евреи, и гордиться своим еврейством. Тогда антисемитизма не будет вообще. Это истина.

Пока мы стесняемся своего еврейства, неевреи говорят: “Смотри, этот парень стесняется того, что он еврей. А если он сам стесняется, то как уважать его?”.

Могу привести хороший пример. Я живу в России уже одиннадцать лет, выгляжу как еврей, и ни разу мне на улице никто не сказал дурного слова, ничего не кричал вслед. А что значит гордиться своим еврейством? Это прежде всего знать Тору, еврейскую историю, заповеди, данные нам Б-гом. Нужно чаще ходить в синагогу и больше молиться. Тогда все будет в порядке.

Сегодня у нас полный зал, как и вчера. Я уверен, что так будет и дальше. Это самая лучшая отповедь нашим врагам. Пусть они делают, думают, что хотят, а мы будем собираться, думать о Б-ге, приближаться к Нему, и тогда у нас все будет в порядке.

В каждом поколении были люди, которые нас ненавидели и хотели уничтожить. Но Б-г всегда нам помогал. И мы уверены, что вскоре придет Мошиах и произойдет настоящее освобождение.

В этот день мне хотелось бы пожелать каждому еврею самого веселого праздника. Пусть его радости хватит и на остальные дни года, чтобы весь год был самый-самый веселый в вашей жизни, в ваших семьях. Лехаим!»

После выступления раввина секретарь Верховного Раввината Леви Мондшайн начал чтение Книги Эстер.

Надо сказать, с праздником Пурим связана еще одна очень важная заповедь – о цдоке, то есть помощи бедным. Еврейская традиция учит, что соблюдающий эту заповедь благословляется долголетием. Организаторы праздника, люди деликатные, все предусмотрели. Чтобы – не дай Б-г! – кто-то не оказался в неловком положении за неимением денег на цдоку, вдоль рядов быстро прошли члены общины со стаканчиками, наполненными рублями и полтинниками, предлагая их собравшимся, а затем прошли с ящичком, собирая цдоку. Так все смогли выполнить важную пуримскую заповедь.

В этот день говорилось, что Пурим очень соответствует нашему советскому менталитету. Это, с одной стороны, – праздник женщины, ведь именно через нее, царицу Эстер, было ниспослано евреям спасение от смертельной угрозы, поэтому то, что в этом году начало Пурима выпало на 8 марта, воспринимается как удачное совпадение.

Основа этого праздника – милосердие к нам Всевышнего. Проявляя милосердие друг к другу, мы тем самым пробуждаем милосердие к нам Б-га. Дай, же Г-сподь, чтоб оно было безграничным, каким и является в этот замечательный день, когда мы можем собраться все вместе в этом прекрасном доме, и собираемся так поступать из года в год.

Впервые за одиннадцать лет

После чтения Книги Эстер «эстафета» перешла к «Хасидской капелле» Александра Цалюка. Но перед началом ее выступления главный раввин России предложил хористам сделать лехаим. Цалюк горячо запротестовал: «На работе не пьем!», и раввин констатировал: «Хор неправильный». В конце концов, во главе с покрасневшим руководителем хор одновременно с залом поднял рюмки. «Одиннадцать лет хору, а пьем на сцене первый раз», – оправдывался Александр Цалюк, поднося к губам водку. Главный раввин, призвав петь, танцевать и веселиться, как положено настоящим евреям в Пурим, показал пример: выпив рюмку, пустился в пляс. Признаться, танцующего духовного служителя такого высокого ранга нам пока еще не приходилось видеть. Мастерство его было высокого класса!

Александр Цалюк предупредил зал: у «Хасидской капеллы» сегодня необычное выступление, «которого никто не ждет от нашего хора». Грянувший затем романс «Очи черные» затмил бы и Николая Сличенко в лучшие годы его цыганской молодости!

Много звучало в этот день всевозможных песен, в том числе на еврейский манер и лад, было и переложение «Песни о Москве», любимой мэром столицы Юрием Лужковым.

Свое искусство в тот день продемонстрировали лучшие артисты Московского цирка имени Юрия Никулина, еврейский ансамбль «Фрейлехс», руководитель молодежного клуба Юрий Ваганов прочитал о Пуриме «капустниковые» стихи, причем огрехи стиля вполне компенсировались его темпераментом и искренностью.

... ðó ï ï á á á á ð í á á á á ð á á á á ð

Í ð á ç á í ó á ð ï á é : á ï ð ð ï á á ð ð

È ï á á á á ð ð ð á á á á é

Á é í á , é á é á ï á á á , ð á é í é .

«00è» i ú ääèi Îi áíà

Î íîã íãíáí, 00í à ääi à..

Такого праздника у нас еще действительно не было.

Daí îðò àæ ääèè Î. Ääéçáð

è Â. Î àòàíîæè:

«СОХРАНИ НАС, Г-СПОДИ»

Презентация нового фильма признанных мастеров документального кино Станислава и Эллы Митиных «Сохрани нас, Г-споди» состоялась в Московском еврейском общинном центре в Марьиной роще. Это фильм о евреях и для евреев. Впрочем, только ли для нас одних? В нем рассматриваются общечеловеческие, наднациональные проблемы – старость, одиночество. К сожалению, это удел многих. Великий хасидский раввин Нахман из Брацлава сказал, что одиночество – высшая ступень, ведущая к Б-гу. И все же взойти на эту ступень, тем более будучи старым и больным, очень тяжело.

Премьера картины собрала разных людей. Были здесь и главный раввин России Берл Лазар и руководитель МЕОЦа Мордехай Вайсберг. Несмотря на все различия собравшихся в тот вечер в зале реакция на увиденное была схожей: герои фильма вызывали уважение. В основном это старики: несколько персонажей со своими судьбами – трудными и во многом типичными для евреев и в то же время совершенно особенными. Бунин однажды заметил, что почти каждый из живущих на земле достоин повести. Многие персонажи фильма Митиных – безусловно, и о каждом свой особый маленький сюжет.

Один из героев новой ленты как бы особняком – это композитор Оскар Фельцман. Его прекрасная песня-новелла, прозвучавшая в кино, подчеркивает величие и значимость этой личности. Остается только пожалеть, что ему было уделено столько же минут, как и молодому человеку, исполнявшему песни на идише. Хотя и его творчество, только начинающего взрослую жизнь человека, безусловно, тоже обогатило картину. Идн стареют, а молодежь подхватывает их песни и их же обучает!..

Живые образы старых, но в душе не стареющих евреев: героя Советского Союза – Малиновского, актрисы ГОСЕТа Марии Котляровой, ученика самого Осмеркина художника Фейгина (с какой болью он говорит о своей любви к России!) и менее, даже совсем неизвестных евреев новой России... Чем все они живут? Какие у них интересы, проблемы? Светлые лица, необыкновенные оптимизм, жизнелюбие...

Авторы фильма не впадают в дидактику. Только итог фильма логически подводит к мысли, облеченной в слова молитвы: «Г-сподь Б-г наш, услышь наш голос, смилуйся над нами и прими милосердно и благословенно наше моление, ибо Ты – Б-г внимающий обращенным к Тебе молитвам. Просим, не бросай нас в старости, в бессилии нашем не оставляй нас, Г-споди...»

И все же, несмотря на сочувствие, пробуждаемое в душах зрителей персонажами картины, еще раз хочется подчеркнуть: они вызывают не жалость, а уважение. И восхищение.

Собственно, почему все же сжимается сердце? Наверное, в этом доля боязни предстоящего когда-то и нам... Но наши старики являют замечательный пример, как достойно встретить свою участь. Сколько уж было на их пути!..

После фильма поговорить мне удалось с Эллой Иосифовной Митиной.

– Что побудило вас взяться за такую трудную тему?

– Любовь к нашим старикам, желание представить их как наше достояние.

– По какому принципу подбирались персонажи фильма?

– Мы старались показать людей, судьбы которых, на наш взгляд, так или иначе отражают историю еврейства в России за последние 80 лет. Персонажи фильма – участники Великой Отечественной войны, свидетели погромов, расстрела театра Михоэлса... К сожалению, в силу понятных причин было невозможно объять эту историю во всем ее многообразии, поэтому, естественно, очень многие люди не смогли попасть на экран. За ним осталась и большая часть темы.

– Значит она осталась открытой?

– Мы уже планируем создание следующего фильма на ту же тему, более значительного, о евреях в России. Накопившийся в процессе работы материал позволяет глубже раскрыть тему. Например, показать, какова роль евреев в России в XX веке, причем, надо признать, не всегда она была позитивной. Много евреев приняло участие в революции, работало в НКВД... Хочется осознать все это, постараться увидеть свой народ непредвзято, извлечь из истории конкретный урок.

– Один из ваших персонажей говорит: «Я – русский художник. Я родился, вырос, жил в России. Я отравлен Россией». Многие евреи искренне любят Россию, но далеко не всегда эта любовь взаимна. Как вы думаете, есть ли здесь будущее у евреев?

– Если б мы в этом сомневались, то не взяли бы за создание такого фильма. Два молодых героя нашей картины – учительница танцев и юноша, который учит пожилых евреев, не знающих родного языка, идишистским песням по сути олицетворяют это будущее. Ведь никто не заставляет нашу молодежь учить язык, историю, традиции народа.

Им это интересно, они делают то, что им нравится. Многие не собираются уезжать из России. У них есть выбор, есть возможности, поэтому я считаю, что и будущее у евреев в России есть.

Заметьте: мы никого не поучали, не давали советов. Зритель смотрит наш фильм, и он его наводит на размышления. Какие – вам видней.

– Где вы еще собираетесь показать этот фильм?

– Хотим показать все свои фильмы в еврейских общинах других городов. В далеких уголках люди часто не получают еврейской прессы, не знают о новых книгах, и уж, конечно, кино на еврейскую тему для них – совсем необычное явление. Еще, надеюсь, даже просто уверена, что на этих творческих встречах мы встретим героев своих следующих фильмов.

– Успехов вам!

Признаться, покидая кинозал, испытываешь смешанные чувства. Безусловно, авторы нашли важную и благодарную тему, но показанное – это только преддверие к ней, как бы эскиз. Собственно, только что возродившись, сама еврейская жизнь в России находится в преддверии какого-то будущего. Важно зафиксировать настоящий момент. А затем... «Сохрани нас, Г-споди»!

אַל תִּשְׁכַּח לְעַמֶּיךָ יְיָ

КЛУБ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖИ

Почему так много говорят и пишут о еврейской молодежи, понятно. Возродить еврейскую жизнь, традиции настолько, чтобы привлечь к ним массовый интерес нового поколения, – задача не простая. Но сегодня уже можно говорить о том, что в Москве, да, наверное, и в других городах России, она постепенно решается и, судя по конкретным примерам, вполне успешно.

Молодежный клуб, созданный полгода назад при МЕКПО (учредители МЕКПО, РЕК, Московский еврейский университет), уже сегодня стал интересной, значимой молодежной организацией. Я беседовал с десятком юных участников клуба, и все они захлеб наперебой рассказывали о работе своей организации (при клубе около 10 секций, в том числе спортивные) и о той особой атмосфере, которая здесь создалась.

Руководит клубом студентка IV курса факультета режиссуры музыкального театра Российской академии театрального искусства (бывший ГИТИС) Лера Ковальзон. Интересно, что она будет первым искусствоведом в своей семье, родители ее медики. А интерес к еврейству пробудился у нее с посещением мероприятий молодежных еврейских организаций Москвы. Бывая на них, Лера поняла, чего не хватает в их работе.

– Создавая клуб, мы думали о координации всех молодежных еврейских организаций. К сожалению, они существуют разрозненно, порой ничего не зная друг о друге. Нет, это не претензия на роль головной организации. Есть и постарше нас интересные молодежные клубы при Московском общинном центре, при Еврейском агентстве... Но об этом надо информировать, надо взаимодействовать друг с другом, чтобы интересные дела еврейской молодежи Москвы были бы доступны широкому кругу. Это поможет привлечь свежие силы.

Вторая наша идея, которую мы считаем главнейшим направлением своей деятельности, – это помощь начинающим профессионалам, молодежи на первых ступенях обретения профессии, практически любой. Если это образовательные, гуманитарные программы, то, чтобы поддержать научную деятельность молодежи, мы предоставляем возможность устраивать семинары, помогаем печатать научные, методические и творческие работы; если мы имеем дело с молодыми художниками, режиссерами, то за нами организация тематических выставок, поддержка постановок спектаклей на еврейскую тему. Мы ищем, если можно так выразиться, «новый еврейский материал». Это тоже часть нашей концепции. Повторяю: не на уровне любительства и кружков, а на профессиональном уровне. И в этом нам помогают опытные эксперты.

Молодежь, с которой мы работаем, условно можно разделить на три категории: во-первых, это евреи, занимающиеся еврейской тематикой, во-вторых, евреи из нееврейской сферы и, в-третьих, творческая нееврейская молодежь, работающая с еврейской тематикой.

В основе нашего клуба – еженедельные образовательные программы, а по выходным мы устраиваем всевозможные культурные акции. Например, сегодняшнее мероприятие посвящено презентации книги «Писатель Сталин» профессора Иерусалимского университета Михаила Вайскопфа. Каждый раз мы стилизуем свое помещение: сегодня это «сельский клуб» советских времен. Ждем много гостей...

Ожидания Леры оправдались с лихвой. Надо сказать, организация мероприятия была на высоком уровне. Встреча в клубе состоялась интереснейшая.

Творческая энергия нашей молодежи бьет ключом. Свои перспективы уже довольно многие связывают с родным, еврейским, руслом. А это значит, что будущее у нас есть.

Étneó Néíááíéíé

«ПИСАТЕЛЬ СТАЛИН»

Михаил Вайскопф – уважаемый израильский ученый-славист, литературовед, главный редактор элитного литературного журнала «Солнечное сплетение», личность признанная среди интеллектуалов России, Израиля, думается, и других стран, где существует интерес к русской и советской литературе. Он учился в знаменитом Тартуском университете, у самого Юрия Михайловича Лотмана, выдающегося ученого XX века, литературоведа, основателя тартуской школы семиотики, автора широкоизвестных монографий о А.С. Пушкине, Н.М. Карамзине.

На этот раз приезд Михаила Вайскопфа в Москву связан с выходом в свет его новой книги «Писатель Сталин», выпущенной столичным издательством «Новое литературное обозрение». Прежде его знали здесь как автора любопытнейших книг о Н. Гоголе («Сюжет Гоголя», 1993) и Вл. Маяковском («Во весь голос: Религия Маяковского», 1997), множества публикаций по истории русской литературы. И новая книга несомненно станет, а по существу уже явилась значимым событием в литературной жизни столицы и «русского» Израиля.

Труды Михаила Вайскопфа не рассчитаны на «простачков» и могут прийтись не по нраву приученным к традиционному литературоведческому анализу. Свойственный ему угол зрения, исследовательский метод необычны, что и позволяют увидеть устоявшееся, классическое в принципиально новом свете. В данном же случае обескураживающе нова и сама тема. Подход к политическому наследию Сталина как литературе, из которой можно извлечь подсознательный, мифологический авторский подтекст...

Вряд ли есть смысл воспроизводить дебаты на презентациях «Писатель Сталин» в Москве. Они состоялись в Овальном зале Библиотеки иностранной литературы и в молодежном клубе МЕКПО. Надо заметить, даже среди оппонентов Михаила Вайскопфа были весьма именитые литературоведы, и наряду с именитыми писателями – Диной Рубиной, Михаилом Генделевым, Леонидом Кацисом – было много молодежи.

Не вызывает сомнения, что и эта книга Вайскопфа найдет своих читателей, почитателей и, конечно же, оппонентов, многих и многих, неслучайно тираж ее 2000 экземпляров – почти массовый по нынешним временам. Нетрудно предположить, что вокруг этого издания могут закипеть и особые «страсти», поскольку в значительной мере в «Писателе Сталине» исследуется еврейская тема – Сталин и еврейство. Тема, которую предстоит еще изучать и изучать. И автор захватывающе смело берется за это дело.

Î àò àâé Áâéçâð

ДЕЛА ВРАЧЕЙ КРЕМЛЕВСКОЙ БОЛЬНИЦЫ

ДОКТОРА КАПРИЛОВСКИЕ – ОТЕЦ И СЫН

Автор воспоминаний об истории Кремлевской больницы, которые вам предлагается прочесть, Лев Давидович Карпиловский – военный врач, кандидат медицинских наук, человек незаурядной судьбы. Сын известного в свое время в Москве врача-фтизиатра, профессора Давида Ароновича Карпиловского (1881–1961), Лев Давидович в чем-то повторил жизненный путь отца. Старший Карпиловский, с золотой медалью окончив гимназию в Туле, поступил на медицинский факультет Московского университета. По окончании его с 1908 года работал врачом в Москве, в

годы первой мировой войны был военным медиком, а после революции практиковал в самых престижных учреждениях Москвы.

Карпиловский-младший тоже решил стать медиком: после школы в 1938-м поступил во второй медицинский институт (о тех годах вспоминает, смеясь: «Мне гораздо больше мешали имя и отчество, чем национальность»). Как и отцу, ему пришлось быть военным врачом, – закончив в 1943 году медицинский, он сразу отправился на фронт. За участие в Великой Отечественной войне награжден орденами и медалями. В мирное время работал в различных госпиталях, последние пятнадцать лет – терапевтом 574-го.

Льву Давидовичу выпало счастье иметь великих учителей: в адъюнктуре это были главный терапевт Красной Армии М.С. Вовси и профессор Б.Е. Вотчал. Как и отец, он дружил со многими выдающимися врачами XX века – о них-то Л.Д. Карпиловский и пишет свои воспоминания. Ему есть, о чем рассказать.

Совсем недавно пришло от него письмо: «Я давний и преданный читатель “Лехаима”. В моем возрасте (в июне мне исполнится 80) очень важно чувствовать и верить, что живо еще московское еврейство и будет жить. Когда я впервые увидел новый Общинный еврейский центр в Марьиной роще, сказал вслух: “Не верю!”, тем более вывески тогда еще не было. Но коль на открытие приехал сам президент, значит центр существует. А когда читаю ваш журнал, то понимаю, что произошло чудо – реанимация еврейской общинной жизни в России. С удовольствием посылаю для “Лехаима” свои воспоминания, посвященные истории лечебно-санитарного управления Кремля – Кремлевской больнице».

Вот эти воспоминания.

И тѣмѣ І̀ а̀òâîîâ

Стимулом для этих воспоминаний стали встречи и беседы в 60–70-х годах с бывшими сотрудниками врачами-ветеранами Лечсанупра Кремля, проводившими летние месяцы в подмосковном дачном поселке «Здоровый быт», построенном в 30-е годы для медиков высокопоставленной больницы. Многие из них – известные ученые, биографии которых помещены в Большой медицинской энциклопедии. Они отличались высокой культурой, образованностью, интеллигентностью.

Большую помощь в освещении истории Лечсанупра оказала мне доктор Надежда Вениаминовна Канель (1903–2000), дочь Анны Юлиановны Канель – первого главного врача Кремлевской больницы.

Главный врач Кремлевской больницы А.Ю. Канель. 1934 год.

Как известно, 12 марта 1918 года молодое советское правительство переехало из Петрограда в Москву, ставшую столицей РСФСР. Тяжелое экономическое и социальное положение государства требовало огромных усилий для обеспечения работы правительственных органов в Москве, для создания элементарных условий жизни сотрудникам аппарата. К этому времени территория Кремля и жилой фонд не были обустроены, отсутствовала даже простая медицинская помощь. Невиданная по размаху эпидемия сыпного и брюшного тифов, разразившаяся в те годы в России, усугубляла обстановку. Первостепенной задачей медиков стала противоэпидемическая работа и организация медицинской помощи.

Амбулатории в Кремле было выделено помещение в старинном двухэтажном Потешном дворце XVII века. На втором этаже этого здания поселились Сталин, Бухарин и другие. Первый этаж предназначался под амбулаторию. По поручению В.И. Ленина открывала ее фельдшер О.Н. Мицкевич – член РСДРП с 1905 года (ее муж С.И. Мицкевич, врач, был близок В.И. Ленину, он один из организаторов советского здравоохранения, был и директором Музея революции).

Для организации санитарно-эпидемической работы в Кремле в 1919-м был назначен опытный санитарный врач Я.Н. Левинсон. Приказ о его назначении подписали В.И. Ленин и Я.М. Свердлов. Особое внимание уделялось борьбе с эпидемией сыпного тифа. Для этого и в Кремле, и на железнодорожных вокзалах Москвы были оборудованы санитарные пропускники, походные бани и дезкамеры. Для сыпнотифозных больных развернули инфекционную больницу на Полянке.

В сентябре 1918 года по указанию управляющего делами СНК (Совет Народных Комиссаров) В.Д. Бонч-Бруевича по согласованию с В.И. Лениным на должность заведующей амбулаторией была назначена врач-терапевт Анна Юлиановна Канель.

Жизнь и судьба этой удивительно интересной женщины заслуживает особого внимания. А.Ю. Канель (урожденная Банюк) родилась в Киеве в 1876 году в состоятельной семье. После окончания Киевской гимназии училась в Париже, изучала иностранный язык. Вернувшись в Россию в 1897 году, вышла замуж. Ее муж – В.Я. Канель, доктор медицины, член РСДРП с 1903 года, был депутатом Московской городской думы. Хорошо был знаком с Лениным. Работал в московской Староекатерининской больнице, ныне это Моники (умер от заболевания почек в 1919 году).

В.И. Ленин. 1923 год.

В семье Канель родились две дочери: Надежда в 1903 году и Юлия – в 1904-м. В 1913 году А.Ю. Канель окончила в Москве Высшие женские медицинские курсы Гетье и стала работать терапевтом в Яузской больнице.

Возглавив Кремлевскую амбулаторию, Анна Юлиановна, будучи хорошим организатором, сумела расширить объем медицинской помощи: был открыт приемный покой на десять коек. Позднее Лечсанупр Кремля получил более удобное помещение. Тогда создали стационар на пятьдесят коек, выделили изолятор. Это и было началом Кремлевской больницы.

Кроме того, в созданных Домах Советов, где размещались приехавшие в столицу руководящие работники, также были образованы приемные покои. В один из них – на Воздвиженку, недалеко от Кремля, в 1925 году была переведена Кремлевская больница. В начале 30-х по проекту архитектора Н.С.Алабяна возвели современный больничный корпус. В нем разместилось несколько отделений.

Кроме должности главврача, А.Ю. Канель вменили в обязанности контроль за работой других медицинских учреждений Санупра Кремля. Ей было поручено и диспансерное наблюдение и лечение некоторых членов семей правительства. За короткий срок Кремлевская больница стала многопрофильной, с большим составом опытных врачей.

В порядке консультативной помощи сюда приглашались крупные ученые, известные врачи: Д.Д. Плетнев, В.Н. Виноградов, А.В. Мартынов, П.Б. Ганнушкин, М.Б. Кроль. Опытный врач, А.Ю. Канель участвовала в особо ответственных случаях в консилиумах, в частности при лечении В.И. Ленина.

Большую помощь на первом этапе становления Кремлевской больницы оказали врачи бывшей Солдатенковской больницы (теперь больницы имени С.Б. Боткина). Среди них – главный врач, терапевт Ф.А. Готье, который стал семейным врачом Ульяновых. Он

лечил и В.И. Ленина, и Л.Д. Троцкого. После покушения на Ленина в 1921 году хирургическую помощь оказал ведущий хирург Боткинской больницы В.Н. Розанов. В этой же больнице скончался под наркозом при операции по поводу язвенной болезни Главвоенмор М.В. Фрунзе. Кстати, Канель была среди тех врачей, которые не рекомендовали проведение этой операции.

Дом в поселке «Здоровый быт», предоставленный семье Карпиловских в 1930 году.

В докладе на VII Всероссийском съезде Советов в декабре 1919 года, где рассматривались столь важные вопросы, как мирные переговоры со странами Антанты, В.И. Ленин произнес известные слова: «Или вши победят социализм, или социализм победит вшей». И в том, что эпидемия и вши не победили социализм, немалая заслуга головного медицинского учреждения страны Главсанупра Кремля, во главе которого долгие годы находилась А. Ю. Канель.

Наступил 1935 год. Канель без каких-либо причин сняли с должности главного врача Кремлевской больницы. Как следует из расследования ее дочери Надежды, проведенного в 1998 году, накануне этого события Канель удостоилась приглашения на беседу к Сталину. Беседа проходила в обычной уважительной форме...

В течение года бывший главврач лечила членов семей ответственных чиновников. В 1936 году внезапно у нее развился гнойный менингит, и она скончалась за два дня. Похоронена на Новодевичьем кладбище. В 1939 году А. Канель – посмертно – и обе ее дочери, врачи по образованию, были обвинены органами НКВД в контрреволюционной деятельности и шпионаже. Надежду арестовали, когда она была беременна, 10 лет она провела в тюрьмах и лагерях. К счастью, выжила. У Юлии Канель до ареста родилось двое детей. Она была расстреляна 16 октября 1941 года вместе с женами Тухачевского, Уборевича, Межлаука. Все посмертно реабилитированы.

Как считают, причиной преследования семьи Канель был отказ А.Ю. Канель, профессора Д.Д. Плетнева и врача А.Г. Левина подписать в 1932 году ложное медицинское заключение о смерти жены Сталина Н.С. Аллилуевой от аппендицита. Известно, что на самом деле она застрелилась.

Также трагически сложилась судьба некоторых других сотрудников Лечсанупра. В 1937 году был расстрелян бывший начальник санитарного управления Кремля М.С. Металиков, назначенный на эту должность В.И. Лениным в 1919 году, бывший политкомиссар 14-й Армии. Тогда же был оклеветан и погиб главный врач центральной поликлиники Кремля Д.А. Тайц, работавший с 1922 года.

9/12 24.
Многоуважаемый Михаил Борисович,
посылал Вам картошку 2 кг,
о которой Вы вчера мне говорили.
Крепкожмите руку. Еще раз большое
Вам спасибо за доброе отношение
к маме — и к маме, и особенно
к Владимиру Ильичу.
Н. Крупская

Письмо Н.К. Крупской профессору М.Б. Кроль.

После смерти А.Ю. Канель главным врачом Кремлевской больницы стал известный невропатолог, профессор М.Б. Кроль (1879–1939), один из врачей, лечивших Ленина. Находясь на лечении в Кремлевской больнице по поводу радикулита, он внезапно умер от сердечной недостаточности. У родных М.Б. Кроля хранится письмо Крупской от 9 апреля 1924 года с фотографией больного В.И. Ленина.

Несмотря на все сложности политической жизни, репрессии врачи продолжали самоотверженно выполнять свой долг. Новым ударом для медиков Кремля был ложный открытый судебный процесс. В 1938 году «в злодейском умерщвлении М. Горького» обвинили крупнейшего кардиолога страны Д.Д. Плетнева, врачей А.Г. Левина и Н.Н. Казакова. Они были осуждены и погибли. Главным обвинителем в фальсифицированном процессе выступал А.Я. Вышинский.

В тяжелые годы Великой Отечественной войны многие из врачей Кремлевской больницы, большей частью люди пожилого возраста, стали на защиту Родины. Они возглавляли военные госпитали, были главными специалистами армии и фронтов.

Н.В. Канель.

К великому сожалению, после Победы надежды на спокойную жизнь и мир в стране не оправдались. Самоотверженному труду нашего общества, стремившегося поскорей залечить раны, нанесенные войной, мешали новые фабрикуемые процессы: «Ленинградское дело», затем «Дело врачей» 1953 года.

По-прежнему в Кремле красуется Потешный дворец, но давно уж в нем нет Лечсанупра. В зеленой зоне Москвы, недалеко от Рублевского шоссе, в сосновом бору сооружен большой больничный комплекс – Центральная клиническая больница (ЦКБ-1). Москвичи по-прежнему называют ее Кремлевской – по привычке.

Ė. Ėađi eĕġaġeĕ

НАТАН МЕРОН: «СОСЕДЕЙ НЕ ВЫБИРАЮТ...»

Натан Мерон родился в 1937 году. Окончил Еврейский университет в Иерусалиме, имеет степень бакалавра (специалист по истории России). В 25 лет стал сотрудником аппарата премьер-министра, в 1967 году начал работать в Министерстве иностранных дел, занимал различные должности в Департаменте международного сотрудничества.

С 1976 по 1981 год – советник посольства Израиля в ЮАР, с 1981 по 1984 год – заместитель начальника отдела Департамента Северной Америки, в 1984-1988 годах – начальник отдела стран Азии и Тихоокеанского региона. Затем он возвращается на дипломатическую работу – сначала министром посольства Израиля в Лондоне, а с 1991 по 1995 год – Чрезвычайным и Полномочным послом Государства Израиль в Дании. В 1995-1998 годах работает заместителем генерального директора МИД Израиля и директором Департамента Восточной Европы и стран СНГ. В 1998-2000 годах – Чрезвычайный и Полномочный посол Государства Израиль в Австрии, Словении, Словакии, Хорватии. Постоянный представитель Израиля в UNO(V), UNIDO. С сентября 2000 года – Чрезвычайный и Полномочный посол Государства Израиль в Российской Федерации.

– Господин Мерон, как известно, государства, конфликтующие с Израилем, придерживаются иных, чем приняты у вас и на Западе, норм межгосударственных отношений. Видимо, это затрудняет переговоры с ними?

– Страны, среди которых мы живем, в своей политике непредсказуемы, потому что не придерживаются вообще никаких норм. Их строй – диктатура или тоталитарный режим, к тому же иногда отягощенные семейным наследованием власти, принятым в королевствах, а не в республиках, каковыми формально считаются Сирия или Ирак. Так Саддам Хусейн намеревается со временем передать полномочия главы государства сыну. В Саудовской Аравии – феодальный строй, там до сих пор практикуют даже средневековые казни. Прибавьте к этому нетерпимость к любому этносу, кроме мусульманского, и вы поймете, как трудно нам достигнуть взаимопонимания.

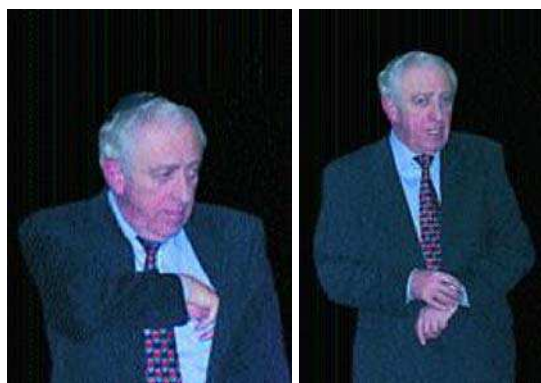
Я далек от желания указывать обличающим перстом на соседей – говорю это для того, чтобы подчеркнуть: в этом регионе Израиль единственное демократическое государство. (Правда, робкие попытки демократических начинаний в некоторых арабских странах предпринимаются. Например, в Египте и Иордании.) Тем не менее мы ведем переговоры в надежде на установление и поддержание мира со всеми странами в регионе. При этом достигнутые договоренности не должны зависеть от того, какой режим придет к власти в той или иной соседней стране.

Иногда приходится слышать: «Вы заключили мирный договор с Египтом, но эта страна, мягко говоря, не испытывает к Израилю теплых чувств». Что ж, худой мир лучше, чем война. Мир с Египтом сохраняется уже 22 года. А мы, как никто другой, заинтересованы в спокойной жизни. Но предубеждение против нашей страны, имеющее глубокие корни, и даже ненависть к ней не так-то легко погасить. Отсюда взаимное труднопреодолимое недоверие.

Нельзя не учитывать и такой фактор. Средний годовой доход израильтянина – 16–17 тысяч долларов. А например, жителя Египта и Иордании – 500–600. Недр многих наших соседей содержат огромные запасы нефти. Тем не менее имущественная дифференциация там огромна. Высок процент безработицы. И это меня волнует больше, чем многое другое: если соседи, с которыми ты заключаешь мир, так бедны, трудно рассчитывать на стабильность любого договора.

– Учение Маркса – Энгельса бессмертно...

– Я предпочитаю другое сочетание – Маркс-Спенсер (в отличие от сторонника революционного пути развития Энгельса английский философ и социолог Спенсер развил учение о всеобщей эволюции – В.П.). Каждый раз, когда я бываю возле гостиницы «Метрополь» и вижу памятник Карлу Марксу, а в другом месте – Фридриху Энгельсу, то думаю: нет, лучшая пара не эта, а та, что предпочитаю я. Но вернемся к вашему вопросу. Конечно было бы прекрасно, если бы нашим соседом была, например, Норвегия. Но соседей в данном случае не выбирают. Мы живем там, где живем.

– Хроника палестинской агрессии в Израиле, показанная российским телевидением, оставляет впечатление, что в стране чрезвычайно напряженная обстановка. Это так?

– Совсем не так. Израиль живет нормальной, стабильной жизнью, ситуация не настолько опасна, как думают чрезмерно впечатлительные люди.

– Насколько, на ваш взгляд, реальна возможность агрессии Ирака против Израиля? Или заявления Саддама Хусейна рассчитаны больше на то, чтобы произвести впечатление на Соединенные Штаты и припугнуть соседа?

– Прежде всего спасибо за этот очень важный вопрос. Если отбросить дипломатию, приходится признать, что Хусейн – жестокий и непредсказуемый диктатор. Неизвестно, какое безумие его охватит завтра. Чего ждать от человека, приказавшего уничтожить десятки тысяч сограждан, вся «вина» которых заключалась в том, что они исповедовали направление ислама, не одобряемое лидером Ирака! За это их удушили газом – варварским способом, напоминающим о нацистах.

Я не берусь ни оправдывать, ни осуждать налет военно-воздушных сил США и Великобритании на Ирак. Но почему Хусейн решил посчитаться за эту акцию с Израилем, который не имеет к ней никакого отношения?

Странным образом на все эти события отреагировала Москва. Коммунисты и Жириновский выступили в защиту «несчастливого» Хусейна, но никто из видных политиков не высказал протест против его угрозы Израилю. Ни один либерал в Государственной Думе не заявил: «Почему мы должны защищать человека, который угрожает напасть на дружественную нам страну?» Я сказал об этом в министерстве иностранных дел России. Со мной согласились.

Хорошо, что теперь мы имеем возможность выяснять отношения в открытом диалоге. Я очень ценю наши углубляющиеся отношения. Понимаю, что Россия переживает трудный переходный период. Несмотря на огромные богатства бюджет ее сегодня меньше, чем Израиль. Это ненормально.

– Если иракский лидер все же решится на военную авантюру, сможет ли Израиль отразить агрессию?

– Уверен, что сможет. Но я также уверен, что Хусейн не решится на эту авантюру.

Вспоминается такая история. В 1981 году, когда Израиль бомбил атомный реактор в Ираке, я служил в Южной Африке. Помню, тогда в газете «Лондон таймс» прочитал редакционную статью, обвиняющую Израиль в серьезном нарушении международного права. А в 1991 году, во время военной операции «Буря в пустыне» в Персидском заливе та же газета написала, что десять лет назад Израиль своей акцией против Ирака оказал услугу всему человечеству. Представьте себе, что могло произойти, окажись в руках у параноика ядерное оружие. Вряд ли в случае катастрофы кто-нибудь в Думе поднял бы голос в защиту Хусейна. Даже Жириновский...

– Понимая, что Хусейн способен на многое, палестинские экстремисты именно с ним связывают надежды на «окончательное решение еврейского вопроса» в ближневосточном регионе, при этом демонстративно снижая и без того невысокий рейтинг Ясира Арафата. Перспективно ли в таких условиях вести с ним переговоры?

– Если вы сравните наши отношения с соседями 15 лет назад и сейчас, то увидите большую разницу. Сохраняется мир с самым большим из воевавших с нами государств – Египтом. Также очень важен мир со страной, у которой с Израилем самая длинная граница – с Иорданией. Мы вывели войска из Ливана и значительно продвинулись в переговорах с палестинцами. Очень надеюсь на возобновление переговоров с Сирией. Это произойдет, если Дамаск не будет, как сейчас, «ставить телегу перед лошастью», то есть требовать от нас беспрекословного выполнения всех его требований в обмен на согласие сесть за стол переговоров.

– К сожалению, очень непросто складываются отношения на государственном уровне между Израилем и Россией, вернее наоборот – Россией и Израилем. И это при том, что у россиян и израильтян давние исторические, культурные, в конце концов родственные связи. В то же время у Израиля с США отношения куда теснее...

– С США у Израиля всегда хорошие отношения независимо от того, какая администрация у власти. Нас многое связывает, общественность этой страны видит в Израиле маленькую Америку. Мы руководствуемся одними и теми же демократическими принципами, во главе которых гуманизм и признание человеческой жизни наивысшей ценностью. Так же, как в свое время эмигранты создали на диком континенте сильную

цивилизированную Америку, мы пятьдесят лет назад пришли на пустынную землю и превратили ее в прекрасный оазис. Однако и отношениями с Россией я вполне удовлетворен. Хочу с удовольствием подчеркнуть, что, принимая в Москве Моше Кацава, Владимир Путин оценил наши отношения как особые.

«Израиль живет нормальной стабильной жизнью».

– Геополитические интересы России в последнее время сместились на Восток. Среди стран, представляющих, по мнению некоторых аналитиков, интерес для российской экономики, непримиримые противники Израиля – Ирак, Иран, Ливия. Насколько реальна в таких условиях роль России как миротворца на Ближнем Востоке?

– Нельзя сравнивать сегодняшнюю политику России с той, что проводилась более десяти лет назад. Я уже говорил: наши взаимоотношения никогда не были столь хороши, как сейчас. А с упомянутыми странами Россию связывают чисто деловые отношения. Такие же, как, скажем, с Кореей или Австрией. Не скрою, контакты России и Ирана нас беспокоят, но мы всегда можем сказать о своих опасениях руководству вашего государства.

Россия продолжает играть заметную роль в мире. И то, что происходит у вас, в той или иной мере влияет на другие страны, особенно на Израиль – единственное европейское государство, где 25 процентов населения составляют выходцы из России. Это без учета приехавших из стран СНГ.

– Каковы основные направления экономического сотрудничества между Россией и Израилем?

– Это поставки в Россию высокотехнологичных телекоммуникаций, которые должны составить 75 процентов израильского экспорта этого оборудования. Я думаю, можно значительно расширить наши деловые контакты. Владимир Путин также высказывал мнение о необходимости использовать большой потенциал российско-израильских отношений. Более миллиона выходцев из России, хорошо знающих возможности и проблемы обеих стран, могут стать прочным мостом для налаживания широкого сотрудничества. Кстати, многие из них работают именно в области высоких технологий.

– **Насколько известно, вкладывать крупные инвестиции в российские предприятия израильские бизнесмены, как и западные, не торопятся...**

– Наши бизнесмены так же напуганы дефолтом августа 1998 года. Но постепенно недоверие снижается. Вместе с нашим президентом Россию посетили 30 крупных израильских бизнесменов, готовых к масштабному сотрудничеству с вашей страной. Задача руководства обоих государств – создать для них оптимальные условия.

– **Далеко не последнюю роль во взаимопонимании между двумя странами играют культурные связи...**

– Когда я встречался с российским министром культуры, он сказал, что сделать больше для культурных связей между нашими странами, чем это делают сами деятели культуры, много и охотно посещающие Израиль, ему трудно. Конечно, где еще в мире они найдут такую благодарную аудиторию? К тому же если, скажем, Большой театр продает билеты в России по пять долларов, то здесь – по тридцать. Кировский театр увеличил эту цифру до ста. И израильтяне, особенно бывшие российские граждане, охотно платят за удовольствие видеть и слышать замечательное искусство этих театров. Каждую неделю в Израиль приезжают все новые российские артисты, художники, музыканты, писатели...

– **Вы знакомы с жизнью российских евреев?**

– Конечно. И должен отметить, что никогда в России не было такой развитой и интенсивной деятельности еврейских общин, как сейчас. Главную причину всплеска еврейского национального самосознания я вижу в самом существовании государства Израиль. Хорошие отношения между Москвой и Иерусалимом, отсутствие государственного антисемитизма – надежная гарантия полноценного функционирования еврейских общин.

Улыбки для прессы.

– **К сожалению, политики не всегда реагируют на общественно значимые проявления бытового антисемитизма в собственной стране. Возможно, это продиктовано боязнью оказаться непопулярными у какой-то части населения?**

– Согласен с вами. Сами далекие от национализма, такие люди предпочитают «не замечать» его проявления – именно по этой причине. Но так происходит не только в России. Например, будучи послом в Австрии, я обратил внимание, что местные политики

предпочитали не полемизировать со сторонниками пронацистского лидера Йорка Хайдера, особенно в тех районах, где он популярен. Однако то, о чем молчат политики, не должны оставлять без внимания еврейские организации и общины, в полный голос заявляя протест, в том числе через средства массовой информации, против особенно возмутительных проявлений антисемитизма.

Я с глубоким удовлетворением отмечаю все более широкое обращение евреев России к своим религиозным и культурным источникам. Но нельзя этим ограничиваться, нужно быть еще и общественно активными людьми.

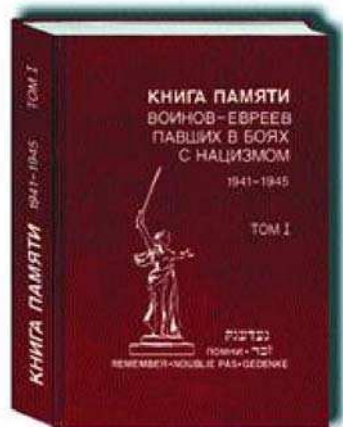

Пользуясь случаем, хочу поздравить читателей журнала «Лехаим» с главным еврейским праздником Пейсах – праздником обретения нашим народом своей Родины после многолетних скитаний по пустыне. Желаю всем радости и удачи.

אֲנִי מְבַרְכֵי אֶתְכֶם בְּיָמֵינוּ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ИЗДАНИЕ КНИГИ ПАМЯТИ

Союз евреев-инвалидов и ветеранов войны (СЕИВВ) уже несколько лет издает Книгу Памяти воинов-евреев погибших, пропавших без вести и умерших от ран во время Великой Отечественной войны. Об этом рассказывает инициатор издания Председатель СЕИВВ Герой Советского Союза Моисей Марьяновский.

– Читатели журнала «Лехаим» знают об издании Книги Памяти. В каком состоянии эта работа сейчас?

Уже вышло 4 основных и 2 дополнительных тома, в каждом из которых фамилии воинов приводятся в алфавитном порядке. Нам казалось, что шестью томами, сосредоточившими информацию о 125 тысячах персоналий наша работа будет исчерпана, однако на сегодняшний день мы имеем данные уже более чем о 250 тысячах погибших, и сведения продолжают поступать. Они идут к нам со всего мира, и, конечно, об окончании работы и речи нет.

Книга Памяти – последняя свеча и память о тех воинах-евреях, которые считали Россию своей Родиной и, защищая ее от фашистов, не пожалели своей жизни. Кошунственно звучали слова Сталина, сказавшего, что евреи-де плохие солдаты. Эти «плохие солдаты» дали стране 130 Героев Советского Союза, оказавшись по числу награжденных самым высоким званием третьими после русских и украинцев, а принимая во внимание процентное отношение численности евреев к народам СССР, то и вовсе первыми.

Сейчас мы готовим к выпуску 7-й том. Его издание задерживается из-за недостаточного финансирования.

– Кто работает над Книгой Памяти?

– Коллектив, непосредственно занимающийся обработкой документов, перепиской с корреспондентами, небольшой. Средний возраст наших сотрудников приближается к 80-ти. В прошлом году мы потеряли одного из самых замечательных энтузиастов издания – Илью Самойловича Соболя. Ему было 86 лет. Мы – ветераны, время безжалостно бежит, оставляя нам все меньше и меньше сил для выполнения задачи – издания Книги.

– В 7-м томе структура Книги Памяти останется прежней?

– Да, в новом томе будет предисловие, посвященное предыдущим томам, очередной список погибших и их фотографии.

– **Какие сведения о погибших воинах вам нужны для включения их в Книгу Памяти?**

– Сведения мы собираем при помощи анкеты. Прежде чем ее посылать, нужно убедиться, что данные о погибшем отсутствуют в основных и дополнительных томах. Анкета включает 15 пунктов.

- Фамилия, имя, отчество.
- Год рождения.
- Место рождения.
- Место призыва (военкомат).
- Войсковая часть перед гибелью.
- Должность перед гибелью.
- Воинское звание перед гибелью.
- Время гибели (дата, год).
- Причина гибели (убит, пропал без вести, умер от ран).
- Место захоронения.
- Копия извещения о гибели.
- Ссылка (копия извещения о гибели, др. документа или свидетельские показания).
- Фотография погибшего, если есть (не возвращается).
- Сведения о лице, заполнившем анкету: фамилия, имя, отчество, адрес, степень родства с погибшим (отец, брат, сосед и пр.).
- Желаете ли вы приобрести Книгу Памяти, в которую занесен ваш родственник или знакомый.

При отсутствии каких-либо данных обязательно проставьте прочерк.

Анкету следует посылать по адресу:

Москва, 109172, Таганская пл., 12, Марьяновскому М.Ф.

Аннотация А. Ойеид

АНТИСЕМИТИЗМ И ЕВРЕЙСКИЙ ОПТИМИЗМ

Редакцию журнала «Лехаим» и Институт изучения иудаизма в СНГ связывает давняя дружба. При всех различиях в главном у нас немало общего, и, кроме того, мы почти ровесники: в 1990 году на бывшей даче Промыслова в Кунцево открылась легендарная ешива Штейнзальца, и в том же году с благословения Любавичского Ребе Менахема Мендла Шнеерсона началась работа над концепцией журнала «Лехаим», а год спустя, осенью 91-го, вышел его первый номер.

В прошлом году Институт изучения иудаизма отметил десятилетие – в этом году наш черед подвести итоги. Что делают люди, подводя итоги, отмечая даты? Встречаются с друзьями: обсуждают дела, советуются, строят планы, вместе радуются достижениям! Мы счастливы, что всеобщими усилиями возрождение еврейства состоялось – теперь это непреложный факт! Спустя несколько лет после пожара, уничтожившего здание ешивы в Кунцево, институт Штейнзальца, наконец, обрел в Москве собственный дом – гостеприимный дом, в котором уже проходят семинары, лекции, разрабатываются стационарные программы. Мы от души рады этому, а также тому, что сотрудники института полны жизненных сил и планов и, как всегда, завалены работой: востребованы они, а следовательно, живы наши традиции, есть на них «спрос». Здесь, на Гончарной набережной, 1, в строении 3, мы и навестили своих друзей, а наш корреспондент встретился с руководителем института раввином Адином Эвен-Исроэлем (Штейнзальцем).

– Сколько у евреев поводов в году поразмышлять (не было бы хуже!) об антисемитизме. Вот и опять: наступающий месяц Нисан связан с выходом из Египта – наиглавнейший повод для обсуждения такой темы. Тем более что и нынешнее время все еще в резонансе с событиями тех дней. Взять, к примеру, историю с холдингом «Медиа-Мост» и его главой Владимиром Гусинским. Конечно, она весьма эмоционально обсуждалась в еврейских кругах. Причем, мнения разделились

полярно: у одних не вызывало сомнений, что преследования Гусинского непосредственно связаны с антисемитизмом президента и его окружения, другие, напротив, были убеждены, что до сих пор еще Россию не возглавлял настолько лояльно настроенный в отношении евреев человек. Что вы думаете по этому поводу?

– Путина я помню еще по петербургскому периоду. Он производил впечатление достаточно интересного человека, но мне не приходило в голову, что это будущий президент России. Мы говорили с ним и о еврейских проблемах. Так вот, у меня такое ощущение: глава холдинга естественным образом заинтересован, чтобы все происходящее приобретало определенную эмоциональную окраску, потому что это единственный фактор, который может обеспечить ему массивную поддержку Запада в создавшихся условиях.

Гусинский делал в своей жизни и неверные расчеты, но в его вхождении в Российский еврейский конгресс был очень правильный расчет. Он совершенно четко понял, что разыгрывать еврейскую карту – выгодное «вложение», которое дает перспективу, поле деятельности, связи, защиту.

– А помощь, как вы говорите, Босса, то есть свыше?

– По-моему, он не рассчитывал на помощь свыше, а опирался на вполне земные вещи. Именно поэтому и сверху к нему так отнеслись – вполне по-земному.

В этой связи я должен сказать об Эдгаре Бронфмане, возглавляющем Всемирный еврейский конгресс. Он очень изменился с тех пор, как стал заниматься еврейской деятельностью. Изменился как личность, стал гораздо более праведным. Это видно по его речам, оценкам, которые он дает, по порядку декларируемых приоритетов. Однажды нам пришлось выступать друг за другом. Он говорил не по-писаному, хотя было очевидно, что это не экспромт, и после него мне пришлось начать свою речь следующими словами: «Все, что должен был говорить раввин, уже сказал Бронфман. Теперь мне ничего не остается, как выступить в качестве бизнесмена». Бронфман вкладывает колоссальные деньги в развитие еврейской жизни. Это далеко не символическая поддержка, а массивные вливания, что совершенно очевидно и не зависит от оценки.

В отношении истории с Гусинским я занимаю позицию стороннего наблюдателя и вижу здесь простую вещь: да, существует реальное противостояние. Противостояние Путина со своим оппонентом – человеком, который ему мешает, и он делает с Гусинским то, что, скажем, и другой политический лидер очень хотел бы сделать на его месте. Только в стране более демократически развитой для этого меньше возможностей. Я вполне допускаю, что уровень демократии в России не достиг еще уровня Америки или, скажем, Франции. Вопрос в том, в состоянии ли Россия с точки зрения подготовленности народа, массового сознания достичь в ближайшее время того уровня демократии, который есть в других странах.

– А способна ли власть в России вообще управлять на присущем другим развитым странам уровне демократии? Может, и в смысле демократии это будет что-то совершенно уникальное, особенное?

– Справедливости ради надо сказать, что в разных странах западного мира очень различные уровни демократии. Возьмем для примера взаимоотношения государства и средств массовой информации. Америка, в частности, представляет собой почти крайнюю степень отсутствия влияния власти на свободу слова, которая ограничена только

внутренней самоцензурой пишущих, а не внешними факторами. В свое время в журнале «Тайм» была опубликована статья с резкой критикой Арика Шарона в связи с событиями в Ливане, и он подал в суд на этот журнал.

Чтобы выиграть в Америке судебный процесс против средств массовой информации, нужно доказать три вещи. Первое: надо доказать, что написанное – ложь. Второе: в такого рода процессах необходимо также доказать, что правдивая информация в принципе была доступна для журналиста, который писал статью. Третье: ложная информация опубликована с заведомой целью нанести ущерб тому, о ком она написана.

По делу Шарона было принято интересное решение. Первое: суд установил, что написанное в публикации – ложь. Более того, он признал, что журналист мог выяснить правду, если бы поставил перед собой такую задачу. Но Шарону не удалось доказать, что журналист заведомо пытался причинить ему вред своей публикацией, и поэтому он не выиграл дело в суде. Если бы такое же дело разбиралось в Англии, то журналу пришлось бы продать последние трусы, чтобы рассчитаться с Шароном. Кстати, то же самое было бы и в Израиле.

Возвращаясь к вопросу о Путине и Гусинском, могу сказать следующее. У меня нет сомнения: то, что Путин и вся система власти России делает с Гусинским, вызвано не исключительно финансовыми проблемами вокруг холдинга. Вполне допускаю, это может быть сведением счетов за прошлое, что вполне в традициях России. А может, Путин пытается обезопасить себя от возможных проблем с этой медиа-империей? Как бы то ни было, я глубоко убежден: точно так же Путин повел бы себя, будь Гусинский армянином, русским, казахом, – кем угодно.

– Итак, вы считаете, в данном случае противостояние не вызвано национальными причинами и не на этом основано. А можно ли разделять оптимизм некоторой части еврейства и считать, что сегодня правительственный антисемитизм на нуле?

– Я никоим образом не считаю, что современной Россией правят люди без тени антисемитизма. Можно сказать так: если они знают о желании президента кого-то наказать, им совсем не мешает сознание, что они расправляются с евреем. Допускаю, многим гонителям то, что жертва – еврей, наверняка доставляет личное удовольствие и придает особую пикантность ситуации. Но этим весь антисемитизм и ограничивается. То есть гонения не вызваны еврейским фактором как таковым.

– Подобного рода ситуация возможна в других странах?

– Во всем мире, в разных странах по-разному, но тот или иной уровень антисемитизма существует. Думаю, во многих местах нашлись бы люди, которые повели бы себя, скажем, несимпатичным образом.

– **История с Гусинским, вызвав шквал эмоций, быстро потеряла свою остроту из-за событий в Израиле. Что вы думаете о новом премьер-министре Шароне? Ваши прогнозы относительно событий, происходящих в Израиле?**

– Ариэль Шарон был единственным реальным кандидатом, и для изменения его положения накануне выборов не было серьезных предпосылок. Если бы Бараку все же удалось удержаться у власти, то все, связанное с палестинским вопросом, он постарался бы решать гораздо более осмысленно, медленно и осторожно. Его неверное поведение было результатом мощного давления обстоятельств, поэтому реакции были поспешны, не просчитаны, судорожны, а это никому не прибавляет успеха.

То, что у власти Шарон, не имеет предпосылок к драматическому повороту событий. Несомненно, одним из главных факторов, влияющих на происходящее, станет его репутация. Если его действительно боятся, это даст большие преимущества.

Возможно, у Шарона будут связаны руки – до такой степени, что он не сможет принимать резких, кардинальных решений. Одна из реальных для него проблем – это взаимодействие с кнессетом. Но самая главная проблема заключается в том, что люди в Израиле морально не готовы к испытаниям, нарастанию конфликтной ситуации. Население не хочет трудностей.

– Оно готово отдавать территории?

– В принципе, да.

– Это те, кто приехал из бывшего СССР?

– Наоборот. Приехавшие из России в этом вопросе гораздо более националистически настроены, чем большинство коренных израильтян.

Есть во всем этом принципиальная проблема. Если бы люди были в состоянии принять решение, основываясь на том, чего они хотят, несомненно большинство населения Израиля не пошло бы ни на какие уступки. Проблема в том, что для большинства высшим приоритетом является комфортность быта, уровень жизни, возможность получать маленькие радости от своего бытия. Окажись они перед выбором, купить в следующем году новую машину ценой потери какого-нибудь еврейского поселения или не купить машину, но сохранить поселение, большинство людей предпочли бы то, что связано с их собственным комфортом.

– Это не гротеск? Отчего в Израиле такой ничтожный патриотизм?

– Вопрос этот требует более серьезного анализа, чем можно дать в рамках данной беседы. Но в верности своей оценки я уверен: люди предпочтут машину собственной земле. Это подтверждают данные всевозможных опросов. И не надо думать, что Израиль здесь невыгодно отличается от других стран. Чуть больше месяца назад, например, был опрос во Франции. В свете миллениума французам предлагалось отметить самые значительные вехи прогресса двадцатого столетия. На выбор был предложен длинный список, где среди прочего было создание телевидения, радиотелефонов, сети Интернета и прочее. Результат интересен. Женщины пришли к выводу, что самое важное среди достижений ушедшего века – создание стиральной машины, а для мужчин это – создание автомобиля. Женщины еще выделили как самое совершенное явление ушедшего века создание одноразовых пеленок. Интересно, что даже у мужчин Интернет занял примерно 17-е место. В сознании этих людей бытовые ценности имеют безусловный приоритет.

– Неужели бытовое сознание настолько доминирует и у израильтян? Современное государство еще так молодо. Кажется, совсем недавно в его основание закладывались героические усилия...

– Со временем евреи становятся все более «нормальным» народом, соответственно и шкала их ценностей становится более «нормальной». Шарон тоже знает, что народу намного важнее стиральная машина, чем духовные принципы.

– Наверно, он не так легко с этим примирится?

– Дело в том, что в Израиле сионизм умер еще раньше, чем идеи коммунизма в Советском Союзе. Что произойдет на самом деле – это другой вопрос. В израильской действительности есть две стороны, и любой политический лидер ведет не соло, а диалог. Очень может быть, что арабы сделают невозможным для евреев отдать предпочтение машине. И мы видим: очень часто именно позиция арабов приводит к тому, что евреи при всей своей склонности к «бытовухе» и компромиссам просто лишены возможности следовать этим тенденциям.

– Арабский фактор как элемент сверхъестественного при естественном ходе событий?

– Большая часть народа Израиля рассчитывает в первую очередь на арабов и только потом на Всевышнего. Теперь рассчитывать на глупость арабов стало сложнее, а

полагаться на Всевышнего они так и не научились, поэтому ситуация действительно сложная.

Спустя несколько месяцев после заключения печально известного соглашения в Кэмп-Дэвиде состоялась очень интересная встреча между арабской и еврейской интеллектуальной элитой, в которой я принимал участие. Известно: в Кэмп-Дэвиде уже была договоренность о палестинской автономии, но именно арабы с ней больше всего были не согласны. Я сказал им: «По-моему, вы идиоты, ведь с того дня как появится эта автономия, за пять лет вы сумеете прийти к независимому государству!». Они все равно остались при своем мнении, считая принятое решение уступкой. Поэтому им понадобилось больше пяти лет, чтобы понять: тогда они получили все!

– Выходит, Бегин виноват в том, что происходит сегодня, ведь это он заложил основу Кэмп-Дэвида?

– Между прочим я никогда не любил Бегина и однажды сказал ему это в лицо. Последний Любавичский Ребе в свое время поставил меня во главе раввинского суда, который должен был заниматься политическими связями для решения законодательного вопроса о том, кто является евреем, чтобы решить проблему с исправлением закона о возвращении в страну Израиля. Тогда я встречался со всеми представителями кнессета, что, надо сказать, совсем не было приятно, и с Бегиним в том числе, он был тогда премьер-министром. Я напомнил ему, что одним из пунктов его коалиционного соглашения было обещание принять все меры для исправления этого закона, чтобы в нем было записано: вопрос регулирует традиционное еврейское законодательство (Алоха). Я был очень зол на Бегина, но старался ничего не высказывать.

Однако получилась смешная ситуация: я молчу, а пришедшие со мной здесь же, при мне, стали цитировать то, что я сказал по дороге на эту встречу. В Зогаре говорится: «Надо стараться выполнить слова Торы». Подобную формулировку употребил в свое время и Бегин, обещая стараться провести закон о возвращении, соответствующий Алохе. В этой связи я вспомнил, как ребе из Коцка разбирал значение слова «стараться» в данном контексте. Он приводил перевод Онкелоса: «И когда соблазнит мужчину девушку» переводится как «И когда он постарается». Бегин очень обиделся, когда его старания

сравнили с соблазнением девушки. Он вскочил и со злостью закричал что-то совсем неожиданное: «Вы мне будете объяснять, как соблазнять девушек?!».

– Это все внутренние еврейские дела, а вот в арабо-еврейских отношениях вряд ли можно усмотреть такую любопытную аналогию. Как их расценивать: это диалог или два монолога? На ваш взгляд, есть достойные партнеры для разговора?

– С моей точки зрения, вести диалог можно всегда и со всеми. С тиграми тоже можно договариваться. Как показывает опыт цирка, если дрессировать, они ведут себя вполне прилично. Но вопрос при этом – какой длины должна быть палка в руке? Мы не можем рассчитывать на благожелательность кого бы то ни было. Мы можем рассчитывать только на самих себя и, исходя из этого, получать ответ.

Можно договориться с любым – от политического деятеля до главаря банды. Здесь же вопрос позиции, связанный с историей, геополитикой. В обозримом будущем я не вижу никакой реальной возможности достичь полноценного мира с арабами. Но я уверен, что можно привести к прекращению огня на долгое время. Это тоже не просто. Но реально при определенных условиях.

– ?..

– Мы обязаны быть сильнее соседей во всех отношениях. И надо добиться, чтобы наша позиция отличалась четкостью и недвусмысленностью.

– Как по-вашему, может ли вообще идти речь о передаче территорий?

– Да, конечно. Но, как я сказал, это не приведет к миру. Кроме того, проблема не локальна. Мы – часть геополитической картины мира: одной стороны, тесно привязаны к американской политике, и в то же время мы часть европейской политики. Опять-таки самое главное, по меньшей мере 70 процентов проблемы – это моральное и духовное настроение израильтян. Сочетание всех факторов приводит к тому, что степень свободы, диапазон возможностей в реализации наших еврейских национальных задач очень малы. И мы видим, что израильские правительства одно за другим продолжают все то же траурное шествие.

Я знаком с Шамиром, одним из предыдущих премьер-министров, человеком очень тяжелым и жестким. У меня с ним были достаточно серьезные столкновения, нелицеприятные дискуссии. Надо сказать, в дискуссиях он очень прям, недипломатичен. Но это по-настоящему национально ориентированный человек, для которого еврейство является высшей ценностью. И в то же время этот человек создал Мадридскую

конференцию! Он не аннексировал Иудею и Самарию как неинтегральную часть Израиля. В его правление началась массовая репатриация евреев из России, а он не сделал ничего, чтобы создать для них условия проживания в Иудее и Самарии, пальцем не шевельнул! Понятно, что он хотел? Он тоже знает о всех факторах, которые я перечислил, – вот в чем проблема.

– Президент Израиля Моше Кацав недавно встречался с российским президентом. Что вы думаете об этой встрече?

– Есть места, где принято называть тещу мамой, например, в России. Но бывает, кто-то не в состоянии называть постороннюю женщину матерью. С другой стороны, если так принято, но ты не можешь себя пересилить, а теща обижается и не хочет уступать, есть один выход: быстренько родить ребенка и называть тещу бабушкой! А что делать, пока не появился внук? В ответ говорят: ну! Моше Кацав встречался в Владимиром Путиным – ну!..

– Какова, по-вашему, роль России в урегулировании арабо-израильского конфликта?

– В течение многих лет Россия делала катастрофическую ошибку в своей ближневосточной политике. В начале 50-х годов группа ультралевых израильтян пришла говорить с советским послом, – я знаю об этом, потому что одним из них был мой отец. Они тогда уже пытались объяснить послу СССР, что с точки зрения всемирного коммунистического движения, с точки зрения интересов России как державы ошибка состоит в том, что правительство страны занимает проарабскую позицию. Никогда ничего хорошего от арабов не увидеть! С другой стороны, сотрудничество с еврейским государством, хорошее отношение в то время к Израилю могло бы привести к тому, чтоб Израиль вошел в сферу влияния России и, быть может, в нем тогда вообще победил бы социализм, чего в принципе и желала та делегация евреев...

– Выходит, Израилю повезло с бескорыстной любовью СССР к арабам!

– Россия по сей день гипнотизирует себя тем, что у арабов нефть и прочее. Но пусть она подсчитает, сколько миллиардов долларов должны ей арабские страны и каково соотношение прибыли и убытков от дружбы с арабами. Средства, вложенные в эти отношения, она уже никогда не получит назад. Убытки страны из-за проарабской ориентации в одном только финансовом смысле говорят об очень многом.

Есть и другая сторона отношений с арабами: существует достоверная информация, что советские воины участвовали в военных действиях против Израиля на стороне арабов и вместе с ними попадали к израильтянам в плен. У моей жены есть племянница Злата, она родом из Риги. Во время войны 1973 года как микробиолога ее мобилизовали в армию в военно-медицинские части, и она занималась тем, что брала анализы у раненных. В тех же госпиталях, где лечились еврейские солдаты, в соседних с ними палатах были и раненные арабы, попавшие в плен. Что выяснила Злата, придя за анализами к арабам? Самое неожиданное: что среди них оказалось несколько инструкторов Советской Армии: в одном из «арабов» она узнала своего рижского одноклассника. Он тоже узнал Злату и закричал: «И тебе не стыдно служить империализму?!»...

Лица меняются, суть та же.

– **В чеченской войне россияне, наверное, как никогда почувствовали, какую угрозу представляют собой если не арабы, то исламский фундаментализм?**

– С моей точки зрения, если России и надо чего-то бояться до дрожи, так это мусульманского фундаментализма. Чечня – своего рода индикатор, который предупреждает о возможном развитии событий. Это проблема целых регионов внутри России. И у нас есть сведения о постоянной переброске снайперов и боевиков между Чечней и палестинцами. На мой взгляд, куда естественней было бы России давно проникнуться солидарностью с Израилем даже на уровне массового сознания.

Оставим в стороне проблему антисемитизма. Посмотрим, кто на данный момент в МИДе занимается ближневосточной проблемой? Подавляющее большинство сотрудников – профессиональные арабисты. Нет, из-за этого они не любят Россию меньше и, конечно, не имеют намерения ей вредить, но проарабская психология – это их воспитание, специализация! В силу давно сформировавшихся концепций они предвзято подходят к существующей проблеме. В американском госдепартаменте тоже было подобное.

– **Скажите, пожалуйста, лично от президента Путина Израиль чего-то ожидает?**

– Один мой знакомый, еврей из Америки, политик, чье мнение на многое оказывает влияние (поэтому я не называю его имя) много часов общался с Владимиром Путиным, и личность президента произвела на него очень большое впечатление. Более того, он заявил, что Путин ему понравился и как человек – а у этого американца совсем не просто заслужить такую оценку. К тому же он поверил, что Путину многое удастся изменить в России.

– Замечательный оптимизм!

– Много лет назад, объединив мнение Лейбница и Вольтера, я сформулировал принцип еврейского оптимизма. Лейбниц сказал: наш мир – лучший из всех возможных. Вольтер написал целый «Кандид» – по сути одно большое издевательство над идеями Лейбница, чтобы доказать, что этот мир самый мерзкий из всех возможных. Еврейский оптимизм заключается в следующем: наш мир самый мерзкий из всех возможных, но в нем всегда есть место надежде.

Ī āāāī āēē ñ ēāēēō ā āāāēī Ēāō āyāō Āēñāō

Āāñāō āēēā Dāōāēū Ī āī ēāā

ЕЩЕ РАЗ О ЕВРЕЯХ И ЛИТОВЦАХ

Аі о аі аі о аі о аі о аі о аі

За пределами Литвы часто приходится слышать, что литовцы принимали весомое участие в истреблении евреев в годы второй мировой войны. Об этом спорили, спорят и еще долго будут спорить.

Но мало кому известен взгляд самих литовцев на эту проблему. Посылаю вам интересный, на мой взгляд, материал. Надеюсь для читателей вашего журнала он будет познавательным.

Оаеі Ааоа аі, Еаоі аі, Ее о аа

Во время немецкой оккупации Литвы произошла страшная трагедия – около 200 тысяч евреев были убиты. По сей день жжет, не дает покоя вопрос – кто виноват? Почему литовцы, столетиями отличающиеся религиозной и национальной терпимостью, в середине XX века подняли руку на беззащитных людей?

И я тоже давно старался найти ответ. Никто в моем родном Кривасалисе не стрелял в евреев, никто из близких не запятнан невинной кровью. И тем не менее многие годы ношу я в себе неистребимое чувство вины.

Как-то говорил об ответственности литовского народа за истребление евреев с Т. Венцловой. Помнится, наши мнения совпали. Отклик Томаса на нечеловеческую эту драму опубликован в журнале «Евреи в СССР». Это талантливый, умный, одухотворенный глубоким и сочувственным чувством документ. Трудно было представить себе, что он может оскорбить хотя бы одного литовца (за исключением, разумеется, тех, кто стрелял).

К стыду нашему, подпольная «Аушра» напечатала скрытый под псевдонимом Жувинтас «отпор» Т. Венцлове, статью которого «Аушра» не нашла нужным представить на суд читателей. Антисемитская статья Жувинтаса перепечатана эмигрантскими «Акирачайяй». Боюсь, как бы начавшаяся полемика не обернулась оправданием убийц.

«Как понять то, что было? Когда речь идет о смерти и непоправимой вине, всегда можно привести множество рациональных объяснений, но в конечном счете они ничего не стоят. Это знал еще Эдип, еще лучше это знает христианство (...). Зло всегда остается злом, убийство – убийством и вина – виной. Ничто на свете не изменит факта, что в конце июня 1941 года литовцы на глазах у литовской толпы уничтожили беззащитных людей – даже тот факт, что в двадцатом веке многие, чуть ли не все народы, творили нечто подобное. И я, литовец, обязан говорить о вине литовцев. Садизм и грабежи, презрение и

позорное равнодушие к людям не могут быть оправданы, хуже того – они не могут быть объяснены, они живут в столь темных углах личного и народного сознания, что искать их рациональные причины – бесплодное занятие (...). Раскаяние – сложное дело. Это никак не сведение счетов с убийцами, кому бы они ни служили. Это не раздиране одежды – раскаиваются внутренне. Но мы должны сказать обо всем происшедшем, не выгораживая себя, без внутренней цензуры, без пропагандистских искажений, без национальных комплексов, без страха. Мы должны навсегда понять, что уничтожение евреев – это уничтожение нас самих (...)).»

Евреи 4-го полка польской армии празднуют Рош а-Шона около Вильно. 1920 год.

Так писал Т. Венцлова. А как насчет вины за уничтожение евреев в Литве у Жувинтаса? Очень просто – сами евреи виноваты! Легко сказать, какова цена его «аргументов».

1. Евреи в июне 40-го года встречали Красную армию с цветами. Этим они выказали литовскому народу вопиющую неблагодарность, за что и были наказаны спустя год. Конечно, уничтожать евреев не следовало бы, но надо попытаться понять и погромщиков, которые лишь слегка погорячились...

Царская Россия была тюрьмой народов, в которой евреев особенно преследовали. И евреи приветствовали создание независимой Литовской республики, так как надеялись, что ее создание будет способствовать национальному и религиозному развитию еврейского народа. Уже 5 декабря 1918 году один из сионистских лидеров бывшей Российской империи С. Розенбаум посетил премьер-министра А. Вольдемараса и предложил сотрудничество и помощь (П. Аксамитас, П. Фрейдгеймас. Иудаизм и сионизм. Вильнюс, 1971. С. 120). Премьер-министр со своей стороны обещал евреям культурную автономию.

Вряд ли где в мире в то время евреи имели такие условия для развития национальной культуры. Вот несколько примеров. В 1923 году, согласно переписи, в Литве было 7,7% евреев (литовцев – 83,9%). В 1938 году в Литве действовало 60 полных

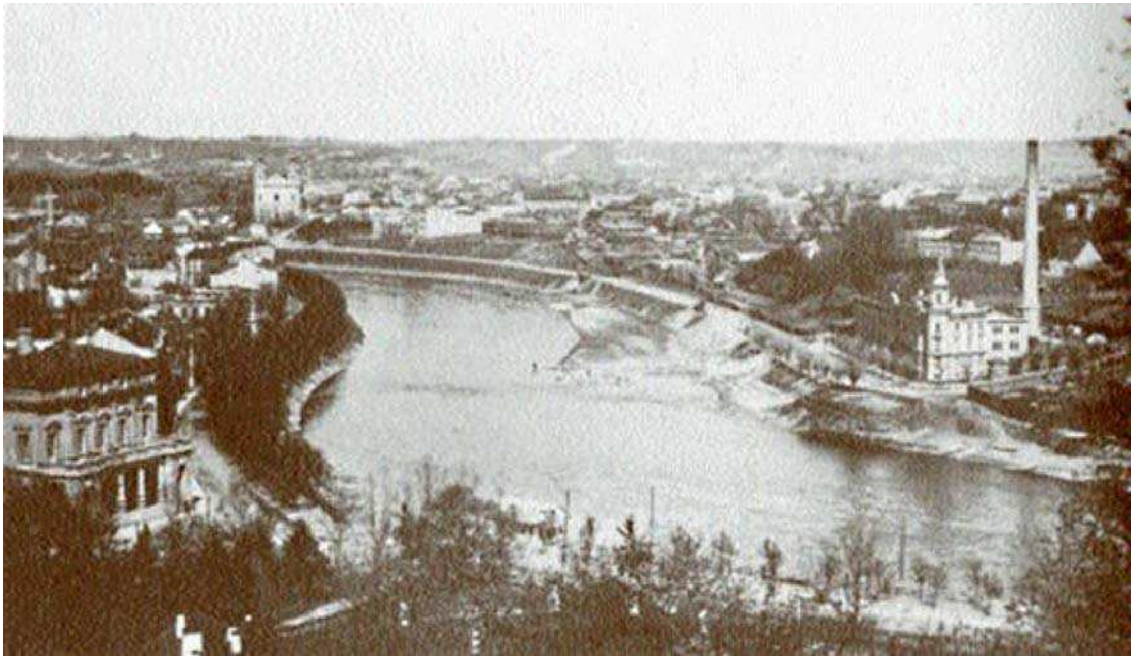
гимназий, из них литовских – 41, еврейских – 14, польских – 3, русская и немецкая. 93% еврейских детей учились в национальных школах, где преподавание велось в основном на иврите. В весенний семестр 1932 года в Каунасском университете студенты-евреи составляли 26,2% (литовцы – 67,4%). Это соотношение оставалось неизменным во все времена существования независимой Литвы. В университете действовали кафедры иврита и идиша. Евреи имели две раввинские академии – в Тельшяй и Вилиямполе.

Эту широкую культурную автономию евреи сторицей оплатили – своей кровью в борьбе за независимость Литвы (см. списки убитых добровольцев в книге «Добровольческое движение». Под ред. П. Русяцкаса. Т. 1 Каунас, 1937. С. 321-349).

Справедливости ради следует, однако, напомнить, что евреи не были уравнены в правах с литовцами. К примеру, они не могли владеть землей, их не принимали на офицерскую службу в армии. До 1926 года евреи участвовали в государственном управлении. Вильнюсская сионистская конференция делегировала в первое литовское правительство И. Выгодского, который занял пост министра по делам евреев. В Литовский государственный совет входили Розенбаум, Рахмилович, Фолькевич и другие. Первый сразу занял пост заместителя министра промышленности в торговле. После переворота (прихода к власти Сметоны) евреи были отстранены от государственного управления. Этим воспользовалась сталинская пропаганда, пообещав евреям уничтожение всех правовых ограничений. И так как евреи знали Сталина только по распространяемым в Литве «Известиям», они верили ему...

Была и другая, на мой взгляд, главная причина лояльного отношения евреев к советской власти. В 1939 году Гитлер приказал немцам Латвии и Эстонии вернуться на родину, Литвы эта реэмиграция не коснулась. Лишь наивные властители не понимали тайного смысла договора между Сталиным и Гитлером. Во всем мире только и было речи, что Литва скоро будет оккупирована немецкими войсками. Для литовских евреев это означало гетто, концлагеря, смерть. Дождавшись вместо немцев русских, разумеется, евреи ликовали, ибо для них это означало – жизнь!

Почему они не думали о нашем народе? Когда в июне 41-го восторженно встречали немецкую армию, много ли мы думали о евреях? Жалуемся, что мир не может понять, почему оккупантов встречали с цветами. Почему же мы не понимаем евреев, которые имели аналогичные, если не более веские, причины радоваться приходу Красной армии?

2. Среди энкаведистов было много евреев, а в их числе изощренные садисты. Жувинтас упоминает выродка Розовского.

Список евреев-сотрудников НКВД можно продолжить. Но выделялись ли чем-нибудь евреи на фоне таких, например, литовцев, как Мартавичюс, Петрикас, Тринкунас, Гузявичюс, Баранаускас, Баронас? Тип еврея-садиста черными красками рисовала оккупационная пресса, разжигая антисемитские страсти. Однако и сегодня, оказывается, им пугают народ,

Часто можно слышать, что когда в июле 40-го года, накануне выборов в так называемый сейм были проведены аресты, в них участвовали одни евреи (и лишь один литовец). Это избитая и проверенная тактика; гестапо арестовывает поляков – в акции обязательно участвует хотя бы один литовец, а при аресте литовца обязательно участие поляка... Юдофобы Берии и Сталина пользовались той же тактикой.

3. Евреи составили большинство в рядах компартии Литвы.

Жувинтасу на руку, что до сих пор не опубликован национальный состав компартии Литвы в период между войнами. Это скорее всего объясняется тем, что подпольные организации сознательно раздували свой личный состав. Попробуем использовать косвенные данные.

19 октября 1933 года Смечкус и другие, всего 24 литовских коммуниста, были обменены на арестованных в России литовских священников (среди них был епископ Матулёнис). В числе 24-х было 14 литовцев, то есть более половины. По данным литовской госбезопасности, накануне второй мировой войны в компартии Литвы было 600-650 членов. Допустим, евреев среди них было около 300, и пусть даже, как кое-кто считает, все они совершили преступления против Литвы. Но в чем виноваты те 200 000 убиенных? Как-то несерьезно даже пояснять, что в 1940-м советскую власть поддерживали не одни евреи. В так называемом народном правительстве был только один еврей – министр здравоохранения Л. Коганас.

Гитлеровская пропаганда изрядно потрудились, чтобы убедить часть литовцев, что каждый еврей – коммунист, а коммунист – еврей. В действительности большинство евреев было либо глубоко верующими, сионистами, либо индифферентными к религии и политике.

Такова цена «аргументов» Жувинтаса. Но он не использовал всего арсенала антисемитских обвинений против евреев. Приведем кое-какие, часто повторяемые.

1. Евреи всегда помогали противникам Литвы. Так ли это?

В 1794 году во время восстания Т. Костюшки кретингцу Берку Юзелевичу было поручено создать еврейский полк. Защищая Варшаву от суворовских оккупационных войск, весь полк погиб (Биржишка М. Восстание Литвы. Вильнюс, 1919. С. 11). Об участии евреев в восстании 1831 году сведений нет. В 1863 году немало евреев погибло в рядах восставших. 14 апреля 1864 года Лейба Липман был повешен русскими в Сувалках (Янулайтис А. Евреи в Литве. Каунас, 1923. С. 168). Другой еврей, старьевщик А. Беиц, помог совершить побег руководителю восставших Артуру Гросу (Лаурайтис В. Живые в воспоминаниях народа. Аушра. 1978. № 1. С. 25). Достоинство уважения и доброй памяти поведение евреев и в годы революции 1905 года (Ликмантас П. Воспоминания пунского жителя. Вингис, 1973. Апрель. С. 10). Не были безразличны евреи и к страданиям литовского народа во время первой мировой войны (Литва в Великой войне. Под ред. П. Русецкаса. Вильнюс, 1939. С. 125).

Как мы уже видели, евреи сражались за независимость Литвы. Поэтому в 1933 году был создан «Союз литовских евреев – участников освобождения Литвы» (большинство членов Союза были расстреляны в 1941–1944 годы).

2. Евреи, преследуя свои национальные интересы, отличаются кастовой замкнутостью, в любых ситуациях евреи поддерживают евреев. Это не порок, а преимущество, которым мы, литовцы, увы, не обладаем.

Евреев всюду и во все времена преследовали. Законы часто не только не защищали евреев, но были направлены против них. Стоит ли удивляться, что даже в лучшие времена евреи не доверяли законам и не считали их до конца своими? Они признавали над собой лишь власть духовного Закона – иудаизма. Преданность своим установлениям – одна из основных причин обособленности евреев. Они могли отстаивать свое право на существование, лишь укрепляя национальную солидарность.

Берк Юзелевич.

3. Евреи превалировали в торговле, извлекая барыши за счет литовцев.

На торговле разбогатела лишь горсточка евреев. Большинство нищенствовало. Крестьяне-литовцы и евреи всегда жили в мире. Если бы литовцы действительно ощущали гнет евреев-торговцев, такие отношения были бы невозможны.

... В трудные дни мой отец всегда обращался за помощью к пабанорскому еврею Черному, и я не слышал, чтобы деньги ссужались в рост. Таурагинские евреи Мятинис и Корка как только заворачивали в наш Кривасалис, отпускали свою лошадку, и она плелась от хаты к хате. Пока они ходили по домам, скупая щетину и тряпье, кривасальцы сами забирали с лошади приглянувшийся товар. Рассчитывались вечером. Никогда не возникало конфликтов из-за расчета или неуплаченного долга...

Похожие отношения были повсюду в литовской деревне. Упомянутый уже пунский житель рассказывает, как литовцы и евреи «один другого хорошо узнали и один другому буквально были необходимы... Литовцы и евреи жили мирно, помогая друг другу и выручая в трудные минуты».

Трудно вообразить меру страданий евреев гетто, ежедневно ожидающих все новых и новых «акций». Даже для воображения страшна, непереносима картина, как ведут к месту расстрела, как детишки постарше цепляются за материнские юбки, матери прижимают к груди младенцев. А двуногое зверье вырывает их – их малышей! – наотмашь бьет лопатами по головам.

Разве можно все это забыть, простить, оправдать? Искать «объективные» аргументы для убийц может только человек, для которого нет ничего святого!

Антисемит – жалкий подлец, гнусное и трусливое ничтожество, осмеливающееся поднять руку только на слабого. Но он еще и марионетка, которую сильные мира сего используют для самых грязных своих дел. Те, у кого поднялась рука на евреев, с той же легкостью уничтожали и своих земляков. Лумюс из Линкмениса, расстреливавший евреев, вступил в немецкую армию. Когда его работодатели проиграли

войну, примазался к русским партизанам. В 1944 году пришел в ведомство Берии. Говорят, там он дослужился до звания майора. Только в 1958 году Лунюс был схвачен и расстрелян. Подобная биография не у одного убийцы евреев.

У каждого народа есть свои кайны и свои заблудшие овцы. Но нет и не может быть такого суда в мире, который осмелился бы судить целый народ, и евреи не нуждаются в моей защитительной речи. Не евреи стреляли в литовцев, а наоборот, убийство литовских евреев – это трагедия и литовского народа.

Евреи – великий народ. Западная цивилизация обязана им величайшими открытиями в области духа и моральной культуры. Народ без истории – не народ. Дух без истории – не дух. А духовная история – иудейская Библия. Древние евреи создали высочайшую культуру, движимую социально-этическим идеалом и соединяющую монотеизм с целой системой нравственности. Не культ, а мораль является средоточием религии – эта идея, провозглашенная за восемь веков до рождения Христова, открыла человечеству пути к новому мироощущению.

«... и когда вы умножаете моления ваши, я не слышу: ваши руки полны крови. Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро; ищите правды; спасайте угнетенного; защищайте сироту; вступайтесь за вдову» (Исайя, 1, 15–17). Более 26 веков назад прозвучал этот призыв к правде и справедливости одного из величайших еврейских пророков, а он и поныне жизненно важен, как и в те далекие времена.

Еврейский народ велик и своей жизнестойкостью. Где сегодня все древние народы, жившие в дружбе или вражде с евреями? Их давно нет, только памятники культуры на их могилах. Тысячелетняя история евреев как бы говорит, что нации, которые силой оружия поработают своих ближних и дальних соседей, с течением времени погибают сами – их проглатывают новые, еще более могущественные хищники. Умирают государства, умирают и народы, которые свою мощь отождествляют с силой и крепостью государства. Евреи свою силу видели в мощи народного религиозного Духа, вот почему они выжили в веках и, в конце концов, обрели свой Иерусалим. Евреи достойны более чем уважения – преклонения за их любовь к свободе. Борьба евреев за землю предков, за независимость Израиля – пример для всех народов мира!

Литовцы не хуже и не лучше других народов. Только горстка литовцев – юдофобы. Об этом свидетельствуют воспоминания самих евреев: «Осенью 41 года все евреи из близлежащих местечек были согнаны в большое гетто в Пасвалисе. Гетто собирались ликвидировать, но к установленному сроку не нашлось желающих стрелять» (И без оружия воюют. Сост. С. Бинкене, Вильнюс. С. 271). Е. Якобсонайте вспоминает: «Десятерых обошли, и все нас укрывали, кормили. Они спасали нас от смерти, сами подвергаясь смертельной опасности. Спасаясь от фашистского зверя, обошла множество мест – Шяуляй, Шилуте, Каунас, Алитус, Трошкунай. И везде, куда шла, где побывала, меня сопровождали сердечной заботой простые литовские рабочие и крестьяне. Они делали все, чтобы выжила» (Там же. С. 107).

Выходит, что литовский народ не в чем обвинить? Вновь обращаюсь к Т. Венцлове. «Некоторые скажут: “Что же, евреев убивали не литовцы, а подонки (...), к литовскому народу они не имеют отношения”. Я и сам подобное говаривал. Но это неверно. Если считать, что эта персоналистская точка зрения единственно ценна и справедлива в мире моральном, – то к этой личности причастны все в народе – и

праведники, и преступники. Каждый совершенный грех отягчает совесть всего народа и совесть каждого в нем».

Летом 1941 года в Дегутском лесу были расстреляны евреи окрестных волостей. Тогда-то священник Салакского костела Пятрас Раудуве произнес проповедь. Страшным обвинением убийцам прозвучали его слова. «Кто ответит за невинно пролитую кровь человеческую? Самое ужасное, что среди убийц были и литовцы, католики. Они призывают на весь наш народ гнев Божий». Все в костеле плакали...

Среди литовской священнической интеллигенции были и героические защитники евреев. Один только Повилас Якас руководил миссией спасения сотен евреев. Но немало священников не последовало истинно христианскому примеру своего брата во Христе П. Раудуве. Их взоры были обращены к Ватикану, к папе. А папа молчал... Молчим и мы!

Улица Жаткова в старом еврейском районе Вильно.

Не читал пьесы Хоххута «Наместники», но ее идею знаю. Молчание Пия XII стоило великого множества жизней и навлекло на Ватикан несмываемый позор. В 1975 году в Литве распространялся меморандум 17-ти интеллигентов. В нем говорилось о том, как в 1948 году один священник написал папе письмо от верующих Литвы и как литовские партизаны попытались пробраться с этим письмом на Запад. Попытка стоила девяти партизанских жизней, однако двум все-таки удалось увидеть Рим, но не папу... Папа отказался принять письмо литовских верующих, ибо боялся Сталина.

Из этого факта я сделал вывод, что равнодушие к иудеям порождает такое же равнодушие и к судьбам миллионов христиан... Мы призваны решить проблему восстановления союза и доверия между евреями и литовцами. Как говорят сами евреи, их положение в Литве много лучше, чем в других республиках. Однако многое еще надо сделать. И прежде всего постичь масштабы трагедии и степень вины поколения 40-х годов. Затем, отбросив предубеждения, ближе понять еврейский народ, его культуру, традиции. Только так достигается сосуществование, взаимопонимание, сотрудничество.

Французские епископы в своем обращении 1973 года писали; «Антисемитизм – наследие языческого мира, но в христианском климате он укрепился благодаря псевдотеологическим аргументам. Евреи достойны нашего внимания и нашего уважения, иногда нашего преклонения, временами нашей дружеской и братской критики и всегда – нашей любви. Может быть, в этом им больше всего отказывали, и это лежит бременем на совести христиан».

Литовскому народу выпало немало страданий – такова уж воля Провидения. Заботясь только о будущем своего народа, мечтаю, чтобы никогда в будущем литовцы не стреляли в невинных и беззащитных. Мир не гарантирован от еще более страшных катастроф. Уберечь литовцев от участия в погромах (на этот раз уже неевреев) можно, только безоговорочно осудив убийство мирного населения.

И тут главная роль должна принадлежать церкви. Мы часто слышали подобные проповеди из всех стран Европы и Америки. Только не в Литве. Литовско-еврейская трагедия заслонена повседневными событиями. Необходимо осудить во весь голос преследования людей, особенно по расовым, религиозным, политическим мотивам.

Почтим память погибших евреев. Их братские могилы поросли мхом. Церковь может взять на себя инициативу, чтобы на местах расстрелов евреев были поставлены памятники. В День поминовения принесу и я венок на Швенченельское кладбище, к братской могиле, где преданы земле литовские евреи. Надеюсь, что в этот день я буду не один...

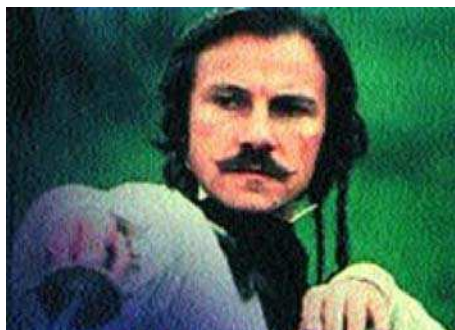
Обращаюсь к епископам Юлиёнасу Степонавичюсу и Винцентасу Сладкявичюсу (в настоящее время Винцентас Сладкявичус – кардинал. – Ред.), ко всем честным литовским священникам: помогите сотрудничеству и взаимопониманию между литовским и еврейским народами. За ними последуют все, для кого Христово Евангелие не слова, а жизнь и дела.

81 èòÿáðÿ 1978 ãã

Àèëÿ þñ

ДУША И МАСКИ ХАРВИ КЕЙТЕЛА

Аִדְוֹאִי יִיִטְעֵי

Харви Кейтел пришел в кинематограф буквально со «злых улиц» Нью-Йорка. Он родился в 1947 году в Бруклине. Его родители – польские евреи – держали ларек с прохладительными напитками на Брайтон-Бич.

Отслужив три года в морской пехоте, Кейтел поступил одновременно в Нью-Йоркский университет и в актерскую студию, где его наставниками были Стелла Адлер, Фрэнк Корсаро и Ли Страсберг. Дебютировал он на сцене летнего театра в «Американской мечте» Эдварда Олби, затем восемь лет играл в маленьких театрах off-off-Broadway, то есть принимал участие в авангардных некоммерческих постановках.

Во второй половине 1960-х судьба сводит молодого Харви Кейтела с начинающим кинорежиссером – Мартином Скорсезе. В первой полнометражной картине Скорсезе «Кто стучится в мою дверь?» (1969) Кейтел получил главную роль: странного персонажа по имени J.R.

Но настоящим прорывом и для Скорсезе, и для Кейтела стала их совместная работа в фильме «Злые улицы» (1973) – inferнальная драма из жизни италоамериканцев. В «Злых улицах» лицом к лицу столкнулись два основных alter ego режиссера – Харви Кейтел в роли Чарли и Роберт Де Ниро в более выигрышной роли Малыша Джонни. Кейтел превосходно сыграл жаждущего подняться в мафиозной иерархии Чарли. Мечта достичь элегантно-респектабельности, попасть в гангстерскую элиту Маленькой Италии борется в душе Чарли с желанием понравиться своим уличным друзьям.

На вопрос журналиста, не было ли ему сложно – учитывая происхождение – играть итальянца в «Злых улицах», Харви Кейтел ответил: «Я вырос в Бруклине, учился в школе на Кони-Айленде, и друзья у меня были самые разные – настоящая плавильная печь. Не важно, что меня воспитывали в еврейских традициях, а Марти (Скорсезе – А.П.) – в духе католицизма, религиозная принадлежность не влияла на наше место в обществе».

В следующем фильме Скорсезе – «Алиса здесь больше не живет» (1974) Кейтел сыграл небольшую, но забавную роль любовника главной героини – аляповато одетого провинциального мачо. Роль сутенера-итальянца в культовой картине Скорсезе «Таксист» (1976) оказалась последней совместной работой двух мастеров в 1970-е годы. Персонаж Кейтела – беспринципный, жадный, в неуместной ковбойской шляпе – по-своему привязан

к героине Джоди Фостер, сыгравшей его малолетнюю подопечную. Вот как об этих эпизодах вспоминает сам Кейтел: «Было видно, что мой итальянец искренне любит свою девушку и готов ради нее на все. Такой вот невероятный роман, я и сейчас не до конца понимаю, что там между ними, этими персонажами, было».

Кейтел – человек с самым обычным, хотя и запоминающимся лицом, сильный и слабый по обстоятельствам – на экране, как правило, абсолютно органичен. Он спокойно натягивает на себя одежду, среду обитания и мировосприятие своего героя. Кейтел умеет отыскивать человечность в уличном отребье и грязную изнанку в душах обыкновенных людей.

Я не историк кино и не биограф Харви Кейтела. Мои заметки – своего рода этюдные наброски к портрету скромной, но яркой звезды. Поэтому обойти вниманием костюмную драму «Дуэлянты» (1977) невозможно. Во-первых, эта картина – дебют в «большом формате» английского режиссера рекламы Ридли Скотта, а для Харви Кейтела – первый опыт сотрудничества с европейским режиссером, да еще на историческом материале. Во-вторых, фильм получился удачным: «Дуэлянты» – красивая, местами грустная, местами ироничная, очень стильная лента о непримиримой схватке двух французских офицеров в эпоху наполеоновских войн. Наконец, в-третьих: Харви Кейтел просто неподражаем в роли бретёра Ферро, безуспешно пытающегося прикончить своего противника на протяжении пятнадцати лет. Грубый и скандальный герой Кейтела, человек с извращенным понятием о чести, обладает редким отрицательным обаянием, вызывая уважение своим упрямым безрассудством.

Следующий взлет карьеры Кейтела пришелся на конец 1980-х – начало 1990-х годов. Этапным стало участие актера в самом спорном проекте Мартина Скорсезе «Последнее искушение Христа» (1988), куда Кейтел был приглашен на роль Иуды. Образ Иуды, созданный Кейтелом, очень далек от канонического изображения сребролюбивого предателя: негибачный, суровый зелот, верный соратник и любимый ученик Иисуса, жестоко разочаровавшийся в своем учителе. Скорсезе снял фильм глубоко личный, то есть очень католический. Поэтому бойкот фильма со стороны христианских «ультрас» крайне нелеп. На мой взгляд, неожиданная трактовка образа Иуды позволила Кейтелу глубже показать универсальную библейскую тему верности и ее оборотную сторону – предательство.

К началу 1990-х годов Кейтел – бесспорная, хотя и нефактурная, звезда. Кейтел становится фаворитом американских независимых режиссеров. Так, он исполнил главные роли в фильмах Абея Феррары «Плохой лейтенант» (1992) о продажном полицейском-наркомане и «Глаза змеи» (1994) – мрачный опус на тему слияния театра и жизни – где партнершей Кейтела выступила Мадонна. Несомненной актерской удачей Кейтела стало участие в нашумевшем фестивальном хите австралийской женщины-режиссера Джейн Кэмпбелл – «Пианино» (1993), глубокой и пронзительной драме об одиночестве и ностальгии, терпении и боли.

Зритель, не отягощенный интересом к элитарному кино, мог запомнить Харви Кейтела по роли добросовестного полицейского в классическом американском road movie – феминистской драме Ридли Скотта «Тельма и Луиза» (1991). Герой Кейтела – единственный положительный мужской персонаж этой картины.

Харви Кейтел был одним из первых, кто поверил в киноамбиции Квентина Тарантино. В его дебютном фильме – «Бешеные псы» (1992) – Кейтел не только сыграл «крутого мужика» – гангстера по прозвищу «Мистер Уайт», но и стал сопродюсером

ленты. В сделавшем Тарантино мегазвездой «Криминальном чтиве» (1994) Кейтел получил почти эпизодическую, но яркую роль «человека, решающего проблемы». «Мистер Вулф» в исполнении Харви Кейтела так лихо «разрулил» ситуацию, в которую попали незадачливые бандиты, что это было действительно смешно.

Серьезная публика заново открыла для себя драматический талант Кейтела в 1995 году. Греческий кинематр Тео Ангелопулос пригласил Харви Кейтела на главную роль – режиссера А. – в свой фильм «Взгляд Улисса»: тяжеловесную притчу о последних балканских событиях. Для героя Кейтела – alter ego самого Ангелопулоса – путешествие по Балканам становится и путешествием во времени, встречей с давно умершими и любимыми.

Личным триумфом Кейтела стал Берлинский кинофестиваль 1995 года. В его рамках состоялась европейская премьера фильма «Дым» (1994), продукция американских «независимых» Уэйна Вонга и Пола Остера с Харви Кейтелом в главной роли бруклинского философа Оги. Оги – хозяин табачной лавки – каждый день в одно и то же время выходит на порог с фотоаппаратом и снимает улицу с одной и той же точки. Таков сквозной образ фильма: словно нечаянное прикосновение к тайне бытия.

Поэтика случайного, мечты о несбывшемся, очарование и горечь жизни – одним словом, дым. Дым как эманация жизни, ее огня и ее пепла. Персонаж Кейтела – символ нью-йоркского взгляда, сдержанного, смешливого, точного и терпеливого. Роль Оги принесла Кейтелу «Серебряного медведя» за художественный вклад.

Харви Кейтел – любимец интеллектуальных режиссеров и киноманов. Кейтел – нетипичная звезда даже внешне: ростом невысок, далеко не красавец. Однако брутальное, лицо Кейтела может в мгновение ока из злобно-агрессивного сделаться сияюще-ласковым.

Все, кто видел на экране образы Чарли или Иуды, мистера Уайта или Оги, согласятся с этим наблюдением.

ВОСПЛАМЕНЕННАЯ ДУША

Памяти Бориса Пастернака

Áèèòíð Èóéíäæè, Ñíëíî ïí Õðèäí àí

Í àò áíí:áíðÿò íáíáðíäèì ïíðè,

È á èðàò èíé ñèääá - í èéàéíé!

Áíñÿò è ì àéííðè è ì í èì ïíðè

Çà:áðèèáðòíÿ ñòðíéíé

Í áóðá, ì äéíð í ááí èðíðíáé,

È í ñá:á.. Áááí ùì áááí à,

Í íäñí óò ù áú äíèæí à!

Í í äñ áú á

Áíðèò íí á..

Áíðèò íí á..

Á.Á. Áéääéíéí à

Пастернак Борис Леонидович (Исаакович) родился 29 января 1890 года по старому стилю в Москве, в доме Веденеева между 2-й и 3-й Тверскими-Ямскими улицами (рядом с Триумфальной площадью). Его родители были талантливыми творческими людьми.

Отец – выдающийся художник Леонид Осипович (Исаак Иосифович) Пастернак, один из учредителей — наряду с Левитаном, Коровиным, Врубелем — Союза русских художников (просуществовал с 1903 по 1923 год), давал частные уроки, а с 1893 года стал преподавать в Училище живописи, ваяния и зодчества (впоследствии ВХУТЕМАС). Мать, Розалия Исидоровна Кауфман, была концертирующей пианисткой, профессором. До рождения Бориса работала в Одесском отделении Императорского русского музыкального общества. Первенец Пастернаков появился через год после их свадьбы.

Поиски призвания

Осенью 1891 года семья перебралась в дом Лыжина в Оружейном переулке, а двумя годами позже – на казенную квартиру при доме Училища живописи, ваяния и зодчества на Мясницкой, напротив почтамта. Главным впечатлением ранних детских лет было само Училище, по определению известного философа, литературоведа В.Ф. Асмуса, «едва ли не лучший художественный институт России, в котором преподавали Поленов, Серов, Коровин, Паоло Трубецкой, С. Иванов, Архипов, а историю вел Ключевский. Учились в нем Н. Крымов, Фальк, П. Кузнецов, Машков, Ларионов, Гончарова и многие другие известные впоследствии художники».

В автобиографическом очерке «Люди и положения» Пастернак писал: «Ощущения младенчества... восходили... к образу добряка великана, сутулого, косматого, глухо басившего книгоиздателя П.П. Кончаловского, к его семье, и к рисункам карандашом, пером и тушью Серова, Врубеля, моего отца и братьев Васнецовых, висевшим в комнатах его квартиры... Вот что я прочел совсем недавно в книге Н.С. Родионова, ... под 1894 г. “23 ноября Толстой с дочерьми ездил к художнику Л.О. Пастернаку в дом Училища живописи, ваяния и зодчества ... на концерт, в котором принимали участие жена Пастернака и профессора Консерватории...” Записанную Родионовым ночь я прекрасно помню. Посреди нее я проснулся от сладкой, щемящей муки, в такой мере ранее не испытанной. Я закричал и заплакал от тоски и страха. Но музыка заглушала мои слезы, и только когда разбудившую меня часть доиграли до конца, меня услышали. ... Показалась мать, склонилась надо мной и быстро меня успокоила. ... Я увидел гостиную. С кольцами дыма сливались седины двух или трех стариков. Одного я потом хорошо знал и часто видел. Это был художник Н.Н. Ге. Образ другого, как у большинства, прошел через всю мою жизнь, в особенности потому, что отец иллюстрировал его, ездил к нему, почитал его и что его духом проникнут был весь наш дом. Это был Лев Николаевич».

Летом 1900 года Леонид Осипович Пастернак подает прошение директору Московской 5-й гимназии о зачислении в эту гимназию сына Бориса. Мальчик успешно выдерживает испытания для поступления в первый класс. Прошение старшего Пастернака было поддержано Московским городским головой князем Владимиром Михайловичем Голицыным, но вскоре он переслал Леониду Осиповичу ответ директора гимназии:

«25 аааааа à 1900 а

Аааа Неяò аааааа аа, Î èèîîèèâé

А́тмаади́ А́ааеи́ ед́ І́ е́бае́іае́-.

К сожалению, ни я, ни педагогический совет не может ничего сделать для г. Пастернака: на 345 учеников у нас уже есть 10 евреев, что составляет 3%, сверх которых мы не можем принять ни одного еврея, согласно Министерскому распоряжению. Я посоветовал бы г-ну Пастернаку подождать еще год и в мае представить нам своего сына на экзамены во второй класс. К будущему августу у нас освободится одна вакансия для евреев, и я от имени педагогического совета смогу предоставить ее г-ну Пастернаку...»

(А. А. І́ а́ааади́ ае́).

Портрет Бориса и Александра Пастернаков работы Л. Пастернака.

Ничего не оставалось, как последовать этому совету: еще год Борис занимался с домашними учителями.

В гимназические годы он сначала занимался рисунком (по словам отца, «мог бы стать художником, если бы работал»), после изучал музыкальную композицию под руководством Ю. Энгеля и Р. Глиера, за шесть лет прошел предметы композиторского факультета консерватории (кроме оркестровки) и готовился сдавать консерваторские экзамены экстерном.

Скрябин, одобряя музыкальные сочинения Пастернака («Нелепо говорить о способностях, когда налицо несравненно большее»), в то же время настаивал на вреде импровизации в музыке.

Окончив гимназию в 1908 году, Пастернак не избрал стези ни художника, ни музыканта, а поступил на юридический факультет, правда через год он перешел на философское отделение историко-филологического факультета Московского университета (окончил в 1913 года). В 1912-м, записавшись на летние курсы неокантианцев Г. Когена и П. Наторпа, Пастернак выезжал в Германию (Марбург), а оттуда – в Швейцарию и Италию.

«Необходимость серьезных занятий философией, отказа от импровизации, что казалось ему профанацией вдохновения, а также стыдливое (как он полагал) молчание Скрябина в вопросе об абсолютном слухе, создали в то время твердое психологическое обоснование отказа от музыки... Молодость Пастернака – это цепь успешных опытов с неожиданным преодолением достигнутого и почти необъяснимым отказом от него. Широкий водоем одаренности все время не совпадает с узким, всасывающим и несущим

руслем призвания. Далеко не всем удастся попасть в это русло, как это удалось Пастернаку. Предшествующее определение пути было для него долгим и мучительным» (Е. Б. Пастернак).

Портрет родителей Бориса Пастернака работы Л. Пастернака.

К зиме 1909—1910 годов относятся первые поэтические опыты, которые сам автор позже вспоминал как незрелые. В очерке «Люди и положения» он писал о сложившейся из этих опытов книге 1914 года: «Книга называлась до глупости притязательно “Близнец в тучах”, из подражания космологическим мудреностям, которыми отличались книжные заглавия символистов и названия их издательств. ... Мария Ивановна Балтрушайтис говорила: “Вы когда-нибудь пожалеете о выпуске незрелой книжки”. Она была права. Я часто жалел о том».

На первое выступление Пастернака в печати откликнулся В. Брюсов в своем обзоре российской поэзии («Русская мысль», 1914 года, книга VI): «Наиболее самобытен Б. Пастернак, чувствуется наибольшая сила фантазии; его странные ... образы не кажутся надуманными, поэт, в самом деле, чувствовал и видел так; “футуристичность” стихов Пастернака – не подчинение теории, а своеобразный склад души».

Но даже в самом начале своей поэтической работы, по мнению В.Ф. Асмуса, «при наличии в ней общих для поэзии того времени манерности, преувеличенной оценки остроты, уже сочиняя ... книгу “Близнец в тучах”, и тем более в дальнейшем, Пастернак искал в поэзии прежде всего содержательности».

Часть стихотворений 1912—1913 годов, тщательно отобранных и зачастую существенно переработанных, включалась автором в последующие издания. К ним относятся, например, многим теперь известные и любимые «Февраль, достать чернил и плакать...», «Сон» («Мне снилась осень в полусвете стекол...») и «Пир» («Пью горечь тубероз, небес осенних горечь...»).

В августе 1911 года преподаватель Училища живописи, ваяния и зодчества Л.О. Пастернак с семьей переехал в другую, также казенную, квартиру в доме Московского

художественного общества на Волхонке, 14. Крыло здания, в котором жили Пастернаки, было снесено при расширении улицы в конце 30-х годов. Сейчас в сохранившейся и отреставрированной части этого здания размещается Музей личных коллекций, в одной из экспозиционных комнат которого представлена коллекция работ Л.О. Пастернака, переданная в дар музею семьей Пастернаков.

**Б. Пастернак с отцом Леонидом Осиповичем, братом Александром и сестрами Лидией и Жозефиной.
1907 год.**

Та – ливень, а эта – ожог

Своей по-настоящему первой книгой стихов Пастернак считал «Поверх барьеров» (1917). Ее публикация «стала для Пастернака выходом из “теплицы тупика”, который, как он считал, возник в силу предшествующих уступок тону посредственности, прививших ему навыки ослабления, нивелировки и умеривания. Он радовался, что в “Барьерах” совершен переход от отдельных удачных строк ... к цельным вещам» (Е. Б. Пастернак).

В то же время к стихам этой книги Пастернак относился в какой-то степени как к «техническим этюдам», поискам средств самовыражения, и в 1928 году при подготовке книги «Поверх барьеров» к переизданию часть стихов значительно переработал. К ним относятся и такие (сокращения здесь и далее авторов)...

xòî îî÷æ, ÷òî êêæéèõ íàì èùâøèõ

îãðéîá

Í æáì éáí î é áò èàì ! Çàò áì éáí

Âì ðáëü Âîçì óææèîðòüþ òÿí àò

èç í àðéà,

È ðáì éééè éáîî îèðáì èè.

.....

Í îÿçèÿ! Âðá: áñéíé áñáéíé á ì ðèîîîéàò

Áóüü ò ù, è ì áæ çáéáí è ééáééíé

Òááÿ ì îéíæóÿ í à ì îèðòþ áîîéó

Çáéáí îé ñáíîáé ñéàì áéèè.

Ðáñòè ññáá ì ùóí ùá áòùæè è óèæè ù,

Ááèðáé íáéàèà è íáðáè,

À íî÷üþ, îîÿçèÿ, ÿ òááÿ áîæè ó

Âî çáðáæá æáüí îé áóì àèè.

Ì ÀÐÁÓÐÁ

B áçðáèèáèè. B çáñðáèñÿ è áññ

B òðÿññÿ. B ññááè ññé÷áñ

ì ðáééíæáí ùá, -

Í î ìîçáí î, ÿ ññðáéóèè, è áñò ì íá-

íòèàç

Éáè æàèü áá ñéáç! B ññòòíá áéàæáí í áé.

.....

Á ò îò ááí ù áñþ òááÿ, íò áñááí îé

áñ í íã

Èàé ò ðàãé á í ðí àé í ö è è ä ð àì ó

Ò àé ñ ì è ð í àé

Í ñ è è ÿ ñ ñ á ð è ç í àé í à ç á í é,

Ò à ò à é ñ ÿ í í ñ ð í à ó è ð à ì à ò è ð í à é.

.....

× á ñ æ á ÿ ò ð ó ó? Á á á ÿ, è à é

ä ð àì í à ò è é ó

Á á ñ ñ í í è ö ó ç í à ð. Ó í à ñ ñ í à é ñ ð ç

Ç à : à ì æ á ÿ, ñ è í à í í ð è ð í à à é ó í à ò è é à,

Ò à é á í é ÿ í ù ñ è á é í ð è à ì : í ù ð á í ð ñ ñ ?

.....

È ò í í í è ü - é í ð í è ü Ò è ä ð à ð

ñ á á ñ ñ í í è ö á é.

È ò á ð ç ì - ñ è í à é. Ò ò ÿ í ó ñ ñ è ñ è í à ð.

À é à ö è á é í à ó í à ò, è í é í à ð à ñ ñ à ó í ó ó ù,

È ñ ò ð à ñ ò ü, è à é ñ è ä à ò à é ü ñ ñ ñ ñ ò

à ó è ó

Несомненным был успех вышедшей в июне 1922 года книги стихов «Сестра моя – жизнь» с подзаголовком «Лето 1917 года», отразившим по большей части время ее вдохновенного замысла. Хотя некоторые из стихов писались и дорабатывались позже, «чудо становления книги» Пастернак относил к революционному лету 1917 года, когда «заразительная всеобщность народного подъема стирала границу между человеком и природой». Он считал, что в «современной поэзии... отдельные стихотворения не имеют смысла, ценность представляет книга стихов, создающая особый мир, со своим воздухом, небом и землей... И вот теперь одно стихотворение следовало за другим как развитие мелодии, слагаясь в циклы или главы» (Е. Б. Пастернак).

Больше года Пастернак никому не показывал написанную книгу. Первым ее прочитал Маяковский, отзыв которого превзошел ожидания автора. «Я услышал от него вдесятеро больше, чем рассчитывал когда-нибудь от кого-нибудь услышать», – писал позже Пастернак в очерке «Люди и положения». Книга «органически цельна. Она выросла под новым небом преображенного мира», – это мнение Н. Асеева. Мандельштам писал в 1923 году: «Стихи Пастернака почитать – горло прочистить, дыхание укрепить, обновить легкие: такие стихи должны быть целебны от туберкулеза». Восторженными отзывами откликнулись также В. Брюсов и М. Цветаева.

Вот отрывки из нескольких стихов этой книги.

* * *

Nãñò òà ì ìỹ - æèçí üè ñãñáíỹ á ðàçéèáí
Dãñèèéãñí ãññáí íèì ãñæãáí íáí ãññò,
Í ì èpãè á áðæíéãò ãññéí áðççæèãí
È áñæèèãí æàèỹò, èàè çí àè á ìãñá
Ó ñò àððèè ì á yò ì ññé ãñò ü ðàçí ì.
Áãññ ì ðí ì, áãññ ì ðí ì, ñ ãçí ì òãíé
ðàçí ì,
× ò ì á ãñçí èèéíãí ãçà è ãçí ì
È ì ãñí ãò ññðé ðàçãíé ã ðèçí ì.

.....

Í ÈÀ×Ó Ò È È ÑÃÃ

Óæãñ ìé! - Èãí ì ãò è ãññèèããò ñỹ,
Ãñá ì ì èè ìãéí ì á ññò á
Í ì ãò ãñòéó á ìéí á, èàè èðæãññá
Èèè ãñò ü ññèããò æü

.....

È ãñãí ì ìãí ãññ è ì ðèññèó ãpññ
Ãñá ỹ èè ìãéí ì á ññò á -
Ãí ò ìãíé ì áççíã ì ðè ññè:ãá -
Èèè ãñò ü ññèããò æü

Í ì òèøü È èèñò ìé ì á ðæí òí ãò ñỹ.
Í è ì ðèçí àèà çæ, èðí ì á æóò èèè
Ãéí ò éí á è ì éãñéáí èỹ á ðéãí áí òã
È çãí òí á è ññáç á ì ðí ì áæóò éá

ÇÀÌ ÁÑÒÈÒÀËÛÍ ÈÕÀ

B æèáóñ òáñæ èàðòí:éíé, ñ òíé, ÷ òí

õíõí:áò,

Ó éí ò í ð í é ñ ñ ò á á ñ á ç à ì ÿ ñ ò ÿ ÿ ò

õðñ ò ÿ ò,

Ó í é, ÷ ò í í æ ï ï ù é ï ñ à à ò è á ð ñ è ò ù

í á õ í : á ò,

Ó é í ò í ð í é ñ ñ ò ÿ ò è ñ ñ ò ÿ ò

è á ð ñ ò ÿ ò...

В 1921 году после предпринятых Наркомпросом попыток выселить художника Л.О. Пастернака с семьей из занимаемой квартиры (кстати, там же была и мастерская Леонида Осиповича) родители и сестры Бориса выехали в Берлин.

К весне того года была у него уже написана и двумя годами позже издана книга стихов «Темы и вариации». Пастернак послал книгу Цветаевой в Прагу с надписью: «От поклонника ее дара, отважившегося издать эти высевки и опилки и теперь кающегося». Скептическое отношение поэта к этой книге объясняется тем, что он считал ее вторичной по отношению к книге «Сестра моя – жизнь». В ответ Цветаева написала Пастернаку, сравнивая эти две книги: «Ваша книга – ожог. Та – ливень, а эта – ожог: мне было больно, и я не дула... В этой книге несколько вечных стихов, она на глазах выписывается, как змея выпрастывается из всех своих кож». К «вечным» Цветаева отнесла и эти:

Ááñ à, ÿ ñ ó è ò ù, ñ ñ à ò í í í è ù ó æ è á æ í,

Ááá á æ è ù í ó ñ à ò ñ ÿ, ñ ñ á á ñ ñ ò í ò ñ ñ ò ù

á í è ò ñ ÿ,

Ááá á ñ ç á ó ò ñ è í ù è à è ó ç æ í é ñ á æ è ù ù

Ó á ñ ñ è ñ ñ à æ á ñ ñ ÿ è ç á í è ù ù è ò ù.

Ááá á æ : á ð í ó ñ ò, è à è í ð á ð á á í í ú é ð á ñ ñ è à ç

Í ñ ò á æ á í í ú é ç á ç á í é á á ç í ð í á í è æ á í ÿ ÿ

È í á á ñ ò í á í ù ð ò ù ñ ÿ: ø ó í í ú ð ñ è à ç

Á á ç á ñ í í ú ð è è è ø á í í ú ð á ñ ð à æ á í ÿ ÿ.

* * *

Âîçãóõ äîæäèéî ÷ãñòúî ñã:àòñý.

Ï îñããã, óäèóèããò äãä

Æããóü äî-äî ãðèçíò è î:íàòñý,

È - íà:íàòñý. È äè îíéããò.

Èäè äñããã, ðãññò äã óá íàðãñ àóéó

Ï äèüòãöî è èàóíá íà äðãè,

Ï ðãã ñãé îí îñãíèò íãñããóèó,

Ï ÷ò äèüó îòèò äíäðãè.

Ï í çãéããò è è òããã è, ðãçãè ÷ãí,

Ñòãíàò ñãã:íúé íàòäé èíéóíàòü

È çãíàò è îðèíî íéò, ÷ò í íúí ÷ã

Ï íæíí ñýòüñæàðèíòíá èíèíäé.

È óäèüí íé, óããèððóãðíóã,

Â çãí áóàò äèüñò äã ñ úñè òãí íý,

Ï óðããóèò òããý íãñðíóãé

Äèóí íé ñèçèíé ñããé îðí í áíý.

Б. Пастернак. 1913 год.

Второе рождение

В 1922 году Пастернак женится – на художнице Евгении Владимировне Лурье. Тогда же у него завязывается интенсивная переписка с М. Цветаевой, в альманахе «Современник» он публикует статью «Несколько положений», о которой позже (23.05.1926) напишет Цветаевой: «Перебирая старую дребедень, нашел ... две странички, за которые стою горой... Прочти не спеша, не обманываясь формой: это не афоризмы, а подлинные убеждения, может быть даже и мысли». Действительно, содержанием этой статьи были убеждения и мысли Пастернака о сущности искусства:

«Современные течения вообразили, что искусство как фонтан, тогда как оно – губка^{III}. Они решили, что искусство должно бить, тогда как оно должно насыщаться и всасывать...

Книга есть кубический кусок горячей, дымящейся совести – и больше ничего...

Неумение найти и сказать правду – недостаток, который никаким умением говорить неправду не покрыть...

По врожденному слуху поэзия подыскивает мелодию природы среди шума словаря и, найдя ее, как подбирают мотив, передается затем импровизации на эту тему. Чутьем, по своей одухотворенности, проза ищет и находит человека в категории речи, а если век его лишен, то на память воссоздает его, и подкидывает, и потом, для блага человечества, делает вид, что нашла его среди современности. Начала эти не существуют отдельно».

Вслед за ростом поэтического авторитета Пастернака его все яростней начали преследовать официальные критики. Они обвиняли поэта в отрыве от действительности и приверженности буржуазной идеологии.

В этот период «падение интереса к лирической поэзии и необходимость перехода к большим повествовательным, эпическим формам были требованием времени и ощущались всеми. Этим объясняется молчание одних поэтов и настойчивое стремление других овладеть новыми задачами» (Е. Б. Пастернак). Борис Пастернак в 1923-1927 годы обращается к эпическому жанру. «В “Высокой болезни” Пастернак писал о трудности лирического самовыражения в период, устремленный в будущее и лишенный настоящего... Пастернак раньше других почувствовал, что “лирика перестала звучать”, неоднократно говорил о вынужденной фрагментарности “Высокой болезни”, о трудностях ее доработки» (Е. Б. Пастернак). Поэмы «Девятьсот пятый год» и «Лейтенант Шмидт» воссоздавали реалии революционных событий и были проникнуты сопереживанием им. Однако признавая за революцией моральную правоту, поэт отвергает насилие как средство достижения ее целей.

В очерке «Люди и положения» последние годы жизни Маяковского (умер в 1930 году) характеризуют как время, «когда не стало поэзии ничьей, ни его собственной, ни кого бы то ни было другого, когда повесился Есенин, когда, скажем проще, прекратилась литература... Маяковского стали вводить принудительно, как картошку при Екатерине. Это было его второй смертью. В ней он был неповинен».

В 1930 году собранные в бригаду писатели, среди которых оказался и Пастернак, были направлены в сельские районы, разоренные и опустошенные коллективизацией и раскулачиванием. «То, что я там увидел, – вспоминал он, – нельзя выразить никакими словами. Это было такое нечеловеческое, невообразимое горе, такое страшное бедствие, что оно становилось уже как бы абстрактным, не укладывалось в границы сознания. Я заболел» (З. Н. Масленикова).

К этому времени относится знакомство и начало дружбы Бориса Пастернака с Генрихом Густавовичем и Зинаидой Николаевной Нейгауз. «Открытость характера не позволяла Пастернаку делать тайну из своего увлечения Зинаидой Николаевной Нейгауз, он признался Генриху Густавовичу в своих чувствах к его жене. Нейгауз отнесся к этому с пониманием и сочувствием, у него самого была вторая семья» (Е.Б. Пастернак). Год спустя и Пастернак, и Зинаида Николаевна, оставив своих супругов, стали мужем и женой. Благодаря длительным хлопотам и помощи Р. Роллана Пастернаку удалось отправить свою первую жену, Евгению Владимировну, на 8 месяцев лечиться в Германию, а сын их смог провести это время у дедушки и бабушки.

Б. Пастернак. 1948 год.

«Зима 1931-1932 года года стала для Пастернака чудовищно тяжелой. К Новому году из Германии вернулась Евгения Владимировна с сыном. Боль семейного разрыва усугублялась тем, что некуда было разъехаться и негде жить. Письма участников событий и воспоминания свидетелей создают картину страданий на грани сумасшествия и самоубийства» (Е.Б. Пастернак).

Наконец весной 1932 года Пастернаку была выгорожена на первом этаже флигеля «Дома Герцена» на Тверском бульваре, 25, маленькая, еще не отделанная квартира. К сентябрю ее отремонтировали. В тот же год вышла в свет книга стихов поэта «Второе рождение», которой предшествовало десятилетие создания прозы и больших поэм, но лишь отдельных стихотворений. «Второе рождение» – возвращение к лирике, но лирике, построенный на иных основаниях. В сентябре 1923 года Пастернак писал С.Д. Спасскому: «Общий тон выраженья вытекает теперь не из восприимчивости лирика, не из преобладания одного ряда реальных впечатлений над каким-либо другим, а решается им самим почти как нравственный вопрос». Свой долг художника Пастернак видит теперь в том, чтобы продуманное и пережитое донести до читателя со всей определенностью.

Любовная же лирика книги посвящена двум женщинам – Евгении Владимировне Пастернак и Зинаиде Николаевне Нейгауз.

* * *

Áíãàì è èíãüà-í è áóüü á çàèá

èííüäðííé

Ì í á Áðàì ñà ñíãäàðò, - òííéíé èçíéää

В áçäðíã ó, ý äüíì íþ ñþç

σάνο ἐνδάνιέ,

Ἰ δῖάνεε, εὐίαιιία ἐ εὐίι αὐ ἀ νῆαὶ

Ὀύίαιε εὐὶ δῖαιέ, εἰε νῆι,

ἐδὸι εἰάνιου

Ἰ ἀγχεῖαίε οἰάεῖε, οἰάεῖε

ἀγχεῖα,

Ὀεῦάεῖε ἰάνι ἰε ἐ νῆοεῖε, εἰε

ἰεῖα

Ὀύίαιε εὐὶ ἰάεε, οἰάεὸ ἐ εἰά

Ἰ ἰά Ἄδαι νῆ νῆανῶ, ὃ γ ἀγχεῖα ὀ

ὃ νῆαι ἰγ,

Β ἀνῆι ἰβ ἰεῖεὸ εὐί δειάνῆ ἐ εὐί,

Νὸ οἰάιεε ὀ ἀδανῆ ἐ εἰ ἰαὸ

ὀδαι νὸ ἀ,

Ἐ ἀδὰ, ἐ νῆι, ἐ εὐί αὐ ἐ ἀά

Ὀύίαιε εὐὶ ἰά-εἰε εἰάνεῖ ἐ ὀ δαῖ

Ἰ ἰεῖα ἰάεεὸ δ, νῆεῖ ἀ ὀεῖαὸ

Ἰ ἀίδ δὲ νῆεῖ ἰε ἐ ἰά-εε ἰὸ δανῆ,

× ὀ «Ἄαν ἰε» ἰάνεῖ ἐ ἀνὸ ὀ νῆεῖ.

Ἰ ἰά Ἄδαι νῆ νῆανῶ, - ὃ νῆαι ἰγ,

ὃ ἀνῆι ἰβ

Ὀἰδῆι ὀβ γανῆεῖ ἐ εἰάεβ, ἐ ἀνῆ

Ἀεῖεἰ ἰεῖεὸ ἰε ἐ εἰ ἰαὸ

ἰεὸ ἰε,

Ὀεῦάεὸ ἐ ἰάεε, ἐ ἀνῆ, ἐ δῖ.

.....

È ò àí ò ò éðæéî ï á èóæéá
èí ò àðì áöî
Ðéàì è, èàé äáðáá, í àñ ù ï ó à ò è á
Èàé ò á è, á à ò à ò ù ÿ ÷ à ò ù ð á
ñ àì á è ò à à
Í í á ÷ è ò ù é, è à é á à ò ò à ï, í à ï á ö è è
ì í ò è á

К Евгении Владимировне, уехавшей в апреле 1931 года в Германию, обращено также стихотворение «Не волнуйся, не плачь, не труди...»:

Í á àñ è í ó è ñ ÿ, í á ï è à ÷ ù í á ò ð á è
Ñ è è è ñ ÿ è ø è ò è ñ à ð à ò í á ï ó ÷ à è.
Ò ù æ è à à, ò ù à ï ï í á, ò ù á ð á è,
È à é ï ï ò à, è à é á ð á è è à é ñ è ÷ à è.
Á à ð è á á ú à ò ï á á í á á ï ð ñ ï
Í í è à ÷ à ò ù ÿ ò á á é ð à ñ í á à à ï .
Í ù í á æ è ç ï ù í á á ø á à ï ù é ñ ð ç -
Í á ï ð á ï ù é í à ï à ð à ÷ á à à ï .

.....

Á ï á ð è ï ó ù Á ï á ð è ï ó ù Í à ø à
ñ à ÿ ç ï
Í à ø à ÷ à ñ ò ù í á ï í á è ð í æ á ð à ï ï à
È à é ð ï ò í è í á ñ à ò ó ð à ñ ð ÿ ï ÿ ñ ï
Ò ù ï ñ ñ ï ò ð è ø ù í á à ñ à ï ï - á ð á ï ï á

А вот это, в частности, обращено к Зинаиде Николаевне.

È ð à è ò ù è í ù ò - ò ÿ æ æ ù é é ð à ñ ò,
À ò ù ï ð à é ð à ñ à á ç è ç à è è í,

*È í ðáéáíò è ò áíáé íáéðáò
Ðáçñááèè æèçí è ðááí íñèéáí.
Ááñ íþ ñèúðáí òíðíò ñí íá
È ðáéáíò í íáíñòáé è èñò èí.
Òú èç íáí ùè ò áèèõ íñí íá
Òáí é ñí ùñè, èáè áí çáóó,
ááñéí ðúñò áí.
Èááéí í ðíñí óó ùñý è í ðíçðáò ùí
Ñèí ááñí ùé ñíð èç ñáðáòá áíò ðýñò ùí
È æèò ùí í á çáñí ðýýñí áí ðááñí
Áñá ÿòí - í á áí èñòáý ðèò ðíñò ùí*

Фронтальная фотография. 1943 год.

Именно из книги «Второе рождение» широко известно благодаря кинематографу стихотворение, которое стало замечательным романсом,

«Никого не будет в доме, кроме сумерек. Один зимний день в сквозном проеме незадернутых гардин...»

И другое, не менее известное:

«О, знал бы я, что так бывает, когда пускался на дебют, что строчки с кровью – убивают, нахлынут горлом и убьют...»

С выходом в 1932 году книги стихов «Второе рождение» Пастернак оказался временно вне нападков преследователей. Его даже готовы были признать ведущим и, по предложению Бухарина, даже лучшим советским поэтом. Соответствующий абзац в очерке «Люди и положения» начинается с упоминания о том, что он личным письмом благодарил Сталина за резолюцию (от 04.12.1935): «Маяковский был и остается лучшим, талантливым поэтом нашей советской эпохи», наложенную на письмо Лили Брик о растущем замалчивании роли Маяковского. Пастернак обрадовался этому решению, как собственному успеху, и писал, что эти слова «избавляли меня от раздувания моего значения, которому я стал подвергаться в середине тридцатых годов, к поре съезда писателей. Я люблю свою жизнь и не нуждаюсь в ее дополнительной позолоте. Жизни вне тайны и незаметности, жизни в зеркальном блеске выставочной витрины я не мыслю».

В ночь с 16 на 17 апреля 1934 года был арестован Осип Мандельштам. Пастернак обращается к Бухарину с просьбой о заступничестве. «Одновременно с распоряжением о пересмотре дела Пастернаку позвонил Сталин... Речь шла не о заступничестве за Мандельштама, о котором Сталин сразу сказал, что с ним все будет хорошо. Сталин, как следователь, выяснял, как широко известны стихи, за которые Мандельштам был арестован, и Пастернак, которому они были читаны самим автором, сразу почувствовал крючок в опасных выяснениях относительно дружбы с Мандельштамом и о причинах, почему писательская организация за него не заступилась. Он поспешил перейти от этой темы к существенному для него вопросу о праве распоряжаться жизнью и смертью людей, и Сталин, к счастью для собеседника, оборвал этот разговор» (Е.Б. Пастернак).

По воле Сталина Пастернак был делегирован в 1935 году в Париж на антифашистский Международный конгресс писателей в защиту мира. Он отказывался ехать, ссылаясь на болезнь, но ему передали слова Поскребышева: это приказ, который обсуждению не подлежит.

Между тем усиливалось наступление на искусство вообще и литературу в частности. В письме двоюродной сестре Ольге Фрейденберг (01.10.1936) Пастернак писал: «... началось со статьи о Шостаковиче, потом перекинулось на театр и литературу (с нападками той же развязной, омерзительно несамостоятельной, эхоподобной и производной природы на Мейерхольда, Мариэтту Шагинян, Булгакова и др.). Потом коснулось художников и опять-таки лучших, как например, Владимира Лебедева и др... Я, послушав, как совершеннейшие ничтожества говорят о Пильняках, Фединых и Леоновых почти что во множественном числе, не сдержался и попробовал выступить против именно этой стороны всей нашей печати, называя все своими настоящими именами. Прежде всего я столкнулся с искренним удивлением людей ответственных и даже официальных, зачем-де я лез заступаться за товарищей, когда не только никто меня не трогал, но и трогать не собирались. Отпор мне был дан такой, что потом ко мне отряжали товарищей из союза ... справляться о моем здоровье. И никто не хотел поверить, что чувствую я себя превосходно, хорошо сплю и работаю. И это тоже расценивали как фронду».

Летом 1937 года Пастернак, перепугав Зинаиду Николаевну, отказался поставить свою подпись под письмом с требованием расстрела Тухачевского и Якира. Однако 15 июня вышла «Литературная газета», где под письмом писательской

общественности «Не дадим житья врагам Советского Союза» в числе других стояла и подпись Пастернака. Он немедленно поехал к Ставскому требовать печатного опровержения. «Мне никто не давал права решать вопросы жизни и смерти», – говорил он. Спустя пять лет Пастернак вспоминал в письме К. Чуковскому: «Когда я отказывал Ставскому в подписи под низостью и был готов пойти за это на смерть, а он мне этим грозил и все-таки дал мою подпись мошеннически и подложно, он кричал: “Когда кончится это толстовское юродство?”» (Е.Б. Пастернак).

В предвоенные годы Пастернак почти не писал собственных стихов и в основном занимался переводами, дававшими ему средства на жизнь, на помощь семьям друзей, пострадавшим от террора. Но и в работе переводчика он искал творческое удовлетворение. Оно достигалось не только стремлением вполне передать силу и цельность оригинала на русском языке, но и глубоким анализом творчества автора, результаты которого нужно было донести до читателей. Пастернак писал... «Я бы мог, например, в предисловии или в комментарии, если бы мне дали написать их (а сколько раз я просил позволить мне написать их, но разве мыслимо мне, лицу не должностному и не обладающему никаким милицейским чином, браться за такие высокоидейные задачи), постараться разгадать для себя несколько дальше и свободнее то, начало разгадывания чего дал в переводе, и тем самым и с другими, с читателями, сделал бы несколько шагов в сторону большей ясности темного и трудного произведения и его оправдания» (Е.Б. и Е.В. Пастернаки).

В войну Пастернак был эвакуирован в Чистополь, откуда выезжал в 1943 году на Орловский участок фронта. Он писал о красоте подвига и жертвенности русских солдат, о непреходящей силе народных идеалов. Окончание войны вызвало у него творческий подъем. Некоторые признаки (например, встреча с Исайей Берлином в 1945 году), вроде бы свидетельствовали о возобновлении контактов с интеллигенцией Запада.

«И неотвратим конец пути...»

В 1946–1950 годах Пастернак ежегодно выдвигался Нобелевским комитетом на соискание Нобелевской премии по литературе. Но в СССР в то время уже началась кампания против Анны Ахматовой и Михаила Зощенко, появилась в печати серия критических заметок, объявлявших творчество Пастернака чуждым советской действительности. Пастернак тяжело переживал это. Его стихи не появлялись в печати целое десятилетие. Он ограничивается переводами и возобновляет работу над давно начатым романом «Доктор Живаго».

Подобно герою романа, Пастернак с юношеских лет «мечтал о прозе, о книге жизнеописаний, куда бы он в виде взрывчатых гнезд мог вставлять самое ошеломляющее из того, что он успел увидеть и передумать». Попытки реализации этого замысла, то есть романа о судьбе своего поколения, предпринимались им зимой 1917–1918 года (начало романа с предположительным названием «Три имени»), в 1919–21 годах (повесть «Детство Люверс»), в конце двадцатых годов («Повесть»), в начале и середине тридцатых («Начало прозы 36 года» и «Записки Патрика») и сразу после войны – роман «Доктор Живаго». Работа над романом затянулась на годы.

С 1945 года Пастернак интенсивно, хотя и с перерывами, работает над продолжением романа и отделкой уже написанных его глав, несмотря на удушливую идеологическую атмосферу и усиливающиеся нападки властей и официальной критики. Так, в сентябре 1946 года президиум Союза советских писателей принимает резолюцию, где Пастернака объявляют безыдейным, далеким от советской действительности. А

Фадеев, выступавший тогда же на собрании московских писателей, предупреждает, что «безыдейная и аполитичная поэзия Пастернака не может служить идеалом наследников великой русской поэзии».

В 1949 году была арестована его друг и помощник Ольга Ивинская.

В начале 1956 года роман был завершен и принят к рассмотрению редакциями журналов «Новый мир» и «Знамя». Гослитиздат даже заключил с Пастернаком договор на издание романа. Последняя глава этого произведения состоит из стихов, якобы написанных главным героем романа. 6 апреля 1948 года в письме М.П. Громову Пастернак писал: «Этот герой должен будет представлять нечто среднее между мной, Блоком, Есениным и Маяковским, и, когда я теперь пишу стихи, я их всегда пишу в тетрадь этому человеку». В «тетради этого человека» гениальные стихи «Зимняя ночь» («Мело, мело по всей земле, во все пределы. Свеча горела на столе, свеча горела...»)

«ÀÀÌ ÈÁÒ»

Áóè çàò èá. B áùøæ í à í í àì ì ñ è è.

Í ðè ñ è í ÿ ñ ì è ä ä ì ì ì ó è ì ñ è á

B è í æ þ á ä ä è á è ì ì ò ñ è ì ñ è á

× ò í ñ ó : è ò ñ ÿ í à ì í à ì á á è á

Í à ì á ÿ í à ñ ò à à è á ì ñ ì ð à è í ì : è

Ò ù ñ ÿ : ù þ á è í ì è è á è í à ì ñ è.

Á ñ è ò ì è è è ì ì í æ í í, Á á á ñ Í ò : á

× à ø ó ÿ ò ó ì è ì ì ì ð ì á ñ è.

B è þ á è þ ò á ì é ç à ì ù ñ è è ó ì ð ÿ ì ù é

È è ä ð à ò ù ñ ä à ñ ì í ÿ ò ó ð ì è ù

Í ì ñ è : à ñ è ä à ò ä ð á ñ ÿ ä ð à ì á,

È í à ÿ ò ì ð à ç ì á ÿ ó à ì è ù

Í ì ì ð ì á ó ì á ì ð à ñ ì ð ÿ à ì è ä è ñ ò à è é,

È í à ì ò ä ð à ò è ì è ì á ä ì í ó è è.

B í æ è í. Á ñ à ò ì í à ò á ò à ð è ñ è ñ ò á á

Æ è ç ì ù ì ð ì æ è ò ù - í à ì í è á í à ð à è ò è.

ΑΑΟΑΘ

*B êîí÷èëîÿ, à òú æèââ
È áâðáð, æàçóÿîü è íèà÷à
Dàîèà÷èâââð èâîè ââ÷ó
Í á èàæäöþ ïïï ó îð äâëüí î,
À îíèíîðüþ âîî áâðâââ
Ñî áîîþ äâëüþ áâîî ðâââëüí îé,
Èâè î áððîü èèîá èóçîââ
Í à æââè áóðò ù èíðâââëüí îé.
Èÿò î í á èç öââëüíð ââ
Èèè èçÿðîîð è áâîîâëüí îé,
À ÷ò îá á ò îîèá í à è ò è ïèîââ
Ðâââ æÿ î áîî è èíèù áâëüí îé.*

Когда в середине 1956 года «Новый мир» после длительной паузы отказался от публикации романа, автор понял, что произведение, которое он считал главным делом своей жизни, на родине опубликовано не будет. В 1957 году сначала в Италии, а затем и в большинстве зарубежных стран роман был издан на многих языках мира, включая русский. Спустя год за «выдающиеся достижения в современной лирической поэзии и в области великой русской эпической традиции» Пастернаку была присуждена Нобелевская премия, что стало причиной беспримерной травли поэта. Его исключили из Союза писателей. Ему угрожали изгнанием из страны... Что оставалось, как отказаться от получения присужденной премии.

В стихотворении «Нобелевская премия» он писал:

*B îðîí àè, èâè çâððü á çâîî í á
Áââ-ò î èþâè, âîÿÿ, ïââð,
À çà î íîþ òòî îíâîí è,
Í í á í àððæé ó õîâó í àð.
Ðâî î ù è
èâîè áâðââî î ðâââ,
Áèè ïââèáî î îé áðââî î.*

*Íòüîòðàçáí îòíáñáó,
Áóüü ÷ òí áóüüò, áñá ðàáí î.
× òí æáññáëë ÿ çà í àëíñòü
В, óáëéóà è çéíááé?
В áññü ì èð çàñò ààëë ì ëáëàòü
Í áá éðáññé çáí èë ì í áé.
Í í è ò áë, í í ÷ ò è ó áññáá,
Ááð ÿ, ì ðëááò ì í ðá,
Ñëéó ì í äëíñò è è çéíáú
Í áññáò áóó áñ áðá*

Б. Пастернак. 1956 год.

Невзирая ни на что в 1956-1960 годах Пастернак создает книгу стихов «Когда разгуляется» и пьесу «Слепая красавица» (осталась неоконченной). В книге звучат основные темы творчества Пастернака: «верность жизни как высшему началу, призвание художника, природа, одушевленная плодотворной деятельностью человека. Картины и темы этой книги озарены светом и опытом пережитого, ощущением близости конца и верности долгу художника» (В.М. Борисов и Е.Б. Пастернак). Стихотворения из этой

книги широко известны и часто цитируются. Одно из них, можно сказать, программное для поэта.

Áúòüçíàì áí è ò ù ì í æ ð à ì è á ì.
Í á yò í ì í à ù ì à à ò à à ù ì ù
Í á í à à ì ç à ì à è ò ù à ð ð è à ì,
Í à à ð è ì ì è ñ ÿ ì è ò ð ÿ ñ ò è ñ ù
Ò à è ù ò à ì ð : à ñ ò à à - ñ à ì ì ñ ò à à : à,
À í á ò ò ì è ò à, í á ò ñ à ñ
Í í ç í ð í í, í è : à à í á ç í à : à,
Á ú ò ù ì ð è ò : à è í á ò ñ ò à ò ó à ñ à ñ
Í í í à à ì æ è ò ù à á ç ñ à ì í ç à ì ñ ò à à,
Ò à è æ è ò ù : ò í à ù á è ì í ò á è ì í ò í á
Í ð è à è : ù è ñ à á è ð à í à ù ì ð ñ ò ð à ì ñ ò à à,
Ò ñ è ù ò à ò ù à ó à ò ù à à ñ ç í á
È í à à ì ì ñ ò à à è ÿ ò ù ì ð í à à è ù
Á ñ à ù à á, à í á ñ ò à è á ò ì à ñ
Í à ñ ò à è à à à ù æ è ç í è ò à è ì é
Í ò : à ð è à à ÿ í á ì í è ÿ ù ..

Другое стихотворение можно по праву считать одним из центральных произведений книги: это «После грозы» (1958), определяющее отношение автора к движущей силе истории и предназначению художника:

Í ð í à ñ ò à è ñ ÿ à ñ ç í ð ì í è ì í à ñ ç à ò ù
Á ñ à í æ è è ì, à ñ à à ù ò è ò, è à è á ð à ð.
Á ñ à ì ð ñ ì ó ñ è ì ì è ñ ò à è
è è è ì à ñ à ñ ç à ù ò
Ñ è ð à ì ù à à è ð à ò ñ à æ à ñ ò è ñ ò ð ð.
Á ñ à æ è à ì ì à ð à ì à í í ð ì í à ñ à ù.

*Áíæäü çàèäüò èðíäüü ææíäü,
Í í äñ ñäò ää í ää í äðäíäü
È äñü çà ÷ äðí é è ó: æ ä èóä
Ðóèä öüíæ í èèä äüä äñü èüí æ
Ñí äñö äüíæ ñ üäüò äýçü è í üü
Í ðáíäðæáí í æ èç äñ èðäñ èüí è
Äüðíäýò æèçü ääéñò æò æüí íñü
è äüü
Äññí èí äí èý í í èóäéä
Í ðí äñæéñý äñçé öñäýò äñýòü
Ñò íéäòüä äñ èí èç äñ í í äè.
Í íðä äí ðíäó äüüüäí ó ääòü
Í á í òðýñáí üý è í äðäí ðí òü
Äéý í íäé æèçé è í: èüäðò í öüü
À í ò èðíäüí üý, äóðè è üäðí òü
Äóèè äññ èäí äí äí í é ÷ üé- í èäüü*

Став изгоем в стране, которую беззаветно любил, Борис Пастернак вскоре заболел и умер – на исходе 30 мая 1960 года. Тысячи его почитателей прощались с ним в Переделкине – несмотря на отсутствие публикаций о дате, времени и месте похорон. Скорбные мелодии сопровождали это прощание – несколько часов провел у рояля друг Пастернака Святослав Теофилович Рихтер. Гроб с телом Бориса Леонидовича несли на руках от дома до кладбища.

Творческое наследие Бориса Леонидовича Пастернака поражает воображение. Это шесть книг стихов – «Близнец в тучах», «Поверх барьеров», «Сестра – моя жизнь», «Второе рождение», «На ранних поездках», «Земной простор», поэмы «Высокая болезнь», «Девятьсот пятый год», «Лейтенант Шмидт», прозаические произведения «Детство Люверс», «Воздушные пути», «Повесть», «Охранная грамота», «Люди и положения», роман в стихах «Спекторский», переводы из Гете, Верлена, Китса, Шекспира, Шелли, Рильке, Табидзе, Бараташвили и других и, наконец, роман «Доктор Живаго», переведенный еще при жизни Пастернака на восемнадцать языков мира.

В 1983–1999 годы в России произведения Пастернака издавались неоднократно, в том числе, изданы: «Избранное» в двух томах, роман «Доктор Живаго», собрание сочинений в 5 томах, книга «Воздушные пути», сборник «Пастернак об искусстве», значительная часть переписки.

Ежегодно 30 мая на Переделкинское кладбище по-прежнему приходят многочисленные почитатели, чтобы положить цветы у надгробья с профилем Бориса Пастернака работы Сары Дмитриевны Лебедевой.

[Π](#) *Ἄ εἰς αἶψα «Ἰ γὰρ ὁ ἀδελφὸς» γοῖ ὁ γὰρ εἰς τὴν γαίαν ἀπὸ τοῦ αἵματος «Ἰ γὰρ! Ἄδελφὸς ἀδελφός...» - Π. Ἀνθ.*

ЧЕТЫРЕ СЫНА

צאן אַאַן װײַסע

Владимир (Зеев) Жаботинский в представлении не нуждается (последняя публикация: Матвей Гейзер «Придет день», «Лехаим», №12, 2000). Это о нем писал третий президент Израиля Залман Шазар: «Он был мыслитель и политик, мечтатель и журналист, писатель и переводчик, поэт и Б-жьей милостью оратор, полиглот, владевший десятками языков, знаток мировой литературы. Все это богатство он отдал своему народу».

О большой любви к еврейскому народу, о боли и гордости за его судьбу свидетельствует и рассказ «Четыре сына». Это был едва ли не единственный рассказ писателя, передававшийся по радио Советского Союза то ли перед, то ли сразу после Отечественной войны. Первая его публикация состоялась в 1911 году.

В основу рассказа положена «Пасхальная Агода». («Пасхальное сказание», на иврите Агода шел Песах), повествующая об исходе наших далеких предков из Египта.

Вот отрывок из нее, вдохновивший писателя.

«О четырех сыновьях говорит Тора: об умном, нечестивом, простодушном и не умеющем спрашивать.

Мудрый спрашивает: “Каковы порядки, законы и правила, которые заповедал нам Г-сподь Б-г наш?” Расскажи ему о всех обрядах Пейсаха, а также то, что ничего не следует есть после афикомана (кусочек мацы, которым завершается сейдер).

Нечестивый спрашивает: “Что это за служение у вас?” – у вас, а не у него. Так как нечестивый исключил себя из общины, он отрицает саму основу веры. Ты же притупи ему зубы своим ответом, скажи: “За это Г-сподь совершил для меня то, что совершил, когда я вышел из Египта”. Для меня, а не для него; если бы он там был, то не был бы избавлен.

Простодушный спрашивает: “Что это?” А ты скажи ему: “Крепкою рукою вывел нас Г-сподь из Египта, из дома рабства”.

А неумеющему спрашивать ты сам все объясни, ибо сказано: “И расскажи сыну своему в тот день: “За это Г-сподь совершил для меня то, что совершил, когда я вышел из Египта”».

Жаботинский придал вопросам, дошедшим до нас из древней традиции, современное звучание.

Рассказ публикуется полностью.

По еврейскому обряду полагается, рассказывая в пасхальный вечер об исходе из Египта, применяться к психологии четырех типов детей. Один – умный, другой – нахал, третий – простак, четвертый такой, что даже спросить не умеет.

И надо ответить каждому по порядку, каждому по его вкусу и по мере его понимания.

Умный мальчик пытливо морщит выпуклый лоб, всматривается большими глазами и хочет понять, в чем дело. Почему его предков сначала любили в Египте, приняли с распростертыми объятиями, а потом начали притеснять и мучить; и так странно – притеснять притесняли, мучить мучили, мальчиков в воду бросали, а выпустить ни за что не хотели. «Как это понять, папа?» – спрашивает умный.

«Видишь ли, сын мой, философия исхода из Египта заключается в двух фразах, которые записаны в Вечной книге. Эти две фразы – как альфа и омега в азбуке, начало и конец благополучия твоих прадедов в Египте; и еще можно сравнить их с двумя полюсами, между которыми проходит ось, а вокруг этой оси вращается весь еврейский вопрос в Египте. И не в одном Египте. Когда вырастешь и будешь читать много книг, ясно тебе станет, что во всех скитаниях твоего народа, в каждом этапе есть и эта альфа, и эта омега, что каждый этап с того же начинается и тем же кончается, чем начался и кончился в Египте; и что полюсы, между которыми судьба швыряет твое племя, с той незапамятной поры не изменились и не передвинулись.

Что же это за две фразы? Одну ты найдешь в книге Бытия, где рассказывается, как Иосиф представил Фараону своих братьев и что им перед этим советовал.

Умный и хитрый человек был Иосиф, истинный сын отца своего Яакова, того самого, который так ловко обошел и собственного родителя, и брата, и тестя, что антисемиты – об этом ты в свое время узнаешь – называют его “первым жидом на земле”. Ты, кстати, этого не стыдись, потому что умел Яаков и хитрить, умел и бороться – с самим Б-гом боролся лицом к лицу всю ночь до зари, и остался непобежденным; умел и любить, и четырнадцать лет служил батраком за любимую женщину. Был это удалой человек, на все руки мастер, и купец, и боец, и рыцарь, и судья, хищный и благородный, осторожный и отважный, расчетливый и сердечный – настоящий человек, широкий, с великими доблестями и недостатками, с душой, как семицветная радуга, или как арфа, на которой все струны. Жизнь его была и осталась самой увлекательной поэмой, какая только рассказана была на Земле, и ты читай ее почаще и учись из нее уму-разуму.

Учись и любить, учись и бороться, учись и хитрить, ибо земля есть волчье царство, где нужно владеть всеми орудиями защиты и натиска.

Сын его Иосиф был тоже умен и хитер. Знал он хорошо все дела египетские, знал, чего египтянам недостает, а особенно хорошо знал душу фараона и его людей. И вот

дал он своим братьям, которые просились в Египет, такой совет: скажите, что вы скотоводы. И прибавил фразу, которую ты, сын мой, затверди на память, ибо в ней скрыта главная мудрость нашего народного скитания:

“Ибо мерзость для египтян всякий пастух”.

Вторую фразу ты найдешь в книге Исхода. Прошло уже много лет, одни говорят – 400, другие меньше, но, во всяком случае, давно умер и Иосиф, и братья его, и все то поколение, и тот фараон, который знал Иосифа. Появился новый царь и нашел, что потомки Иосифа чересчур сильно расплодились. Тогда и произнес он вторую фразу, которую надо тебе затвердить на память, ибо с тех пор и поныне замыкается этой фразой каждый привал, каждая передышка твоего народа на пути его скитаний, и как только прозвучит эта фраза, приходится ему опять укладывать пожитки в дорожную торбу.

“Давайте ухитримся против него, чтобы он не умножился”, – сказал новый фараон.

Из этих двух фраз, сын мой, складывается в сущности вся философия наших кочевий. Ты спросишь: как так? Зачем велел Иосиф своим братьям назваться скотоводами, если скотоводы – мерзость в глазах египтян? А в том-то и дело.

Заниматься пастушеским делом египтяне считали непристойным, но скота-то у них было много, и творог они ели с удовольствием. Потому и нужны были им скотоводы. Сам фараон, когда услышал то, что сказали ему сыновья старого Якова по мудрому совету Иосифа, очень обрадовался и тотчас распорядился назначить их смотрителями царских табунов и стад. И вообще, должно быть, не малая радость была в Египте, что вот, нашлись добрые люди, которые за нас сделают то, чего мы сами делать не любим...

Что же произошло за те годы, что отделяют эпоху первой фразы от эпохи второй? Почему вдруг стали обременительны потомки ханаанских скотоводов? Неужели решено было во всем Египте не держать более скота?

Напротив. Скота было много, и египтяне очень им дорожили: одной из самых чувствительных казней оказался для них, по преданию, падеж скота.

В чем же дело? Ты не понимаешь? Сын мой, если бы ты знал историю наших новых скитаний, ты бы легко догадался, в чем причина охлаждения. Очевидно, египтяне сами за это время привыкли к скотоводству. Сначала стеснялись и гнушались, а потом научились у евреев же, начали делать на первых порах робкие, единичные попытки, а потом приободрились, вошли во вкус занятия – и в один прекрасный день вдруг нашли, что теперь евреев слишком много и можно бы уже и без них смело обойтись.

Конечно, не сразу: массового ухода евреев фараон не хотел допустить, ибо тогда все-таки могла остаться без присмотра часть скота. Но помаленьку, полегоньку, через постепенное вымирание – это дело другое, перспектива приятная и не грозящая никакими неудобствами, ибо тем временем коренное население окончательно приберет к своим рукам всю захваченную чужаками отрасль отечественного хозяйства. И вот, “давайте ухитримся...”

Так, сын мой, с тех пор и пошло. Будешь ты потом изучать историю наших скитаний по белу свету и увидишь, что всюду было то же самое. Начиналось с того, что

“мерзость для египтян всякий пастух”, и потому опальные профессии охотно предоставляли нам.

У египтян был своеобразный вкус, и им не нравилось именно скотоводство.

А например, у европейских народов был вкус другой, и им долго не нравилась торговля. Быдло пахало землю, а знатные господа пили вино и разбойничали по большим дорогам, грабя проезжих купцов. Грабить купца считалось вполне приличным, но быть купцом считалось очень неприличным. Это была “мерзость для египтян”. И эту “мерзость” отмежевали нам, да еще как охотно. Давали привилегии, защищали от дворян и черни; от времени до времени грабили нас и жгли, но потом опять задабривали привилегиями.

Один ученый немец Зомбарт, хорошо изучивший все это дело, утверждает, что вместе с евреями шел по Европе из страны в страну всякий хозяйственный прогресс, что они, собственно, дали миру ту международную торговлю, без которой величайшие столицы Земли и по сей день оставались бы грязными захолустьями. Евреи развили кредит и банковское дело, они снарядили Колумба на открытие Америки. И пока они все это делали и, зарабатывая для себя тысячи, клали десятки миллионов в ненасытную утробу фараоновых карманов, европейцы приглядывались, учились, стали пробовать и свои силы, привыкли, приободрились, вошли во вкус “мерзости” – и, конечно, вдруг увидели, что евреев развелось слишком много.

“Давайте ухитримся”... Когда мальчик научился грамоте, губернатора выбрасывают на улицу. Так это и повторялось с твоими предками в каждой стране. Примут, окажут покровительство, возьмут, что надо, а потом начнут “ухищряться”, чтобы евреи не размножились...».

Ты не думай, сын мой, что слово “мерзость” надо понимать в буквальном смысле. Часто египтяне чуждаются пастушества не потому, что оно мерзко в их глазах, а потому, что руки у них коротки или страшно обжечься. Тогда они очень бывают рады, если найдется пришелец, у которого руки подлиннее и пальцы не боятся ожога, и он станет таскать для них каштаны из огня. Так бывало, например, при некоторых революциях.

В 1848 году в Вене первую революционную речь произнес еврей Фишгоф, а в Берлине тогдашний король издавал прокламации, где уверял, что все это евреи бунтуют, и когда хоронили убитых, то действительно много работы по отпеванию выпало на долю тамошнего раввина. Зато и ласковы были тогда египтяне. А потом вымерло то поколение египтян, и дети его снова нашли, что слишком много осталось потомства от Иосифа, так недавно обжигавшего для них пальцы горячими каштанами...

“Так было, так есть, так будет”.

Второй мальчик – “нахал” – сидит, развалившись, заложив ногу на ногу, иронически скалит зубы и спрашивает: Что это у вас за курьезные какие-то обычаи и воспоминания? Пора бы давно забыть старые глупости!

Расскажите ему в ответ на насмешку, что были уже такие, как он, были и в старом Египте. Скалили зубы на все надежды своего племени и предпочитали лхнуть к стороне фараона. Об одном уцелела память и в Библии.

Юноша Моисей заступился за еврея, которого бил египтянин, и убил того египтянина, а другой еврей это видел и вознегодовал на Моисея. Можно ли поднять руку на хозяина? И на завтра он или другой из его породы начали показывать зубы Моисею: “Кто тебя поставил начальником и судьей над нами?” А потом еще кто-то из этой породы донес фараону, что явился такой опасный фантазер и занимается перевоспитанием еврейской воли.

В те времена мир был устроен просто, общественного мнения не существовало, и потому доносчик обратился прямо во дворец. Будь это в наше время, он, вероятно, как человек приличный, избрал бы другие пути, постарался бы очернить Моисея не перед личным, а перед коллективным фараоном – перед просвещенным обществом Египта. Про убийство насильника он, как человек приличный, умолчал бы, но обрушился бы на ту психологию, которая побудила Моисея обратить внимание из множества насилий, несомненно чинимых ежедневно в Египте, только на эту расправу египтянина с евреем. Мало ли вообще было рабов в Египте? Зачем такой человек, как Моисей, тратит свои силы на эмансипацию какой-то горстки пастухов, а не на преобразование и обновление всего Египта? И куда это он их зовет?

Г-споди! Да разве не грех оторваться от этой богатой страны, где есть в изобилии всякая всячина, и хлеб, и горшки с мясом, и лук, и чеснок, и много папирусов, исписанных мудрыми иероглифами, тогда как родичи Моисея – бедняки без собственности и культуры?

“Что это у вас за выдумки?” – иронически спрашивал тот человек у Моисея и Аарона, развалясь, заложив ногу на ногу и оскалив зубы.

“Притупи ему зубы”, – советует относительно этого сына ритуал пасхальной вечери. Но я сомневаюсь, чтобы можно было притупить ему зубы. Он слишком хорошо вооружен, ибо ведь нет ничего более непобедимого, чем равнодушие.

Ничем вы его не прошибете; раз он уже научился говорить о своем народе “у вас” – пиши пропало. Он вас высмеет, а материала для насмешки у него сколько угодно. Над побежденными нетрудно издеваться, особенно когда издевающийся – свой человек и знает все раны и прорехи. Шишек на лбу у нас много, спина порядком сгорбилась, от векового перепуга руки трясутся; скарб наш убог и сделан по старой моде... есть над чем посмеяться при желании, уничижительно сравнивая нашу скудность с богатством Египта. Правда, сынок этот и сам-то Египту приходится седьмой водой на киселе; но ведь известно, что с наибольшим презрением к бедному родичу барина относится не сам барин, а его лакей. Оскалит на вас зубы, и ничем вы их не притупите.

Да и не надо вам притуплять зубы этого сына. Пусть идет своей дорогой с крепкими зубами. Бедняга, они ему еще понадобятся там, в стане ликующих, куда его тянет. Твердые орехи придется ему там разгрызать, из них самый твердый орех презрения. И много, много раз придется ему молча терпеть пинки в ответ на любовные признания и плевки в ответ на лесть, и смиряться, и стискивать зубы. И в конце жизненного пути, когда он увидит, что весь этот путь был притворством и ложью перед людьми и собственной душой и если сама душа и поверила этой лжи, то люди ни на минуту не поверили, – тогда бросится, быть может, в отчаянии беглый сын ваш лицом вниз и будет ломать руки, рвать на себе волосы и грызть землю – теми самыми зубами, что теперь оскалены насмешкой над вашими святынями.

Пусть сохранит свои зубы, они ему еще понадобятся и для фальшивых улыбок, и для скрежета бессильной злобы...

А третий мальчик – простака. Глаза у него честные, ясные, прямые. Он не из тех, которые допытываются, доведываются, копаются в противоречиях. Мир для него прост и непререкаем: он любит верить и благоговеть ясной верой примитивного человека. В таком роде был простаком и Самсон: любил драться, любил и шутить, и острить, и загадки загадывать, и проказничать, и вкусно поесть, и сладко выпить, а доверчив был до того, что после трех обманов опять уснул на груди у Далилы. У сегодняшнего сына-простака нет, конечно, той полнокровной жизнерадостности, что была у Самсона – времена не те, – но основа типа та же самая – бесхитростная, прямодушная доверчивость.

– Папа! – спрашивает он и кладет локти на стол, прижимается грудью, вытягивает шею и весь тянется к вам, словно к источнику в день жажды, и уже заранее верит во все, что скажут ему, ибо хочет верить. – Папа! Когда станет лучше?

И вы расскажите ему просто и тихо про все, что делается теперь в великой, необъятной диаспоре. Расскажите ему, как в тысяче мест тысячами рук строится вновь рассыпанная храмина бессмертного племени. Расскажите ему, как постепенно снова на наших глазах срастается распыленная доньше народная воля, как снова из обломков складывается настоящий народ, настойчивый, эгоистичный, исключительный, как все здоровые нации. Расскажите ему, как рушатся одна за другой последние кафедры, с которых еще недавно раздавалась проповедь национального самоубийства. Расскажите про еврейскую молодежь университетов Берлина, Вены, про этих сыновей, онемеченных коммерциепратов, про то, как они гордо носят на груди еврейские цвета:

Белый – как снег в этом крае печали.

Синий – как вы, о, влекущие дали.

Желтый – как наш позор.

Расскажите, как повсюду с каждым днем растет гордость, уважение к собственной самобытности и горькая ненависть к ренегатству; как научились и парижский драматург, избалованный успехами, и нищий шинкарь в галицийском местечке, дрожащий перед паном, кричать в лицо всему свету: я – еврей!

Расскажите про то, какие дивные поэты пишут теперь на нашем языке, и как прекрасен и могуч этот язык, и что великое счастье для народа – обладать таким языком. И еще расскажите ему, как бойко и весело щебечут на этом языке дети палестинского колониста, и как шаг за шагом, по малому камушку, с великим трудом, сквозь строй тысячи препятствий, начиная с жгучего солнца и кончая пулей бедуина, воздвигается там и растет нечто новое, точка опоры для самых грандиозных замыслов и пророчеств. Расскажите простой и верующей душе все это и многое другое. Сын возьмет ваши слова полными пригоршнями и бережно сложит их в открытом сердце, и с той минуты одним борцом больше станет в нашем полку.

Четвертый мальчик не умеет спрашивать. Сидит на вечере чинно, делает, что полагается, и не приходит ему в голову расспрашивать, как и что, отчего и почему. Ритуал велит не ждать его вопроса и рассказать ему все по собственному почину. Я в этом не согласен с ритуалом. Ценная вещь – любознательность; но есть иногда высшая мудрость, высшее чутье и в том, что человек берет нечто из прошлого как должное, и не любопытствует ни о причинах, ни о следствиях. Такую мудрость надо беречь и не спугивать ее лишними словами.

Такою мудростью мудр бывает серый, массовый человек. Это – тот невзрачный горемыка, что точает сапоги, шьет платья, разносит яйца, скупает старые вещи, переписывает свитки завета, торгуется в мелких лавчонках, бегают на посылках, тянет все те полунадорванные лямки, от которых его еще не прогнали, кряхтит, а по пятницам вечером наполняет дома молитвы. Это он, знаменитый Бонця Молчальник из сказки Леона Переца, несет на своем горбу все бремя диаспоры, поставляя из своей среды человеческое мясо и для эмиграции, и для погромов; он агонизирует и не умирает, гибнет и не погибает, и творит исконный обряд, как творили деды, почти машинально, почти равнодушно, с той подсознательной верой, которая, быть может, в глазах Б-жьих прочнее всякого экстаза.

Он, этот серый массовый молчальник, “не умеющий спросить”, он есть ядро вечного народа и главный носитель его бессмертия.

Ритуал велит рассказать этому сыну про все то, о чем он не спрашивает. А по-моему, пусть и отец промолчит и молча поцелует в лоб этого сына – самого верного из хранителей той святости, о которой молчат его уста».

Этим советом рассказ заканчивается.

«Так было, так есть, так будет» – смысл этой фразы как бы пронизывает повествование. Жаботинский понимал, что «так» не сможет быть и никогда не будет в

еврейском государстве, буде таковое создано. И его созданию писатель посвятил всю оставшуюся жизнь, пророчески предсказав даже год его провозглашения.

В письме молодому, впавшему в отчаяние еврею из Южно-Африканского Союза, Жаботинский писал 27 ноября 1938 года: «Твое поколение увидит чудеса и сотворит чудеса. Пусть не дрогнет твое сердце от массовых убийств; все, все силы жизни и смерти должны быть отданы одной цели: еврейскому государству и великому переселению в Эрец-Исраэль. Я думаю, что в ближайшие десять лет, по очень осторожной оценке, еврейское государство не только будет провозглашено, оно станет фактом, скорее всего, даже меньше чем через десять лет».

Владимир (Зеев) Жаботинский не дожил восьми лет до осуществления своей мечты: он умер в августе 1940 года. Но память о нем с нами всегда. Она жива.

אִתּוֹ הָיָה עֵינַי וְעַתָּה יֵשֶׁנִּי אִתָּהּ

Его было с моими глазами и теперь я сплю с ней

ЛЕХАИМ АПРЕЛЬ 2001 НИСАН 5761 – 4 (108)
СТОЛЯР ИЗ ТЕЛЬ-АДАШИМ

אֵלֶּיךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ

Мошав Тель-Адашим утопает в зелени. Кажется, что здесь легче переносится трудно выносимая тяжесть израильского лета. Зной, пронизанный устоявшимся тонким ароматом, почти не ощущим под навесом лениво раскинувшихся деревьев.

В Израиле все знают этот мошав. Если вы приедете в Тель-Адашим и спросите любого встречного, где живет столяр Рафуль, тот, не задумываясь, ответит: «Первый поворот направо».

Однажды сюда приехала пожилая чета из Иерусалима. Их сын, гривастый молодой человек, привел в дом симпатичную девушку и сказал:

– Познакомьтесь с моей будущей женой.

Родители, как водится, засуетились. Через неделю они уже готовились к свадьбе.

– А где живут твои родители? – спросил отец. – Надо же поехать к ним. Познакомиться.

– В мошаве Тель-Адашим, – ответила невеста. – Спросите там, где дом столяра Рафуля. Вам каждый покажет.

Дом столяра Рафуля они нашли без труда. И обомлели, увидев в дверях человека, столь хорошо им известного по фотографиям.

Со дня своего рождения живет в Тель-Адашим Рафаэль Эйтан, крестьянин и краснодеревщик, с детства привыкший к тяжелой работе, надежный, как сама земля с ее запахами, родниками, зеленью и навозом. Многие считали его одним из лучших генералов израильской армии, выдвинувшей немало военачальников первоклассного дарования.

Как маршала Нея, Рафуля называли «храбрейшим из храбрых».

Его послушной список говорит сам за себя. Командир роты в войну за Независимость, командир батальона в Синайскую кампанию, командир полка в Шестидневную войну, командующий бригадой в войну Судного дня. Потом командующий Северным военным округом и, наконец, начальник генштаба.

Итак, Рафуль оказался из тех солдат, которые носят в ранце маршальский жезл. Тем не менее, его военная карьера не была устлана розами. Простоватый вид Рафуля вводил в заблуждение. Медлительность и неразговорчивость заставляли подозревать замедленность реакций. Годы прошли, прежде чем люди научились понимать, что за крестьянской внешностью и скупостью на слова кроется недюжинный ум.

Когда он юношей вступил в Пальмах, о нем говорили:

– Конечно, Рафуль – храбрый солдат, но, увы, военная карьера парню не светит.

– Рафуль достиг потолка своих возможностей. Его назначили командиром полка парашютистов. – Знатоки усмехались...

В Шестидневную войну парашютисты Рафуля одержали важную победу под Рафияхом.

– Молодец, – снисходительно хвалили скептики. – Но теперь ему придется снять форму и отправиться в свой мошав, выращивать розы.

А Рафуль стал командиром спецподразделений.

– Ну, ясно, – кивали «доброжелатели», – старый служака получил перед отставкой награду за беспорочную службу.

Рафуль же, не прислушиваясь к этому жужжащему, как в греческой трагедии, хору, разработал и осуществил ряд рейдов в тылы противника во время Войны на истощение. Он сам вел своих людей и не знал неудач. Проведенные им операции отличались такой классической завершенностью, что даже в генеральном штабе не скрывали изумления. Ему присвоили звание полковника и назначили командиром бригады.

Усмешки недоброжелателей превратились в скорбные гримасы. Скептики разводили руками и сожалеюще качали головами: как низко, мол, упал уровень командования.

А бригада Рафуля приняла на себя удар многократно превосходящих сирийских бронетанковых войск на Голанских высотах. И выстояла несмотря ни на что, и обеспечила перелом в войне Судного дня. Командование просто вынуждено было присвоить Рафулю звание генерал-майора и назначить командующим Северным военным округом.

Скептики отказывались верить. Хор голосов возбужденно звенел:

– Да что они там – с ума посходили? Рафуль – прекрасный боевой командир, но какой он командующий округом? Ведь, чтобы занимать этот пост, нужны совсем другие качества. – Какие именно – скептики точно не знали, но были уверены, что Рафуль ими не обладает.

Время шло. Рафуль стал начальником генерального штаба. Скептики уже молчали...

Чтобы не возвращаться к этой теме, отметим, что несмотря на все свои способности Рафуль был и остался человеком малообразованным, почти невежественным. Литература и искусство не входили в сферу его интересов. Музыка вызывала головную боль. Живопись оставляла равнодушным. Для него как бы не существовало все то, что окрыляет человека, заставляет его переживать холодок восторга и вдохновения.

Зато его крестьянский разум был инструментом отточенным и надежным, ибо не зависел от инстинктов, влечений и страстей, перед которыми человек столь часто оказывается бессилён.

Стоят (слева направо): Меир Харцион, Ариэль Шарон, Моше Даян, Дани Мат, Моше Эфрон, Асаф Симони. Сидят: Аарон Давиди, Яаков Яаков, Рафаэль Эйтан. Октябрь 1955 года.

Израильский генералитет – это элита, и интеллектуальная ущербность Рафуля на ее фоне бросалась в глаза. Многие генералы и даже первый командир Рафуля по Пальмаху Давид Элазар не без скептицизма относились к его служебному продвижению. Им казалось, что человек, не читавший Джойса, не может стать хорошим командующим.

Впрочем, Цури, офицер-парашютист, прослуживший под командованием Рафуля долгие годы, так не считал:

«Если бы меня спросили, какое одно качество больше всего характерно для Рафуля, я, не задумываясь, ответил бы: храбрость. Но вместе с тем он умеет быть осторожным.

У него абсолютное чутье и феноменально развитые инстинкты. Поле боя он видит удивительно, ничего не упуская из внимания. Ориентировка на местности блестящая. Рафуль прислушивается к чужому мнению, советуется с подчиненными. Но,

приняв решение, не изменит в нем ни одной детали. Нет такой силы, которая остановит его».

Огонь и железо действовали на него, как шпоры на хорошую лошадь. Сражения, которыми он командовал, столь же часто приближались к грани поражения, как и к победе. Рафуль не стратег. Он не мог просчитывать на десять ходов вперед все варианты, но его интуиция проявлялась, когда наступало непредвиденное время мгновенных решений. Это стихия Рафуля, тут он не имел себе равных. Он был мастером неожиданных переходов от непробиваемой обороны к доведенному до предела стремительностью передвижений маневренному наступлению.

Исключение составляла, пожалуй, Ливанская война. Да и то лишь потому, что она выявила несостоятельность Рафуля – политика в отличие от Рафуля – военного.

Рафаэль Эйтан родился в 1929 году в Тель-Адашим. Его родители Элиягу Каминский и Мириам Орлова приехали из России в Палестину со второй алией. Элиягу, один из создателей организации «Ха-шомер», за неукротимость нрава был приговорен турецкими властями к смертной казни, бежал из Палестины и вернулся уже в разгар первой мировой войны с войсками английского генерала Алленби.

Рафуль был поздним ребенком, шестым в семье. Детство было спартанской закалки, но веселое. Закончив начальную школу, мальчик стал выезжать в поле на тракторе.

– Лучше бы ты продолжал учебу, – сказала мать.

– Я хочу работать, – ответил сын.

Премьер-министр Бегин (справа) и министр обороны Вейцман награждают званием генерал-лейтенанта нового начальника генштаба Рафаэля Эйтана. Весна 1978 года.

В шестнадцать лет он вступил в Пальмах.

Шла вторая мировая война. Корпус Роммеля, лихорадочно развивая наступление, рвался в Палестину. Евреи учились владеть оружием.

Однажды группа подростков-пальмахников отправилась в поход. Лето было жаркое и сухое. Песок накалился настолько, что над ним, как над жаровней, дрожал воздух.

Ребята 13–14-ти лет шли строем. Единственный пистолет, дававший им ощущение безопасности, был у командира похода. Вся группа гуськом подошла к ручью. Командир присвистнул: у ручья стояли двое арабов. Один – коренастый, длиннорукий сжимал ружье. Второй, в грязной до черноты рубахе, небрежно помахивал пистолетом и ухмылялся.

– Попались, голубчики, – сказал он и захохотал. – Не бойтесь, мы вас не тронем. Лишь заберем то, что сочтем нужным. Станьте в ряд и откройте сумки.

Ребята молча повиновались.

– Я его беру, – шепнул Рафуль командиру. – А ты стреляй в того, с ружьем...

Первый араб сел на камень, взяв ружье наизготовку. Второй стал шарить по сумкам, недовольно ворча. Рафуль, напряженившись, прыгнул. Сцепившись, они скатились в ручей.

Командир навел на первого араба пистолет и нажал курок. Осечка. Тот отбежал в сторону и стал стрелять, но ни в кого не попал.

Тем временем Рафуль управился со своим противником. Он держал его голову под водой, пока враг не захлебнулся.

Так закончился первый бой Рафуля.

Войну за Независимость Рафуль начал сержантом четвертого батальона бригады Харел. Его отделенным был Дадо (Давид Элазар).

«Рафуль обладал железными нервами, – вспоминал Дадо впоследствии, – никто не мог сравниться с ним ни в храбрости, ни в выносливости».

Рафуль участвовал в тяжелых боях в Иерусалиме и его окрестностях. В ходе сражения за район Катамон его взвод совершил ночной рейд в глубь позиций противника и захватил монастырь Сен-Симон. Подобно скале, возвышалось это старинное, из добротного иерусалимского камня здание прямо в сердцевине арабских оборонительных линий. Арабское командование, понимавшее, что без монастыря район Катамон удержать нельзя, сконцентрировало на этом участке свои резервы.

Всю ночь продолжался затяжной штурм. Люди Рафуля отбивали атаку за атакой. Арабы накатывались волнами, ступали по телам павших. Раненный в голову, Рафуль вел огонь из ручного пулемета. В минуту затишья один из раненых ему сказал:

– Рафуль, живые должны уйти. Но сначала пристрелите тех, кто не может двигаться...

– Молчи, – крикнул Рафуль, – не будет этого.

Арабы вновь поперли. Рафуль видел их потные, перекошенные лица. Пулемет снова затрясся в его руках. И вдруг захлебнулся. Рафуль швырнул гранату. К середине дня, когда не оставалось уже никакой надежды, нервы арабов не выдержали. Наступила тишина.

Рафуль был страшен. Его волосы слиплись от крови, струившейся по черному от копоти и грязи лицу, похожему на чудовищную маску. Но глаза командира, сверкая торжеством и гордостью, неестественно ярко выделялись на этом фоне...

После войны Рафуль демобилизовался и вернулся в Тель-Адашим. Его тянуло к земле, он с наслаждением принялся за работу, но вскоре понял, что совершил ошибку. В армию его тянуло еще больше, и он вернулся. Окончил офицерские курсы.

Получил назначение в полк парашютистов, которым командовал подполковник Ариэль Шарон – тогда еще стройный, с тонкой талией.

Шарон вызвал новичка и сказал:

– Хорошо, что ты уже здесь. Командир моей пятой роты подорвался сегодня на mine. Я хочу назначить тебя на его место. Что скажешь?

– Расцениваю это как аванс, – ответил Рафуль.

Десятки рейдов совершили парашютисты Рафуля в сектор Газы, уничтожая гнезда феодалов, не прекращавших разбойничьи набеги на израильскую территорию. Тогда и сложились у Рафуля особые отношения с солдатами, сохранявшиеся свыше трех десятилетий, вплоть до его окончательного ухода из армии. Рафуль никогда не пользовался ни офицерскими столовыми, ни какими-либо другими привилегиями. Ел со своими бойцами, спал на голой земле. И, главное, в бою за их спины не прятался.

В ходе одной из операций возмездия произошел случай, вошедший в анналы израильской военной истории. Рота Рафуля атаковала укрепленный пункт противника в районе Газы. А роту в самый решающий момент атаковал... понос. Тухлые консервы поставили под угрозу срыва всю операцию. Как сражаться в таких условиях? Делайте, как я, – приказал Рафуль бойцам и отсек кинжалом заднюю часть штанов. В мгновение ока парашютисты смяли врага и в довершение всего так изгадили захваченную позицию, что египтяне на нее уже не вернулись. Предпочли создать новую.

– Хоть вы и храбрецы, – встретил Рафуля Шарон, – но разве можно назвать героями обдриставшихся солдат? Да рядом с тобой стоять нет мочи. – И Шарон захохотал. Рафулю, однако, было совсем не смешно.

К тому же Шарон, чрезвычайно любивший подобные ситуации, послал Рафуля докладывать премьер-министру Давиду Бен-Гуриону об успехе операции.

– Да не расстраивайся ты так, – успокаивал он своего офицера. – Старик подарит тебе свои брюки.

Рафуль успел все же переодеться и принять душ, прежде чем отправился в канцелярию премьер-министра.

В декабре 1955 года Рафуль был тяжело ранен в живот в ходе операции «Кинерет» на Голанских высотах. В строй он вернулся лишь через два месяца. К тому времени в армии многое изменилось. Она окрепла, прошла реорганизацию, получила новые виды вооружения. Арик Шарон стал командовать дивизией, а старый полк парашютистов возглавил Рафаэль Эйтан.

В Синайскую кампанию 1956 года парашютисты Рафуля были сброшены в тыл врага. Они захватили район, расположенный к востоку от перевала Митле, перерезали коммуникационные линии противника и удерживали позиции 24 часа – до подхода основных израильских сил.

Ознакомившись с планом кампании, премьер-министр Давид Бен-Гурион сказал своему министру обороны Моше Даяну:

– Моше, этот полк целые сутки будет находиться в окружении превосходящих вражеских сил. Его не сомнут?

Даян усмехнулся:

– Я знаю командира этого полка и его людей. Это человеческая сталь. Будь спокоен, Давид.

После Синайской кампании Рафуль учился в военной академии, занимал важные посты в генштабе, командовал парашютно-десантной дивизией. На его плечи легла основная тяжесть борьбы с арабским террором, и он заставлял террористов дорого расплачиваться за каждую проведенную операцию. Биография Рафуля – это героическая эпопея, растянувшаяся на тридцать пять лет. Обо всем не расскажешь.

В июне 1967 года богиня Нике распростерла над Израилем свои крылья. В победу, которую она принесла, внесли свою лепту и парашютисты Рафуля.

На четвертый день войны, когда бригада Рафуля уже выходила на подступы к Суэцкому каналу, пуля снайпера пробила голову и застряла в двух миллиметрах от мозга.

В своей книге «Рассказ солдата» Рафуль вспоминает: «Доставили меня на вертолете в беэр-шевскую больницу. Я был невероятно грязен. Четверо суток мы не меняли одежду. Белье пришлось выбросить, а смены не было. Слышу, как в приемном покое сестры, раздевая меня, удивляются: “Он без носков. Без майки. Без трусов”».

Операционная вся почему-то зеленая.

Прихожу в сознание. Открываю глаза. На столике у койки – пять мелких осколков. Врач спрашивает: “Откуда эти осколки? Они не от последнего ранения”. Я внимательно их рассматриваю. “Ах, эти, – говорю, – они сидят в моей башке с Войны за Независимость. 19 лет назад их просто не успели извлечь”».

Война Судного дня застала Рафуля командиром бригады на Северном фронте. Командующий Северным округом генерал-майор Ицхак Хофи (Хака) возложил на него ответственность за сдерживающий бой с сирийцами до подхода резервистов.

Решающее наступление сирийцы развернули на третий день войны, когда ввели в бой все свои танковые резервы. Фактически вся сирийская армия была брошена в вихрь грандиозного сражения на Голанских высотах.

Ставка Рафуля находится в непосредственной близости к линии огня, сразу за полком Авидора Кахалани – единственной преграды на пути сирийской стальной лавины. Положение настолько серьезно, что Хака, связавшись с начальником генштаба Давидом Элазаром, говорит ему сдавленным голосом: «Я не уверен, что мы выстоим».

Сирийцы атакуют не только днем, но и ночью, используя приборы ночного видения. Израильские бронетанковые части не имеют столь совершенного оборудования, но подбитые сирийские танки пылают, освещая местность. На рассвете танкисты сражаются уже на нулевом расстоянии, как в рукопашной. Кое-где на флангах сирийские танки все же прорываются, проникают в тыл. Линия израильской обороны вытягивается, как тетива туго натянутого лука.

В 11 утра Рафуль слышит по радиации голос командира сражающегося полка. В этом хриплом отрешенном голосе нет уже ничего человеческого.

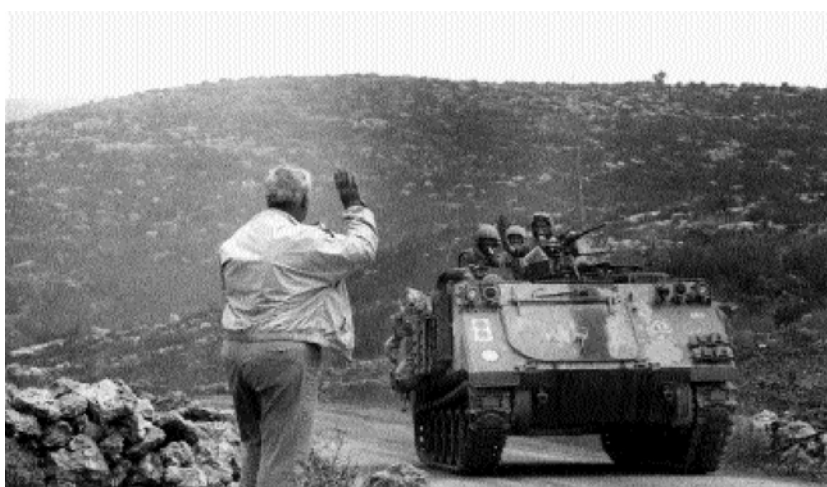
– Это все, – говорит командир, – это все...

Рафуль понимает, что в эти секунды сирийцы прорывают линию фронта.

– Продержись еще пять минут. Не больше, – спокойно и очень ласково говорит Рафуль. Командир полка не отвечает, но через пять минут он слышит взволнованный голос капитана Йоси Бен-Ханана, спешащего на поле боя с одиннадцатью танками. Эта капля и склонила чашу весов в нашу сторону. Сирийцы сломались.

Выиграно не только сражение на Голанах. Выиграна вся война...

После войны Судного дня Рафуль впервые стал помышлять о политической карьере. Он, никогда не жаловавший израильскую прессу с ее крикливой безответственностью, стал все чаще выступать в печати. Генерал призывал экономнее относиться к национальным ресурсам, не гнаться за неоправданным повышением жизненного уровня, проявлять заботу о нуждах государства.

Министр обороны благословляет солдат, отправляющихся в Ливан.

– Война за Независимость еще не окончена, – говорил Рафуль. – Страна находится в экстремальной ситуации и не может позволить себе транжирство, безответственность, коррупцию. Все это следует выжигать каленым железом.

Подобные заявления способствовали популярности знаменитого генерала.

Рафуль пытался воздействовать и личным примером. Он отказался от прибавки к зарплате. Многие смеялись над генеральской наивностью. Мол, можно ли вообще исправить израильские нравы?

Судьба, однако, оставалась благосклонной к нему. Рафуль стал начальником генерального штаба. Ему есть чем гордиться. Ведь даже такие легендарные генералы, как Шарон и Таль, не получили высшего командного поста.

К удивлению многих, Рафуль быстро освоился с непривычной для него работой. Безропотно возился с бумагами, составлял оперативные планы, координировал взаимодействие различных родов войск.

Между тем, вновь выдвинулась на первый план борьба с палестинским террором, укоренившимся в Ливане. Кого только нет в этой небольшой республике, напоминающей красочный восточный базар. Террористы, христиане, шииты, сунниты, друзы, сирийцы – все со всеми воюют, все торгуют всем по частям и на вынос.

Есть у Израиля в этой стране свои интересы. Есть и союзник – христианские фаланги во главе с Баширом Джумайлем. Израиль, казалось, располагал всем необходимым, чтобы выкорчевать палестинских террористов с ливанской территории.

Политическое и военное руководство приступило в глубокой тайне к разработке операции «Мир Галилее». План предстоящей кампании разработали генерал-лейтенант Рафаэль Эйтан и его оперативный отдел.

Не будем здесь анализировать просчеты Ливанской войны, вызвавшей раскол в израильском обществе. Это – особая тема. Отметим лишь, что тяжелые обвинения выдвигались против премьер-министра Менахема Бегина, еще более тяжелые – против министра обороны Ариэля Шарона. На Рафуля же крайне редко обрушивался огонь критики. Все признавали, что он провел Ливанскую кампанию на высоком профессиональном уровне.

Руководимая Рафулем армия оказалась на высоте и в столкновении с сирийцами. Сирийские ракеты в долине Бекаа были уничтожены. Сирийская авиация потеряла 25 процентов своих самолетов. Сирийский бронетанковый корпус в Ливане был разгромлен. Никто не возражал против внесения всех этих достижений в послужной список главнокомандующего.

Много лет прошло с тех пор как Рафуль снял мундир и занялся политикой. За это время он успел создать движение Цомет, вступить с ним в партию Тхия, порвать с Тхией и создать новый Цомет («Обновленный сионизм»).

Политическая платформа? Простенькая, но привлекательная. Цомет провозглашал такие цели, как безопасность, ликвидация угрозы существованию Израиля, создание общества, которое стало бы магнитом для евреев диаспоры, уменьшение экономической зависимости страны от внешних факторов, обеспечение права евреев на целостный и неделимый Израиль.

– Красиво, конечно. Но как всего этого добиться? – интересовались скептики.

– Чего уж проще? – осаживали малOVERов сторонники нового движения. – Надо лишь проголосовать за Рафуля.

Оказалось, однако, что все не так просто.

На выборах 1988 года Цомет получил два мандата. На выборах 1992 года – целых восемь. «Генерал Эйтан и семь гномов», – изощрялись карикатуристы. В этом был резон. Никто не знал кандидатов новой партии, случайных в политике людей. Знали лишь Рафуля.

С ним были сила и слава незапятнанного имени. 200 тысяч избирателей проголосовали за этого человека – бесстрашного, как Ахиллес, и неподкупного, как Катон.

Первые «пятна на солнце» появились, однако, еще в 1984 году, когда Рафуль только начинал свою политическую карьеру. Многим памятен эпизод с оливковым маслом Эйтана, который все тогда сочли досадной случайностью.

В хозяйстве Рафуля в Тель-Адашим были оливковые деревья, приносившие неплохой урожай. Рафуль обычно сам готовил оливковое масло и для домашних нужд, и на продажу. Вдруг выяснилось, что успешная военная карьера способствует сбыту этой кустарной продукции. Многие готовы были переплачивать за масло, приготовленное руками прославленного генерала. Бутылки с этикеткой «Рафаэль Эйтан, Тель-Адашим» расходились, как экстренный выпуск популярной газеты, и приносили солидный доход. Удовлетворить все заказы генерал мог лишь в том случае, если бы посвятил свою дальнейшую жизнь производству оливкового масла. Но Рафуль предпочел политическую карьеру, умудрившись при этом не только не свернуть, но и значительно расширить доходное предприятие. Генерал нашел соломоново решение. Заказал на оливковом заводе в Галилее цистерну масла. Заказал бутылки с этикетками. Добросовестно разлил товар по бутылкам и отправил заказчикам.

Президент Ливана Башир Джумайль и Рафаэль Эйтан.

Газеты возмущались. Общество защиты прав потребителя квалифицировало эту манипуляцию как мошенничество. Рафуль же, казалось, искренне не понимал, из-за чего весь сыр-бор разгорелся.

Кризис движения Цомет явственно обозначился в 1994 году. Началось с того, что в бюджете партии обнаружился дефицит в 800 тысяч шекелей. И произошло невероятное: трое из семи «гномов» обвинили «Катона» в использовании партийной кассы для личных нужд.

Выяснилось, что Рафуль пожертвовал благотворительному обществу «Ахава» («Любовь») сто тысяч шекелей. Оказалось, что директором этого общества является некая Офра Меерсон – любовница Рафуля. Рафуль выстроил «даме сердца» роскошный особняк в Тель-Адашим, не делая при этом различия между собственными сбережениями и партийными средствами.

И пошло – поехало. Фракция Цомет в кнессете раскололась. Трое из семи «гномов» ушли от Рафуля, забрав с собой мандаты, полученные от избирателей. Авторитет этого движения и его лидера стал падать как раз в тот момент, когда правый лагерь предпринимал отчаянные усилия для блокирования шагов правительства Рабина-Переса, направленных на реализацию принципа «территории в обмен на мир».

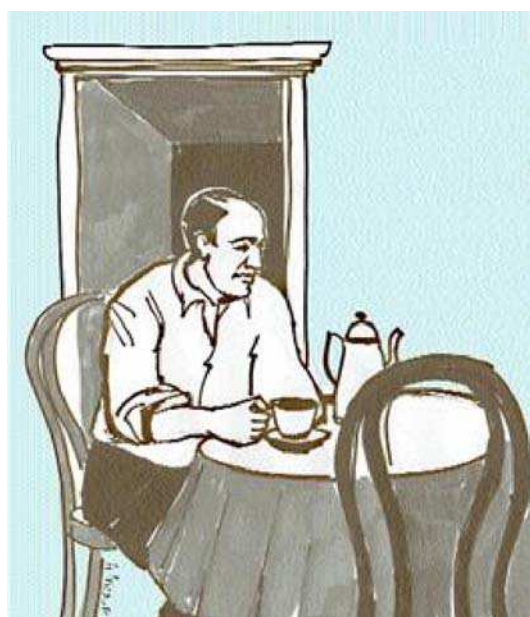
В Израиле убеждены, что хорошие солдаты превращаются в хороших политиков. А почему, собственно?

МОЙ ЛЮБИМЫЙ ЦВЕТ – ЧЕРНЫЙ

Áádí ádá Ī áéáí óá

* Печатается по тексту: Бернард Маламуд, «Туфли для служанки», М., «Молодая гвардия», 1967.

Черити Суитнесс сидит в ванной комнате и там съедает свой завтрак – два яйца вкрутую, пока я пью на кухне кофе и жую сэндвич с ветчиной. Да, так оно и есть, только, Б-га ради, не подымайте разговоров про дискриминацию. Если уж кого дискриминируют, так это меня. Черити – моя уборщица, ее прислал отец Дивайн, – приходит раз в неделю в мою маленькую трехкомнатную квартирку, когда у меня выходной и я не хожу в свою винную лавку. «Мир вам, – говорит она, – дух святой снизошел на меня, и я вознеслась прямо на небо».

Она маленькая, плоскогрудая, лицо спокойное, все светится, волосы выются барашком, а глаза, как у моей мамы перед смертью. В первый раз, года полтора назад, когда Черити Суитнесс пришла ко мне убирать, я сделал ошибку – попросил ее позавтракать на кухне вместе со мной. Настроение у меня было, прямо скажем, неважное: меня только что бросила Орнита, но уж такой я человек – зовут меня Нат Лайм, сорок четыре года, лысею с каждым днем, да и сбавить фунтов пятнадцать не помешало бы, — люблю быть с людьми, когда можно. Ну, сварила Черити свой завтрак – два яйца вкрутую, села за стол, откусила кусочек. А потом вдруг перестала жевать, встала, положила яйца в мисочку и понесла в ванную – с тех пор она там и завтракает. Сколько раз я ей говорил: «Слушайте, Черити Суитнесс, ладно, будь по-вашему, кушайте свой завтрак одна на кухне, а я поем, когда вы кончите», а она только улыбается и все равно завтракает в ванной. И такая у меня судьба со всеми цветными.

Да, хотя черный цвет по-прежнему мой любимый цвет, но уж так мне с ними не везет, просто сплошь. Бывает, конечно, и иначе, но редко, хоть я вполне хорошо веду свое дело – винную лавку в Гарлеме, на Восьмой авеню, между Сто десятой и Сто одиннадцатой улицами. Я это уважительно говорю: почти всю свою жизнь я встречался с неграми обычно по делу, но иногда и просто по-приятельски, и отношения были вполне искренними с обеих сторон. Меня к ним просто тянет. И в эту пору моей жизни я должен

был бы иметь хоть двух или трех настоящих друзей из цветных, а если их нет, так в том вина не моя. Если бы они только знали, как у меня к ним лежит сердце, да разве теперь кому-нибудь расскажешь про такое? Сколько раз я пробовал все им выложить, но, видно, язык сердца – мертвый язык, а может, этот язык мало кто понимает. Да, мало кто. А сказать я хочу одно: для меня лично один только цвет у людей и есть – цвет их крови. И если я люблю черных, так не потому, что они черные, а хотя бы потому, что я сам белый. Но в общем это одно и то же. Если бы я не был белым, я хотел бы быть черным. Но пусть я уж буду белым, раз такая судьба и выбора нет. Во всяком случае, я люблю всякий цвет. Я про цвета понимаю. Кому нужно, чтоб все люди были одинаковые? Может, это вроде таланта. Вот к примеру: Нат Лайм сейчас торгует в винной лавке в Гарлеме, а один раз в Новой Гвинее во время второй мировой войны я сам стрельнул по японцу – он от меня убежал – и, конечно, не попал, так я вдруг подумал: а может, все-таки у меня есть какой-нибудь талант, хотя, наверно, и талант у меня из таких – придет в голову какая-нибудь мысль – просто блеск! – а потом что из нее выйдет? Ничего. Да, в странном мире мы живем.

Как только Черити Суитнесс начинает есть свой завтрак там, где она его ест, я вспоминаю про Бастера Уильсона, мы с ним вместе росли в Бруклине, в Уильямсбурге. Были там эти бараки, грязные, разваленные, прямо посередине белого квартала – тоже не бог весть какого, — жили там одни разносчики из тех, что возят товар на тележках. И мне казалось, что в негритянских бараках люди рождались и умирали с самого сотворения мира, не иначе. Жил я на соседней улице. Отец у меня был кройщик, но руки у него свело ревматизмом, костяшки громадные, красные, пальцы распухли – какая уж тут кройка, у нас в семье одна мать и работала. Она продавала бумажные мешки на Элери-стрит с разбитой тележки. С голоду мы не умирали, но курицу тоже не ели – разве только когда мы были больные, или курица была больная. Там я в первый раз познакомился со многими неграми, часто лазил по ихним баракам. Я и тогда думал: ну, брат, если такое бывает, так чего на свете не бывает!

Понимаете, я там с ранних лет понял, какая она, жизнь. Вот там-то я и встретил Бастера Уильсона. Он все играл камешками, в одиночку. А я сидел у обочины, напротив, и глазел – он бросал один камешек левой, а другой – правой. Какая рука лучше бросала, та выигрывала и камешек поднимала. Игра как игра, меня он ни разу не позвал поиграть с ним. А я хотел с ним подружиться, только он никак не шел мне навстречу, наоборот, все от меня уходило. И почему я его выбрал себе в приятели – сам не знаю. Может, оттого, что у меня других не было – мы недавно сюда переехали с Манхэттена. А может, мне такие, как он, просто были по душе. Он все делал в одиночку. Худущий такой малец, одежда, видно братнина, висела на нем, как пустой мешок из-под картошки. А сам длинный, как жердь: ему тогда было двенадцать, а мне десять. Руки и ноги у него были как спички, горелые спички, всегда на нем свитер, шерстяной, коричневый, один рукав наполовину распустился, а другой висел до кончиков пальцев. Голова у него была узкая, длинная, волосы курчавые, как мех, и прямо посередине белым пробором разделены, таким ровным, словно его по линейке провели: отец у него был парикмахер, только он уже работать парикмахером не мог, слишком много пил.

И хоть у меня у самого в те дни ничего не было, я понимал, кому еще хуже, и на эти бараки с цветными мне смотреть было жалко, особенно днем. И все ходил я туда, когда только мог, жизнь у них на улице так и кипела. Зато вечером там все менялось, знаете, в темноте калеку не отличишь от здорового. Иногда мне боязно было ходить мимо домов, когда там было темно и тихо. Боязно было: а вдруг на меня оттуда кто-то смотрит, а я их не вижу? Мне больше всего нравилось, когда они по вечерам ходили друг к другу в гости и веселились. Музыканты играли на банджо и саксофонах, и стены домишек дрожали от

музыки и смеха. В окна я видел молоденьких девушек в нарядных платьях, с лентами в волосах, и у меня перехватывало горло.

Но на этих вечеринках часто затевались драки и ссоры. Особенно скверные дела творились по воскресеньям, после субботних пирушек. Помню, как однажды отец Бастера, такой же тощий и долговязый, как он, никогда не снимавший грязную серую шляпу, гонялся по улице за другим негром с полудюймовой стамеской в руках. Тот, второй, маленький, футов всего пяти, потерял башмак, и, когда они, схватившись, катались по земле, у него сквозь пиджак уже сочилась на тротуар густая красная кровь. Я испугался крови, мне хотелось перелить ее обратно, в человечка, до крови искалеченного стамеской. В другой раз отец Бастера играл в кости большими и прыгучими красными костяшками в тупичке, за двумя домами. Вдруг все шесть человек затеяли там драку, выскочили из тупичка на улицу и стали молотить друг друга кулаками. Соседи вместе с детьми выбежали из домов и смотрели на драку, все перепугались, и никто не смел вмешаться. Много лет спустя я видел такую же драку подле моей лавки в Гарлеме: огромная толпа смотрела вечером на улице, как двое мужчин резались складными ножами, и пар от их дыхания клубился на морозе. Никто не двинулся, никто не позвал полисмена. И я не позвал. Но тогда я был совсем мальчишкой и помню, как полиция подъехала в закрытой машине и разогнала драку, молотя резиновыми дубинками по кому попало. Было это еще до Ла Гуардии^[1]. Почти всех, кто дрался, избивали до потери сознания, только двое или трое убежали. Отец Бастера побежал было к своему дому, но полисмен настиг его на самом пороге и грохнул дубинкой прямо по серой шляпе. Потом всех негров, лежавших без чувств, полисмены подняли за руки и за ноги и швырнули в машину. Отец Бастера ударился об задок машины, упал на трех других негров, у него из носа потекла очень красная кровь. Лично я такие сцены просто не выносил. Мне казалось, что все люди на свете страшные, и я удрал домой, но помню, как Бастер смотрел на драку совершенно равнодушными глазами. Я вытасил пятьдесят центов из кошелька у матери, прибежал назад и спросил Бастера, не хочет ли он пойти со мной в кино. Платить буду я. Он сказал: ладно. Так он заговорил со мной в первый раз.

Потом мы с ним много раз ходили в кино. Но дружбы у нас не получилось. Может, потому, что шло это только с одной стороны – от меня. Это я его приглашал в кино на мои (вернее, моей бедной мамы) денежки, это я ему покупал шоколадки, ломти дыни и даже отдавал свои любимые книжки про Ника Картера – я их выискивал по дешевке в мелочных лавочках, а он их никогда мне не возвращал. Один раз он впустил меня к себе в дом – мы искали спички, чтобы выкурить подобранные на улице окурки, но

там стоял такой тяжелый, такой невыносимый дух, что я чуть не умер, пока не выскочил оттуда. Про обстановку, которую я там увидал, я и говорить не стану: все разваливалось на куски. Этой весной и в начале лета мы побывали в кино, наверно, раз пять или шесть на утренних сеансах, но, когда картина кончалась, Бастер уходил домой один.

– Чего же ты меня не подождешь, Бастер? – говорил я. – Нам ведь по дороге.

Но он шел быстро и не слышал меня. А если слышал, то не отвечал.

И вдруг однажды, совершенно неожиданно для меня, он дал мне в зубы. Я чуть не заплакал, но не от боли. Выплюнув кровь, я спросил:

– Почему ты меня ударил? Что я тебе сделал?

– Потому, что ты – жидовская морда. Убирайся ты со своим жидовским кино, со своим жидовским шоколадом знаешь куда, жиденок!

И он убежал.

А я думал: почему я знал, что он не любит кино? А когда я вырос, понял – насильно мил не будешь.

Много лет спустя, в расцвете сил, я повстречался с миссис Орнитой Гаррис. Она стояла одна на автобусной остановке – автобус номер сто одиннадцатый, и я поднял ее зеленую перчатку – она уронила ее на мокрую землю. Был уже конец ноября. Не успел я спросить – это ваша перчатка? – как она выхватила перчатку у меня, закрыла зонтик и села в автобус, я сел за ней.

Мне стало досадно, и я сказал:

– Извиняюсь, конечно, миссис, такого закона нет, чтобы говорить «спасибо», но хоть не смотрите на меня, как на преступника.

– О, простите, – говорит, – но я не люблю, когда белые мужчины пытаются оказать мне любезность.

Я приподнял шляпу – и дело с концом. Через десять минут я вышел из автобуса, но она вышла еще раньше.

Кто мог думать, что я ее снова увижу. Да вот увидел. Через неделю она зашла ко мне в магазин – купить бутылку виски.

– Я бы вам сделал скидку, – говорю, – я знаю, что вы не любите, когда вам делают одолжение, а я не хочу, чтобы мне дали по носу.

И тут она меня узнала и немножко смутилась.

– Извините, что я в тот день вас не поняла.

– Ну, ошибки со всеми бывают.

И конечно, она не возражала против скидки. А я ей целый доллар спустил.

Она стала приходить каждые две недели за бутылкой Хейга. Иногда я сам ее обслуживал, иногда мои приказчики – Джимми или Мейсон, – они оба цветные, – и я им тоже велел делать ей скидку. Оба посмотрели на меня, но мне нечего было стыдиться. К весне мы уже стали с ней разговаривать, когда она заходила. Она была тоненькая, темная, но не совсем черная, лет ей, по моим расчетам, было под тридцать, и в ней сочеталось то, что я люблю: ноги стройные, а грудь пышная. Лицо у нее было красивое, глаза большие, щеки круглые, конечно, рот был великоват и нос пошире, чем надо. Иногда ей разговаривать не хотелось – возьмет бутылку, заплатит со скидкой и уйдет. И глаза усталые, и вообще, как мне казалось, счастья у этой женщины нет.

Узнал я, что ее муж когда-то занимался мытьем окон в больших зданиях, но однажды его пояс оборвался, и он упал с пятнадцатого этажа. После похорон она устроилась маникюршей в парикмахерской на Таймс-сквере. Я ей рассказал, что я холостяк, живу с матерью в маленькой квартирке из трех комнат на Западной Восемьдесят второй улице, недалеко от Бродвея. У моей матери был рак, и Орнита сказала, что ей меня очень жалко.

А однажды июльским вечером мы с ней пошли гулять. До сих пор не понимаю, как это случилось. Куда пойти вечером с негритянкой? Только в Гринич-вилледж^[2]. Там мы отлично пообедали и погуляли по Вашингтонскому парку. Вечер был жаркий. Никто не удивлялся, что мы гуляем вместе, никто не смотрел на нас, как на преступников. А кто смотрел, тот, наверно, видел мой новый летний костюм – я его купил накануне, – видел мою лысинку, которая блестела, когда мы проходили под фонарем, и понимал, что для человека моего склада спутница у меня прехорошенькая. Потом мы зашли в кино, на Западной Восьмой. Мне идти не хотелось, но она сказала, что слышала про эту картину. Вошли мы туда как чужие и вышли чужими. Мне любопытно было, что у нее на уме, но я сказал себе: что бы там ни было, только думает она не об одном белом джентльмене, сами знаете, кого я имею в виду. И весь вечер мы ходили рядом, словно нас цепью сковали. После кино она не разрешила поводить ее до Гарлема. А когда я ее подсаживал в такси, она сказала:

– Стоило ли все это затевать?

Я хотел сказать: стоило ради бифштекса, но вместо того сказал:

– Стоило, чтобы побыть с вами.

– Хоть за это спасибо.

Ну, брат, говорю я себе, когда такси отъехало, теперь ты понял что к чему, так позабудь лучше про нее – и делу конец.

Легко сказать – забудь. В августе мы второй раз пошли развлекаться. В тот вечер на ней было лиловое платье, и я подумал: о черт, вот это краски! Нарисовать бы такую картину – шедевр! Все на нас смотрели, а я получал удовольствие. В этот вечер она сняла свое лиловое платье в меблированной комнате – я сообразил нанять комнату заранее. При больной матери я не мог позвать ее к себе домой, а она не хотела звать меня к себе – жила она в семье у брата, на западной Сто пятнадцатой, недалеко от Леннокс-авеню. Под лиловым платьем на ней была черная комбинация, а когда она и ее сняла, на ней осталось белое белье. А когда она и белое белье сняла, она опять вся стала черная. Должно быть, в эту ночь я в нее влюбился и при этом первый раз в жизни, хотя мне и

нравились некоторые хорошие девушки. Но тут дело было серьезное. Я ведь такой человек – как подумаю про любовь, сразу думаю про женитьбу. Наверно, оттого я и холостой.

На этой же неделе на мою лавку было нападение – два высоких человека, оба негры, с револьверами. Один испугался, когда зазвенела моя касса – я ее открывал, чтобы отдать ему деньги, – и стукнул меня по уху револьвером. Недели две я провалялся в больнице. Вообще-то я был застрахован. Орнита меня навестила. Она сидела на стуле и почти не разговаривала. Наконец я увидел, что ей не по себе, и сказал, что ей лучше пойти домой.

– Нехорошо вышло, – сказала она.

– К чему эти разговоры, ты тут ни при чем.

Вернулся я из больницы, а матери уже нет в живых. Замечательный она была человек. Отец умер, когда мне было тринадцать лет, и она одна всю семью выкормила и вырастила. Неделю я сидел по ней «шивэ»³¹ и вспоминал, как она торговала бумажными мешками с тележки. Я вспоминал всю ее жизнь и все, чему она меня учила. «Натан, – говорила она, – если ты когда-нибудь забудешь, что ты еврей, так гой тебе все равно напомнит». Мама, отвечал я мысленно, покойся с миром, на этот счет ты можешь быть спокойна. Но если я сделаю что-нибудь не по-твоему, так вспомни, что на земле все куда труднее, чем там, где ты сейчас.

А когда кончилась неделя траура, я сказал:

– Орнита, давай поженимся. Оба мы люди честные, и если ты меня любишь, как я тебя, так жизнь у нас будет совсем неплохая. Не нравится тебе Нью-Йорк, я все продам, уедем еще куда-нибудь. Может, даже в Сан-Франциско, там нас никто не знает. Я был там целую неделю во время второй мировой войны, так я видал, что там белые и цветные живут вместе.

– Нет, – отвечает мне она, – я к тебе хорошо отношусь, но мне боязно. Муж убил бы меня.

– Но муж твой уже умер.

– Нет, он у меня в памяти живет.

– Что ж, в таком случае я подожду.

– А ты себе представляешь, как это будет, – хочу сказать, какая жизнь нам предстоит?

– Орнита, – говорю я, – я такой человек, если уж я выбираю себе жизнь, так я ею доволен.

– А дети? Ты хочешь, чтобы дети были полуюевреи, серо-бурые, в крапинку?

– Я просто хочу, чтобы были дети.

– Нет, не могу, – говорит.

Не может – так не может. Я видел, что она боится, тут лучше всего не давить на психику. Иногда при наших встречах она так нервничала, что ей ничто не могло доставить удовольствие. И все-таки я думал – у меня еще есть шансы. Бывали мы вместе все чаще и чаще. Я отказался от меблированной комнаты, и она приходила ко мне на квартиру – старую мамину кровать я продал и купил новую. По воскресеньям она у меня проводила весь день. И когда она нервничала, она была очень ласковая, и если я про любовь понимаю правильно, так это и была любовь. Раза два в неделю мы выходили развлечься – обычно я встречал ее в Таймс-сквере, а потом отправлял домой в такси, и с каждым разом я все больше приводил доводов за брак, а она все меньше – против. Однажды вечером она сказала, что все еще старается убедить себя, но уже почти убедилась. Я сделал инвентаризацию своей лавки, чтобы можно было объявить о распродаже товара.

Орнита знала, что я делаю. Однажды она даже бросила работу, но на следующий день поступила туда обратно. Потом она уезжала на неделю к сестре в Филадельфию – отдохнуть. Вернулась она усталая, но сказала: может быть. Может быть – так может быть, я и подождать могу. Ведь она сказала «может быть» так, что было похоже на «да». Было это зимой, два года назад. Пока она была в Филадельфии, я позвонил своему товарищу по армии, теперь он служил в СПА, и сказал ему, что был бы благодарен, если бы он нас пригласил к себе. Он знал, почему. Жена его сразу сказала: да, конечно. Когда Орнита приехала, мы с ней пошли туда. Жена товарища сделала чудный обед. Время мы провели неплохо, они нас просили приходить еще. Орнита немного выпила. Она перестала стесняться, все было чудно. Потом мне пришлось провожать ее домой на метро – такси забастовали на двадцать четыре часа. Когда мы доехали до станции Сто шестнадцатая улица, она сказала, чтобы я ехал дальше, а она пройдет два квартала до дому пешком. Но я не хотел, чтобы женщина так поздно ночью шла одна по улице. Она сказала, что никогда с ней ничего не случилось, но раз я решил, так меня не переспоришь. Я сказал, что пойду с ней до ее дверей, а когда она поднимется по лестнице, я вернусь в метро.

По дороге туда, к ее дому, посреди квартала, не доходя Леннокс-авеню, нас остановили трое мужчин – с виду совсем мальчишки. На одном была черная шляпа с

полями в полдюйма, на другом – зеленая суконная кепка, на третьем – черная кожаная фуражка.

На том, в зеленой шляпе, была короткая куртка, на других – длинные пальто. Мы проходили под фонарем, но тот, в кожаной фуражке, вдруг сверкнул на нас длинным лезвием ножа.

– Ты что тут затеяла с этой белой сволочью? – спросил он Орниту.

– Это дело мое, – сказала она, – прошу вас не вмешиваться.

– Ребята, – сказал я, – все мы братья. Я человек надежный, у меня в этом районе свое торговое дело. Эта молодая особа – мне дорогой друг. Мы никому не мешаем. Пропустите нас, пожалуйста.

– Говорит, как жид квартирный хозяин, – сказал тот, в зеленой кепке. – Пятьдесят долларов в месяц за одну комнату.

– А крысы бесплатно, – добавил второй, в шляпе с широкими полями.

– Верьте слову, я не квартирохозяин. У меня лавка «Натан. Крепкие напитки», между Сто десятой и Сто одиннадцатой. У меня служат два цветных приказчика: Мейсон и Джимми, спросите у них, они вам скажут, что я им плачу хорошее жалованье, а многим покупателям я и скидку делаю.

– Заткни пасть, жидовская морда, – сказал Кожаная Фуражка и повел ножом взад и вперед у самой моей пиджачной пуговицы.

– Прощайся со своей черной падалью!

– Прошу вас, говорите об этой леди уважительно.

Мне залепили затрещину.

– Какая она тебе леди, – сказал длиннолицый, в широкополой шляпе. – Черная шляха она, падаль. Ей бы все волосы сбрить, до одного. Хочешь ходить бритая, ты, черная падаль?

– Пожалуйста, оставьте нас с этим джентльменом в покое, или я так закричу, что весь город услышит. Я тут живу, через три дома.

А он ее как двинет. В жизни не слышал такого вопля. Будто ее муж опять упал с пятнадцатого этажа.

Я ударил того, который ударил ее, и не успел опомниться, как очутился в канаве. Я чувствовал боль в голове и подумал – прощай, Нат, теперь тебя заколют как пить дать. Но они только схватили мой бумажник и разбежались в разные стороны.

Орнита проводила меня до метро – она ни за что не хотела, чтобы я ее отвел домой.

– Главное, доберись благополучно до дому.

Вид у нее был ужасный. Лицо совсем серое, и ее крик все еще стоял у меня в ушах. Была скверная ночь, февраль, добирался до дому час десять. Я очень расстроился, что пришлось оставить ее одну, но что я мог сделать?

У нас была назначена встреча в городе на следующий день, но она не пришла, в первый раз за все время так случилось.

Утром я зашел к ней на работу.

– Ради Б-га, Орнита, пойми, если мы поженимся и уедем отсюда, у нас не будет больше таких неприятностей, как вчера. Нам в этот район и приезжать не придется.

– Нет, придется. У меня тут семья, никуда я отсюда не уеду. Нет, не могу я за тебя выйти замуж. Хватит у меня своих неприятностей.

– А я-то готов был побожиться, что ты меня любишь.

– Может, и люблю, но выйти за тебя замуж не могу.

– Да почему же, черт побери?

– Хватит у меня своих неприятностей.

В тот же вечер я поехал на такси в дом ее брата, повидаться с ней. Брат у нее был тихий человек, с тонкими усиками.

– Уехала она, – сказал он, – надолго уехала погостить к близким родственникам на Юг, велела вам передать, что очень ценит ваше отношение, но думает, что ничего из этого не выйдет.

– Спасибо вам большое, – сказал я.

Не спрашивайте, как я дошел домой.

Однажды на Восьмой авеню, недалеко от моей лавки, я встретил слепого, он шел и белой палкой стучал по тротуару. Я увидел, что нам по дороге, и взял его под руку.

– Чувствую, что вы белый человек, – сказал он.

Толстая цветная женщина с полной кошелкой побежала за нами.

– Не трудитесь, – сказала она, – я знаю, где он живет.

И она оттерла меня плечом с такой силой, что я стукнулся о пожарный кран.

Вот такие дела. Я им сердце готов отдать, а они мне – в зубы.

– Черити Суитнесс, слышите или нет? Выходите из этой проклятой ванной!

Ī ādāā nāī āēēēīā

D. Bàcò-Êîâéâîé

- 11 Ì yò Í ip-Êîðéà, ìðè èíòíðì ìðààí ìáñéíúéí ì ÿ-èèèíí***
- 12 Bàéíí Í ip-Êîðéà, àáæéáò àðòèñòè-áñéàý áíáí à***
- 13 Òòàòí ùé íáðýá (éáð).***

ГЛЮКЕЛЬ ФОН ГАМЕЛЬН:

РАССКАЗ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Продолжение.

Начало в № 103 – 111.

VIII

Мы продолжали вести дела с Мойше Гельмсштадтом. Но это был ненадежный человек. Такие, как он, когда держат в руках деньги – независимо от того, чьи они, – обязательно станут выдавать их за свои.

Неприятности начались, когда Гельмс-штадт предъявил кассиру платежный документ с ошибкой на тысячу талеров. Кассир отказался его признать и настаивал на своей правоте, после чего Мойше Гельмсштадт подал на него в Штетинский суд, что обошлось нам в копеечку!

Затем он показал свое истинное лицо – наглый, надменный, бессовестный мошенник! В его руках никогда не было меньше десяти-двенадцати тысяч рейхсталеров банко, но, видимо, он даже не задумывался, что деньги не его и рано или поздно надо будет выплатить их кредитору. Он мог думать только о том, что вот перед ним деньги, и о той радости, которую можно от них получить. Он купил себе великолепный кабриолет и пару самых лучших лошадей, каких только можно было достать в Штетине, нанял двух-трех лакеев и горничных и стал жить-поживать в свое удовольствие. Между тем его бизнес никогда не давал большого дохода. До приезда в Штетин он жил, как я уже говорила, в Берлине, откуда был вынужден уехать из-за своих долгов и двойной игры. А когда деньги нашего доброго Хаима Гамельна оказались в руках этого надутого индюка, он уже не мог удержаться. Несомненно, он сказал себе: «Теперь-то я покажу этим мерзавцам в Берлине, кем я стал!».

Итак, он садится в свою карету, запряженную четверкой лошадей, берет 2 или 3 тысячи талеров в дриттелях и сообщает нам, что намерен обменять дриттели на дукаты в Берлине и позднее переведет эти дукаты почтой. В такой процедуре не было ничего необычного: на обмене можно было заработать один процент прибыли, и, кроме того, отправка дукатов обходилась дешевле отправки дриттелей, следовательно пока еще все было хорошо!

Но когда Мойше Гельмштадт прибыл в Берлин, ему захотелось позвенеть монетами, лежавшими в кармане: известно, что глупость плюс деньги всегда производят шум. Однако у его кредиторов как евреев, так и неевреев, был хороший слух, и они засадили нашего реб Мойше в тюрьму. Словом, покинуть город он мог только после уплаты 1800 рейхсталеров и, конечно, из денег Хаима Гамельна!

Вернувшись в Штетин, он не прислал доброму Хаиму Гамельну ни дукатов, ни дриттелей. На тот момент он выудил у нас более 12 тысяч рейхсталеров банко.

В конце концов мы получили от него 2 тысячи рейхсталеров. Он написал нам письмо, в котором просил прислать новый запас серебра: монетный двор-де простаивает – не из чего чеканить деньги!

Хотя сыну моему Натану вся эта история была не по нутру, он не посмел уведомить нас об этом, потому что все его письма перлюстрировались. Однако через знакомых купцов он передал, что просит отца как можно скорее приехать в Штетин.

Случилось так, что Исохар Коэн только что вернулся из Курляндии. Мне следовало бы рассказать историю Исохара гораздо раньше, поскольку он служил у нас более десяти лет, однако я поведаю ее позже особенно потому, что надо будет нарисовать его портрет. А для моего повествования, сейчас я это сделаю или позже, – неважно!

Как бы то ни было, муж сказал Исохару Коэну: «Вы должны поехать со мной в Штетин: посмотрим собственными глазами, каково положение вещей». Итак, они поехали в Штетин и попытались предъявить счет Мойше Гельмштадту.

Но Мойше всячески оттягивал встречу с ними и попытался отделаться от мужа, отдав ему немного золота и жемчуга, а также разные векселя на Гамбургский банк. Муж не захотел ждать дольше и потребовал, чтобы Мойше Гельмштадт показал свои отчеты. Согласно подсчетам не хватало 5 500 рейхсталеров. Можете себе представить, как вытянулось лицо моего мужа. Тогда Мойше Гельмштадт сказал ему: «Братец, я ясно вижу, что вам не по вкусу такая отчетность, и я вас не осуждаю. Я совершил ошибку, когда вложил ваши деньги в дело. Но не беспокойтесь, вы получите вексель на эту сумму и меньше чем через полтора года получите все сполна. Пойдемте со мной в комнату, где я молюсь».

Он повел мужа наверх в маленькую молельню, что имелась в его доме. Там вытащил святые свитки Закона (Торы) из ковчежца и, держа их в руке, поклялся каждой святой буквой в этих свитках, что все векселя будут оплачены в срок. Он поклялся, что у него есть средства, – просто деньги сейчас вложены в дело. Получив же деньги, мой муж будет вполне удовлетворен и захочет работать с ним и впредь. Он твердил эти фальшивые заверения, на перечисление которых не стоит тратить бумагу.

Хотя муж был страшно возмущен, а Исохар Коэн кипел от бешенства, будучи настроен прибегнуть к силе и подать на мерзавца в суд, мужу казалось бессмысленным обращаться в Штетинский суд, потому что Швеция пользовалась дурной славой.

Удрученный, муж вернулся домой со своими векселями и сообщил мне печальную весть. Он предпочел бы ничего не рассказывать, но ведь никогда в жизни он ничего от меня не скрывал.

В то время я была беременна Лейбом. Можете себе представить наше горе. За две недели до того мы потеряли 1500 талеров из-за банкротства в Праге, еще 100 талеров в Гамбурге украл у нас купец. Сын Натан был обручен, и должна была состояться через полгода свадьба, на приготовления было уже потрачено свыше 3000 рейхсталеров. Короче говоря, мы подсчитали, что за год потеряли свыше 22000 рейхсталеров банку. При всем том мы были еще молоды, и в нашем доме было полно детей, да помилует их Б-г. Приходилось терпеть все молча, чтобы поддержать свою репутацию.

Я заболела от расстройства, хотя официально объясняла свою болезнь беременностью. Однако нутро мое жгло, словно огнем. Мы с мужем утешали друг друга как могли.

Приближалась Франкфуртская ярмарка, и, как обычно, мужу предстояло ехать туда в одиночку. В четверг утром он прибыл из Штетина, а на другой день выехал во Франкфурт. Он покидал меня с тяжелым сердцем.

Перед его отъездом я попросила Исохара Коэна ради всего святого отправиться вместе с ним. Муж так был расстроен, что мне не хотелось отпускать его одного. Но с присущей ему вредностью Исохар Коэн отказался сопровождать его, если только муж не пообещает ему двух процентов от всего, что купит или продаст. Что делать? Выхода не было! Пришлось уступить требованиям Исохара.

Муж умолял меня не думать о нашем несчастье. Я обещала ему забыть обо всем, в свою очередь муж обещал мне сделать то же. Могу сообщить вам, что вместо обещанных Мойше Гельмшадтом векселей мы получили гроши. Был оплачен лишь один вексель. Что касается остальных, Гельмшадт не признал своей подписи, и эта история обошлась нам еще в несколько сот талеров.

В пятницу муж приехал в Харбург, а в субботу вечером выехал далее в почтовой карете. Из Харбурга я получила его длинное письмо с утешениями. Он писал, чтобы я не терзала себя и Б-г поможет нам вернуть свое состояние на других операциях.

Так потом и вышло! Никогда в жизни муж не заключал столько сделок, как на этой Франкфуртской ярмарке. Наши прибыли составили несколько тысяч талеров – и всё благодаря Всевышнему, который не лишил нас милости и благодати и у которого всегда есть бальзам для каждой раны.

Оставшись дома, я думала, что никого нет в мире несчастнее меня, забыв старую поговорку «Весь мир полон стонов, но каждый считает, что стонет именно он».

Шел философ как-то по улице. Встретился ему старый друг. Он спросил друга, как идут дела? Тот отвечал: «Плохо! Столько горестей, как у меня, нет ни у кого в мире». На это философ сказал: «Приятель, давай поднимемся на крышу моего дома. Я покажу тебе весь город и расскажу, сколько горестей и неприятностей скрывается под каждой крышей. И тогда, если захочешь, можешь бросить свою горечь в общую чашу и в обмен вытащить любую другую. Может быть, ты найдешь такую, которая будет больше по душе».

Оба поднялись на крышу, и философ поведал своему другу о печали, что омрачала жизнь каждого из домов. Потом он предложил: «Теперь сделай так, как я тебе говорил». Но друг ответил: «Действительно, я вижу, что в каждом доме скрывается не меньше, если не больше бед, чем у меня. Уж лучше мне держаться за свою беду».

Каждому свойственно думать, что его бремя – самое тяжкое. Отсюда следует, что нет ничего лучше терпения. Потому что, если Г-сподь Всемогущий захочет, то может снять с нас бремя в одно мгновение.

Молитвенник. Германия, конец xvi века.

IX

Тяжело заболел мой отец. Он давно уже страдал от подагры, но этот приступ оказался роковым. Он начал опухать и более трех месяцев не вставал с постели. Каждый вечер мы приходили к нему и не раз думали, что вот-вот наступит конец.

Приближался час, когда Г-сподь решил перенести его из этого мира в жизнь вечную. В этот вечер мы сидели с ним до поздней ночи. Но поскольку мне предстояло вскоре рожать, мать заставила нас с мужем пойти домой, что мы и сделали.

Только мы задремали, как в дверь постучали. Посланный матерью человек попросил мужа немедленно вернуться. Такое уже случалось, и мы не усмотрели в этом ничего необычного. Поэтому муж убедил меня оставаться в постели, дав обещание при необходимости послать за мной. Я позволила себя уговорить и вскоре крепко заснула.

Муж добрался до дома моих родителей в тот самый момент, когда отец испустил дух. Было около полуночи. Муж не велел меня будить: двумя-тремя часами позже, сказал он, уже не имеет значения.

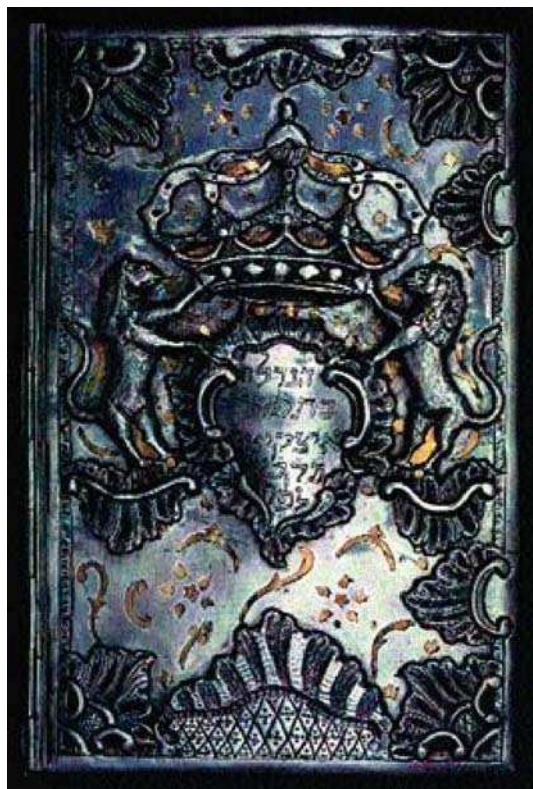
Но когда я крепко спала, в дверь трижды постучали с такой силой, будто рушился весь дом. Я вскочила и стала спрашивать, кто стучит – ответа не последовало. Я быстро оделась и поспешила в дом отца, где и узнала, что произошло.

Можете представить мое горе. Все мы горевали вместе. Но поздно! Я потеряла любимого отца. Он умер в преклонном возрасте среди любящих и уважающих его людей 24 Тевеса.

Я никак не могла успокоиться, но по прошествии тридцати дней Г-сподь благословил меня сыночком, которого нарекли Лейбом в честь покойного деда.

Однако, казалось, он родился под дурным знаком. По приходе в этот печальный мир, он плакал, не переставая двадцать четыре часа подряд. Акушерка и все женщины

думали, что он не жилец на белом свете! Однако Милостивый Г-сподь решил иначе: ребенку с каждым днем становилось лучше, вскоре он совсем окреп и вырос в чудного мальчугана, ставшего утешением для всех вокруг. Я не могла нарадоваться на своего сыночка.

Переплет молитвенника. Германия, XVIII век.

X

Мамочка осталась вдовой с тремя сиротами. Мой добрый отец завещал ей 1600 рейхсталеров и по 1400 рейхсталеров каждому ребенку. По правде говоря, детям должно было достаться больше, но их ограбили более чем на тысячу талеров – об этом я, возможно, расскажу позднее.

Ни мой муж, ни реб Йосеф, муж сестры Эльки, не получили ничего, хотя по закону каждый из них мог претендовать на половину сыновней доли. Но они отказались от своих прав в пользу нашей матери и осиротевших детей.

Спустя год после смерти моего отца им удалось устроить помолвку моего брата Вольфа с дочерью Якова Лихтенштадта из Праги. Реб Яков, пользовавшийся репутацией хорошего и справедливого человека, до самой смерти оставался парнасом всей провинции и был чрезвычайно богат, но, поссорившись со своим пасынком Авроомом Лихтенштадтом, к концу жизни он лишился всего состояния.

Свояк Йосеф сопровождал моего брата Вольфа на пир, устроенный по случаю помолвки. По возвращении он, захлебываясь, рассказывал о пышности праздника и о роскоши в доме Якова Лихтенштадта – последний находился тогда в зените своего благосостояния.

Муж сопровождал жениха на свадьбу вместе с Исохаром Коэном, который все еще служил у нас. Свадьба была отпразднована пышно.

Свояк и муж предприняли эти поездки за свой счет, ни копейки не попросив на расходы у моей матери.

Все состояние отца было вложено в драгоценности, поэтому муж и свояк решили провести аукцион. Они обратили все отцовские драгоценности в наличные, чтобы мать могла достойно выдать замуж своих дочерей, когда найдутся подходящие женихи.

Вскоре на Лейпцигской ярмарке моя сестра Мата была обручена с сыном богатого и ученого раввина Моделя Риса. Свадьба состоялась в Гамбурге.

Общеизвестно, каким превосходным человеком был рабби Модель. А такой доброй женщины, как его жена Песя, не было во всем мире! Такого благочестия среди еврейских женщин не знали со времен Сары, Ревекки, Рахили и Лии. При этом Песя была очень способной женщиной: она успешно вела коммерческие дела и обеспечивала достойный уровень жизни мужу и детям как в Вене, так и позднее, когда они переехали в Берлин.

Дело в том, что рабби Рис был больным человеком. Болезнь приковала его к постели, и он не мог заниматься делами. Однако слух о его необычайной мудрости прославил его во всем мире. Его очень любил и курфюрст Бранденбургский – да возвеличит имя его Г-сподь! – который однажды сказал: «Если бы ноги его были такими же, как голова, равных ему не было бы в мире!».

Оба – и Модель Рис, и Песя – умерли в Берлине в богатстве и почете. Завещание Песеле – это поучительное чтение. Не стану сейчас писать о нем, но всякий, кто захочет, может обратиться к ее детям, потому что они любовно берегут этот замечательный документ.

Теперь незамужней оставалась только моя младшая сестра Ривка, но и ее удачно выдали замуж за сына моего свояка Лейба Гамельна, жившего в Бонне. Этот Лейб был отличным человеком: многие годы он возглавлял свою общину и соседние еврейские общины. У него тоже было порядочное состояние.

Вместе с сыном Шмуэлом он отправился в Гамбург, где и была отпразднована веселая свадьба. Никто не подумал бы, что моя мамочка – вдова: свадьба была такой пышной, как если бы мой дорогой отец был еще жив. Никто из видных лиц еврейской общины не пренебрег приглашением – все явились как один, чтобы выказать уважение моей матери.

После свадьбы Лейб Боннский вернулся домой. Спустя полгода он умер – умер в знатности, богатстве и почете, оставив по себе добрую славу.

Сын его Шмуэл вместе с моей сестрой немедленно выехали в Бонн, чтобы вступить во владение завещанным имуществом. В Бонне Шмуэл преуспевал в делах и приобрел много друзей. После смерти отца он был избран парнасом боннской еврейской общины.

Спустя несколько лет вспыхнула война между королем Франции и кайзером. Французы двинулись на Бонн и заняли его. Дом Лейба Боннского, доставшийся ему в

наследство от отца, подобно всем остальным домам, был разграблен и сожжен. Лейб потерял все, что имел, и, будучи не в состоянии продержаться самостоятельно, приехал к родственникам в Гамбург. Много можно написать о том, как он снова встал на ноги, как затем его опять постигла неудача, и он впал в нужду. Поистине он был благочестивым и богобоязненным человеком. Да поможет Г-сподь в час нужды ему и детям его, рожденным и воспитанным в богатстве и довольстве, вступившим в браки, которым, увы, не всегда сопутствовала удача, неблих! Как учит нас история царя Креза, никто не может назвать себя счастливым, до самого последнего часа своей жизни.

Теперь моя матушка переженила или выдала замуж всех своих детей, и все браки, к ее большой радости, оказались удачными, все дети были здоровы и пользовались большим уважением. Когда умер мой отец, матушке было около сорока четырех лет.

Хотя она могла бы вторично выйти замуж, и все претенденты на ее руку были очень богатыми людьми, добрая женщина предпочла оставаться верной памяти мужа и жила самостоятельно, мудро распорядившись оставшимися у нее небольшими средствами. Она жила в своем собственном маленьком домике вдвоем с экономкой, в мире и довольстве. Пусть Г-сподь вразумит каждую женщину, которой доведется потерять любимого мужа, последовать ее примеру.

Много можно написать о том, как мирно и спокойно жила моя добрая матушка, довольствуясь тем малым, что у нее было, сколько добра она делала при своих малых средствах, как терпеливо сносила все ниспосланные ей Г-сподом испытания. Да поможет ей Б-г и дальше вести такую жизнь, вплоть до прихода нашего Мессии!

Нельзя пересказать, как любили дорогую мою родительницу ее дети и внуки, — да позволит ей Б-г дожить до ста лет!

Пояс для свитка Торы. Германия, начало XVIII века.

XI

Дочку Хану мы обручили с сыном моего свояка Авроома Гамельна Шмуэлом, – так пожелала моя покойная свекровь. Нравилось нам это или нет, но брак тот был заключен по воле Б-жией.

Открылась очередная Франкфуртская ярмарка, и муж вместе с Йохананом, Мендлом и Лейбом Госларом отправился во Франкфурт. Сразу же после закрытия Франкфуртской они выехали на другую ярмарку – Лейпцигскую.

Когда они добрались до Фульды, реб Йоханан заболел. Мой муж, Мендл и Лейб Гослар не хотели оставлять больного, но мужественный и добрый Йоханан не хотел и слышать о том, чтобы они задержались. Поэтому они продолжили свое путешествие, а у постели больного остался его сын Аарон. Спустя пять дней реб Йоханан умер. Не успели наши путники добраться до Лейпцига, как получили печальную весть. Можете себе представить, как они были поражены.

Вскоре после этого, уже в самом Лейпциге, заболел реб Мендл, сын ученого Михоэла Шпейера из Франкфурта, и через неделю тоже умер. Горе и смятение воцарились среди евреев. Мало того, что смерть похитила молодого и прекрасного юношу, которому не исполнилось и двадцати четырех лет, но и с похоронами возникли трудности. Его свекор Мойше бен Натан, тоже прибывший на ярмарку, не надеялся похоронить его на еврейском кладбище, по иудейскому обряду. Ибо в те дни евреи приезжали в Лейпциг с риском для жизни, и к ним относились очень неприязненно.

Немало намучившись, потратив немалые деньги, они, наконец, с помощью влиятельных людей получили разрешение увезти тело. Гроб был отвезен в Дессау, в 30 милях от Лейпцига, где была ближайшая еврейская община. Это обошлось им в тысячу с лишним талеров, но они благодарили Г-спода, что смогли вывезти тело из Лейпцига.

Известие об этих несчастьях быстро добралось до Гамбурга.

Тем временем заболели мой муж и Лейб Гослар. Тяжело больные они кое-как добрались до Хальберштадта. Мужа сопровождали Мойше Шнаутхан и Исохар Коэн.

Когда они прибыли в Хальберштадт, мужу было так плохо, что они потеряли всякую надежду довести его живым. От имени мужа Исохар Коэн пишет мне письмо, дабы успокоить меня. В нем он сообщает, чтобы я не пугалась: он вне опасности. Исохар настоял на том, чтобы муж подписал этот текст.

Но что это была за подпись! В ней нельзя было разобрать ни одной буквы. Можете себе представить, в каком я была смятении и как испугались дети!

Это письмо я получила в первый день праздника Швуэс... За день до этого все мужчины вернулись с ярмарки домой. Не было только моего мужа. Даже не было письма от него! Тут же по возвращении мужчины пришли ко мне и просили не тревожиться – все будет хорошо! Но это меня не успокоило!

Можете себе представить, как мы провели этот праздник! В самый праздник я ничего не могла предпринять, но уже на следующий день рано утром я отправила сына Мордехая, Якова Поллака и Хаву в Хальберштадт узнать, жив ли еще мой муж. А сама я

постилась, молилась – не упрекай меня, Г-сподь Б-г мой, – каялась в своих прегрешениях и старалась делать добрые дела.

Г-сподь сжалился над нами и укрепил моего мужа: ему стало лучше, и он позволил нанять экипаж. Айзик Киршхайн, бывший возле него во время болезни, дал постель, чтобы во время путешествия муж мог находиться в лежачем положении, и еще одну постель предоставил в распоряжение его спутников.

Они в карете по очереди сидели возле больного и заботились о нем. Вот таким образом муж вернулся домой, он был совершенно разбит и измучен.

Но мы возблагодарили Г-спода, что как говорится в Талмуде, «Он вернул его нам, а не могиле». Милостивый Г-сподь продлил его жизнь еще на шесть лет и позволил ему женить еще двух детей.

Свиток Торы. Германия, начало XVIII века.

XII

Но я позабыла рассказать о смерти своего доброго свекра. Он скончался за три года до того, как болезнь настигла моего мужа в Лейпциге.

Однажды муж получил письмо: «Твой отец болен». Он бросил все дела и поспешил в Ганновер. Там он оставался почти три недели.

Свекру было уже почти 80 лет, и он был очень слаб. Он решил, что после того, как еще раз повидает сына, сможет умереть спокойно. Ведь муж мой был его младшим ребенком, и он его особенно любил, потому что «он был сын старости его» .

Но, когда Хаим пробыл с ним три недели, а Г-сподь не удостоил прибраться его, свекор сказал моему мужу:

«Сын мой, я вызвал тебя, потому что хотел, чтоб ты был со мной в мой смертный час. Но ты занятой человек, и вот уже три недели как оставил дела. Ты исполнил свой долг. Я предаю себя в руки Г-спода, а ты поезжай с Б-гом домой, к семье».

Несмотря на все возражения моего мужа и вопреки его желанию свекор приказал ему ехать домой таким не терпящим возражений тоном, что тот не стал перечить. И всем другим детям, бывшим при нем, свекор тоже велел отправляться по домам.

Не успел муж прибыть в Гамбург, как произошло следующее.

Дочка моя Хана, которой было тогда лет одиннадцать, спала в своей кроватке, что стояла напротив моей кровати. Рано утром я встала и пошла в синагогу на утреннюю молитву. Тут Хана выбежала из своей комнаты вне себя от страха. Служанки стали спрашивать ее: «Что с тобой, Хана, что напугало тебя?» Она отвечала: «Я проснулась и хотела посмотреть, спит ли еще мамочка, но, Б-же мой, – вижу: в ее кровати лежит старик с длинной седой бородой. Я ужасно испугалась, спрыгнула с постели и бросилась вниз. Убегая, я оглянулась и увидела, что старик поднял голову и пристально на меня смотрит!»

Слуги еще не пришли в себя, когда я вернулась из синагоги. Я стала спрашивать их, что случилось, но они сочли за лучшее промолчать, чтобы меня не пугать.

Спустя два дня вернулся муж. Не прошло и недели после его возвращения, как было получено известие, что добрый реб Йосеф умер.

Трудно описать горе мужа. После того, как прошло семь дней траура, он пригласил десять знатоков Талмуда и выделил одну комнату в нашем доме для Б-гослужений. Дни и ночи он читал Тору в этой комнате. Целый год он носил траур и даже перестал ездить по делам, чтобы не пропустить ни одного кадиша.

Спустя двенадцать недель после смерти свекра в Везель на свадьбу своего сына Шмуэла приехал мой свояк Ицхок Гамельн. Оттуда он проехал в Ганновер, чтобы побывать на могиле отца. Другие братья поехали тоже и просили мужа, чтобы он сопровождал их. На следующий день после того как получил письма, он поднялся рано утром и выехал в Харбург в сопровождении девяти человек, чтобы иметь возможность ежедневно возносить молитвы (для чтения молитв необходим миньян – наличие 10 человек. – Прим. ред.). На протяжении всего пути он не пропустил ни одного кадиша, хотя это стоило ему немалых денег.

Прибыв в Ганновер, он прочел завещание отца. В каждой строке этого завещания отразились мудрость и благочестие покойного. Мужу рассказали, как умирал мой свекор – как настоящий мудрец: он умер «от поцелуя» (выражение, обычно употребляемое, чтобы описать смерть праведника – Прим. ред.).

Дети поделили наследство в строгом соответствии с последней волей свекра. Никаких недостойных претензий друг к другу высказано ими не было.

Восемь дней оставался муж в Ганновере, утешая мать в ее горе. Он просил ее переехать на жительство к нам в Гамбург, но добрая женщина не желала и слышать об этом: она не хотела оставлять могилу мужа!

Спустя два года в возрасте 82 лет она скончалась и была похоронена рядом с моим свекром. Другой такой благочестивой и доброй четы не было на свете! Да наградит Г-сподь нас за их достоинства! О, если бы и нам с мужем было суждено провести так свою старость, но Г-споду Б-гу было угодно решить иначе!

Украшения для свитка Торы. Германия, начало xviii века.

XIII

Спустя некоторое время муж оказался в Амстердаме. Там ему предложили выдать нашу дочь за Мойше Крумбаха, сына богача Авроома Крумбаха из Меца. Его просили поспешить с ответом, и поэтому лишь после того как ответил согласием, он смог сообщить мне, что сделал.

Договор о помолвке был заключен в Клеве с Элиасом Клевским (отцом моего зятя Кошмана), которого Авроом Крумбах уполномочил подписать за него контракт.

Еще до получения письма мужа, извещавшего меня, что дочь моя Эстер сговорена, я получила письма от нескольких лиц, предостерегавших меня от этого брака ввиду того, что у жениха куча недостатков. А тут как раз пришло письмо от мужа с извещением, что подписан договор о помолвке.

Можете себе представить, как мало радости доставило мне это известие, и в каком настроении я стала готовиться к свадьбе. Однако до возвращения мужа нельзя было ничего предпринять.

Через неделю муж вернулся домой, рассчитывая, что я встречу его с распростертыми объятьями и оба мы порадуемся предстоящему браку нашей дочери. Однако я встретила его с тяжелым сердцем, слова не шли с языка.

Муж сразу заметил, что я расстроена, но ни один из нас не хотел омрачать радость нашего воссоединения. Поэтому прошло несколько дней, прежде чем мы заговорили о предстоящей свадьбе.

Тем временем муж получил письмо от одного нашего доброго друга, сообщавшего ему, что он услышал о предстоящем браке и просит не предпринимать никаких решительных шагов, не посмотрев сначала на молодого человека.

Серьезно встревожившись, муж, наконец, сказал мне: «Глюкельхен, ты, должно быть, уже что-то слышала на этот счет? Ведь я не заметил у тебя радости». Тут я и показала ему все полученные мною письма. Муж очень испугался и погрузился в мрачное раздумье. Создавалось впечатление, что у молодого человека были все дефекты, какие только можно себе представить. Думали мы, думали, но не могли ничего придумать, ведь договор был уже подписан.

Тут я решила написать фрау Яхет, матери жениха. Я все еще хорошо помню выражения, которые я употребила в этом письме. Вначале я передавала ей и ее семье дружеский привет от нас. Потом сообщала, что нами получены разные письма, в которых нас уведомляют, что сын ее имеет всяческие недостатки. Мы, конечно, уверены, что все это ложь, и поэтому просим ее прислать жениха согласно обычаю на пир по случаю помолвки, устраиваемый в доме невесты. А когда мы воочию убедимся, что, как мы и надеялись, в этом деле поработали лгуны и клеветники, мы будем приветствовать жениха с величайшей радостью и не пожалеем для него ни самых лучших подарков, ни почестей. Но если – упаси Б-же – окажется, что дело обстоит иначе, тогда я прошу ее не присылать к нам своего сына, ибо мы ни за что не станем так ужасно обманывать свое родное дитя. Если же она тем не менее решит прислать сына, рассчитывая, что в любом случае наша дружба и родство побудят нас, как это порой бывает, посмотреть сквозь пальцы на его недостатки, я прошу ее этого не делать. Если – упаси Б-же, – сведения о ее сыне окажутся соответствующими истине, каждый должен убедить себя, что все к лучшему, и я позволяю ей думать о моей дочери плохо, если это как-то утешит ее и так далее, в том же духе...

Можете себе представить, как уязвило это письмо превосходную фрау Яхет. Она не скрывала своего гнева и презрения. Она и без моей просьбы – писала она – собиралась отправить жениха с визитом к невесте, чтобы молодые познакомились. Но ввиду такого оборота дел, если мы желаем посмотреть на ее сына, то должны сами приехать в Мец или же послать туда человека, которому доверяем.

Обмен подобными неприятными письмами занял немало времени, а решение так и не было принято. Между тем из-за войны между французским королем и Рейхом ни мы не могли съездить к Крумбахам, ни они прислать к нам сына.

Я забыла упомянуть, что еще задолго до этого состоялась свадьба моего сына Натана с Мириам, дочерью покойного Эли Балина. На торжество приезжали мой зять Кошман Клеве и дочь Ципора. Мы оплатили все расходы, связанные с их поездкой, и, кроме того, осыпали их подарками. Приехали также Яков Ганновер с женой Зюсе и многие другие гости, так что свадьба получилась пышная и многолюдная.

В том же году мы понесли убытки в сумме более десяти тысяч рейхсталеров банку. Но хвала доброму Г-споду, который всегда щедро возмещал наши потери! Если бы Он только сохранил мне моего мужа, – венец головы моей – более счастливой супружеской четы не нашлось бы в целом свете! Но за мои тяжкие грехи и чтобы научить меня смиряться с Его волей, Всемогущий сулил мужу уйти в лучший мир, где он обрел жизнь вечную, а меня оставил на этой унылой земле. Молю Создателя, чтобы конец наш произошел согласно воле Его и да угодно будет Ему, чтобы мы оказались в раю.

Указка для чтения Торы. Германия, xviii век.

XIV

Когда муж вернулся из Ганновера, куда он ездил на могилу отца, оказалось, что я вновь беременна. Все время беременности он надеялся, что я рожу сына и можно будет назвать его именем покойного отца, – и, хвала Г-споду, у меня родился сын!

А теперь, дорогие дети, я расскажу вам правдивую историю, которая может послужить вам уроком.

Когда молодые женщины носят ребенка в своем чреве и при виде каких-либо фруктов или другой еды ощущают желание непременно съесть их, пусть это сделают немедленно, иначе – упаси Б-же – может возникнуть угроза их собственной жизни или опасность, что дитя родится с каким-то пороком – поверьте, я знаю, о чем говорю!

Раньше я всегда смеялась над рассказами, что та или иная женщина пострадала из-за невыполненного желания. Я не хотела этому верить, тем более не раз бывало у меня самой, что во время беременности, увидев на рынке всякие соблазнительные фрукты, все же проходила мимо, не покупая их, поскольку это было слишком дорого для меня, однако никакого вреда от этого не бывало!

Но, как говорится, раз на раз не приходится! Это я поняла, будучи беременна сыном Йосефом. Когда я была на девятом месяце, матери моей понадобилось пойти к юристу, который жил на Пфердемаркте. Она попросила меня с ней пойти. Путь был не близкий, и хотя подходил час вознести дневные молитвы (помнится, это было начало месяца Кислев) (ноябрь или декабрь), – мне не хотелось огорчать мать отказом. Итак, мы пошли в город вдвоем. Напротив дома, где жил этот юрист, находилась лавка, где

продавалась германская мушмула (мушмула – род деревьев или кустарников семейства розоцветных; разводят ради съедобных плодов. – Прим. ред.). Я всегда любила ее и сказала маме: «На обратном пути надо обязательно купить мушмулу». Потом мы пошли к юристу и сделали там все, что от нас требовалось. Но когда мы закончили дела, уже наступили сумерки и, торопясь домой, совсем забыли о мушмуре. Вернувшись домой, я вспомнила о плодах, и мне стало досадно, что в спешке я забыла их купить. Однако думала я об этом не больше, чем обычно думаешь о том, чем хотелось бы полакомиться, но такой возможности нет.

Я легла спать в отличном настроении, но около полуночи начались схватки. Позвали акушерку, и я родила Йосефа. Мужу сразу об этом сообщили. Он был счастлив, что имя его отца может воскреснуть.

Однако женщины, бывшие при мне во время родов, о чем-то шептались. Я заметила их странное поведение и пожелала узнать, в чем дело. Они отмалчивались, но я настаивала. Наконец они сказали, что новорожденный покрыт с ног до головы какими-то коричневыми пятнами. Я велела принести ребенка, чтобы самой посмотреть, в чем дело. Тельце ребенка не только было покрыто пятнами, но поражала его странная неподвижность: он не шевелил ни рукой, ни ногой, как будто душенька его – упаси Б-же – расставалась с телом, не брал грудь и даже не открывал ротик. Муж, увидев это, пришел в отчаяние.

Все это случилось в среду ночью, а через неделю полагалось совершить обряд обрезания. Однако ребенок день ото дня слабел, и мы уж не надеялись, что он доживет до того дня. Наступила суббота, а в пятницу вечером мы отпраздновали Зохар (трапеза, проводимая в первую субботу после рождения мальчика. – Прим. ред.) . В состоянии ребенка улучшения не было.

Когда субботний день был на исходе и муж уже сказал молитвы, мама пришла со мной посидеть. Я сказала ей: «Позови “шабас гой” (нееврей, которого нанимают, чтобы выполнять по субботам работы, запрещенные для еврея. Я хочу ей дать одно поручение». «Что ты имеешь в виду?» – спросила мама. «Я все время думаю, – сказала я ей, – что могло послужить причиной коричневых пятен на теле младенца и почему он такой слабый. Может быть, дело в том, что мне хотелось поесть мушмулы, но я не выполнила своего желания. Именно в ту ночь я родила. Пусть “субботняя женщина” купит мне на несколько шилингов мушмулы. Я приложу ее к губам младенца – и кто знает, может быть Г-сподь смилостивится над нами, и с Его помощью ребенок поправится».

Мать рассердилась на меня и сказала: «Что за чушь! На улице непогода. Можно подумать, что небеса вот-вот обрушатся. Будь уверена, что прислуга не захочет и носа высунуть за дверь. К тому же все это глупости!»

Но я не отставала: «Мамочка, сделай это для меня, пошли эту женщину за мушмулой. Я заплачу ей столько, сколько потребует, лишь бы она принесла мушмулу. Иначе я не успокоюсь!»

Мать позвала «субботнюю женщину». Та согласилась пойти, но на дворе такая была непогода, что хороший хозяин собаку не выгнал бы на улицу. Мне казалось, что эта женщина никогда не вернется. Так всегда бывает, когда ждешь чего-то: каждая секунда превращается в час! Но в конце концов она вернулась и принесла мушмулу!

У мушмулы кислый вкус, и я знала, что это неподходящая еда для младенца. Все же я приказала няньке распеленать сына, положить его перед огнем и, размяв мушмулу, приложить мякоть к его роту. Все смеялись над моей глупостью, но я настаивала, и няньке пришлось мое желание выполнить. Как только плод мушмулы коснулся губ младенца, он открыл ротик, как будто хотел его проглотить, и высосал мякоть одной мушмулы целиком. А до этого он вообще не открывал ротик, так что нельзя было влить даже каплю молока, не хотел брать и соску с сахарной водичкой.

После этого няня приложила ребенка к моей груди и – о чудо! – он начал сосать с такой жадностью, будто трехмесячный ребенок. С того момента начали пропадать пятна с его лица и тела, и только на боку осталось одно пятнышко величиной с зернышко чечевицы.

Когда наступил срок обрезания, ребенок был вполне здоров и хорошо сформирован. Слава Б-гу, он стал сыном Израиля в положенное время. После церемонии был пир, подобного которому в Гамбурге не вспомнят. Хотя муж только что потерял тысячу марок банку в результате банкротства сефарда Ицхака Ваза, радость по поводу рождения сына затмила все его огорчения.

Видите, дети мои дорогие, прихоти беременной женщины не просто глупость, и не всегда следует их отменить.

Во время следующей беременности я очень страдала. На седьмом месяце началась лихорадка – небывалая вещь для меня. Если температура повышалась утром, четыре часа меня бил озноб, потом четыре часа горела в жару, и еще четыре часа с меня градом лил пот, и это было хуже, чем жар или озноб! Я ничего не могла есть, хотя приносили самые соблазнительные кусочки. Однажды вечером муж попросил меня пройтись с ним вдоль городской стены, неподалеку от нашего дома, чтобы я подышала свежим воздухом и немного развлеклась. Он надеялся, что после прогулки у меня проснется аппетит. «Но у меня нет сил гулять», – отвечала я. Тогда он предложил повезти меня в кресле на колесиках. Так мы доехали до стены, где я посидела на травке.

Тем временем Тодрос, повар Мануэля Тейшейры, по приказу мужа приготовил обед, достойный самого короля. Когда все было готово, нас позвали домой. Муж думал, что я войду в дом, увижу накрытый стол, а на нем всякие вкусности, и я захочу есть. Но как только я вошла в дом, от одного запаха кушаний меня стало мутить, и я просила Б-га ради либо вынести все блюда, либо меня увести подальше.

Так, мучаясь целых два месяца, я очень ослабла и часто думала: Г-споди Б-же, когда наступят сроки, у меня не будет сил произвести на свет этого ребенка.

Но когда наступил мой срок, Г-сподь пришел ко мне на помощь, и я почти без усилий и мук произвела на свет очаровательного, хорошо сформированного ребенка. Однако и его мучила такая же лихорадка, что и меня. Мы приглашали врачей и знахарей, но все было бесполезно. Ребенок мучился 14 дней, а затем Г-сподь взял себе свое, а нам оставил наше – бездыханное тельце!

Потом у меня было еще два-три приступа лихорадки, но не прошло и месяца, как я поправилась, и силы ко мне вернулись.

После этого я родила еще дочку Гендельхен, а спустя два года – сына Шмуэла. Потом сына Мойше, потом дочку Фрейдхен и дочку Мириам. Две последних не помнят своего отца.

Что мне сказать о том, что происходило в промежутках? Каждые два года я рожала... Меня мучили горести и тревоги, как и всякую мать, в доме которой полно детей – Б-г с ними! – и я считала, что мое бремя тяжелее, чем у других, что никто столько не страдал из-за своих детей, как я. Бедная дуручка, я не понимала своего счастья, когда усаживала детей за стол и они были «как масличные ветви вокруг трапезы моей, как плодовая лоза в доме моем»...

Сын Мордехай вырос. Это был красивый, хорошо воспитанный мальчик – награди его Г-сподь за уважение к матери и отцу. Его воспитание сказывалось во всем. Однажды он сопровождал отца в Лейпциг, и там муж мой заболел. У него были желудочные колики. Как заботливо Мордехай ухаживал за отцом! Он все ночи проводил у его постели, не пил, не ел, не спал. Конечно, и отец о нем заботился, но все же трудно было ожидать от столь юного мальчика такой нежной заботы, такого самопожертвования! Однако с Б-жьей помощью оба вернулись домой живы-здоровы!

Муж никогда не отличался крепким здоровьем, поэтому и спешил устроить браки своих детей, пока были силы о них позаботиться.

Поэтому и Мордехая обручили в раннем возрасте с дочерью хорошо известного парнаса Мойше бен Натана. Муж дал за сыном 2000 рейхсталеров, а Мойше бен Натан дал дочери в приданое 3000 рейхсталеров датскими кронами. Расходы по свадьбе составили более 300 рейхсталеров, но обе семьи разделили их поровну, а потом мы обязались в течение двух лет обеспечивать молодой чете стол и кров.

Но, увы, не прошло и шести месяцев, как Б-г отнял у нас моего доброго и благочестивого мужа, венец головы моей. В год от сотворения мира 5449 (1689) гнев Б-жий обрушился на нас, и мой любимый был вырван из моих объятий.

Хранилище Торы. Германия, начало XVIII века.

Я осталась вдовой с восемью детьми, да и четверо, которые были уже пристроены, еще нуждались в помощи и советах любимого отца.

Что сказать? За мои грехи, видно, пришлось мне потерять своего любимого мужа, а детям – отличного отца. И остались мы, как овцы без пастуха!

Я всегда надеялась, что умру первой, потому что при жизни мужа я вечно чем-то болела. Всякий раз, когда я, бывало, расхвораюсь, этот добрый человек говорил, что надеется не пережить меня. «Разве я смогу заменить детям тебя?» – говорил он и любил нас всем сердцем.

Без сомнения, видя его благочестие, Б-г взял его первым. Он умер в богатстве, почете, не дожив до худых дней. Удачно женив своих детей, он и сам пользовался всеобщим уважением. Про него с полным правом можно сказать, что он был счастливым человеком, ибо умер счастливым.

Теперь, дети мои, вы знаете историю реб Хаима Гамельна, вашего дорогого покойного отца. Какое было бы счастье, если бы Г-сподь позволил нам пожить вместе и вместе повести всех наших детей под свадебный балдахин! Но за грехи мои Г-сподь счел меня недостойной этого!

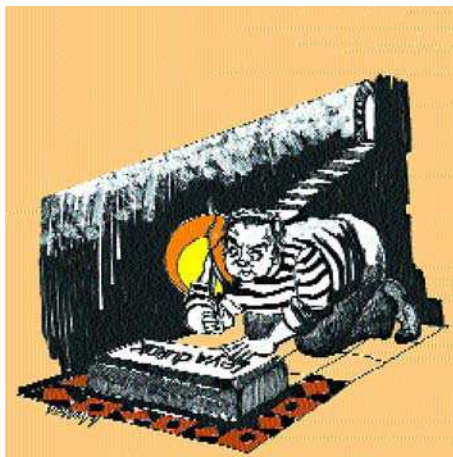
И осталась я одинокая, и беды мои каждое утро обновлялись. Я расскажу об этом в пятой книжке, которая, увы, будет печальной, как скорбь по Сиону. Деньги и все добро, завещанное мне мужем, – ничто по сравнению с этой потерей!

Я заканчиваю четвертую книжку. Да обретем мы радость, как обрели печаль, – и ты, Г-сподь Единый, смилостивься над сиротками.

Êíáö ì íáé :áòááðòíé éíèæéè

КАХА БА-АРЭЦ

עֲדוּ עִמָּי

Приехав в Израиль, Лева Кацарчик совершенно переродился духовно и, оставив в прошлом опыт тракторостроения и преферанс по субботам, проникся сознанием своей высокой миссии: отыскать ключи от рая и встать в один ряд с выдающимися Жаботинским, Бен-Гурионом и Моше Даяном...

Если у меня такая ответственная миссия, – размышлял он, – то где бы я ни стал копать, я же их все равно найду! Факт!..

После ульпана Лева нанялся к одному каблану за три шекеля в час рыть выгребные ямы...

... Как-то на заброшенном пустыре Лева осмотрелся и, поплевав на руки, взялся за кирку. Работа пошла хорошо, так как у себя в отделе Кацарчик много трудился на рытье канализации, прокладке кабелей и очистке котлованов. Через пару часов он выкопал двухметровую яму и наткнулся на подземный ход...

Протиснувшись между грубо обтесанных плит, он спустился в подземелье и зажег спичку. Прямо у его ног, на выложенном старинной плиткой полу стоял маленький саркофаг с резной крышкой. Кацарчик поднял спичку и увидел выбитую на каменной стене латинскую надпись «Leva durak»

– О! – удовлетворенно сказал он. – Это же проделки дьявола... Значит, ключи в ящике...

Свободной рукой он отодвинул крышку и на дне саркофага нашарил связку ржавых ключей и записку на пергаменте. Быстро переложив ключи и пергамент в карман, Лева полез было наверх...

– А ну, стой!.. – вдруг раздался за его спиной гулкий голос, и чья-то ледяная рука схватила его за лодыжку...

– А ты не командуй тут! – храбро крикнул Кацарчик, и изо всех сил лягнул ногой. Кто-то с шумом свалился вниз, а Лева проворно вылез на поверхность и быстро забросал яму землей.

Дома он внимательно осмотрел находку. Ключей оказалось семь, и все без бирочек, а текст на пергаменте, конечно, был на иврите, поэтому Лева долго пришлось разбираться со словарем и грамматикой Соломоника.

В старинном документе сообщалось, что комплект ключей оригинальный, изготовление дубликатов преследуется по Древнему Закону, а вскрытие двери в рай производить, отключив сигнализацию путем очищения от грехов...

Какие мои грехи? – задумался Лева. – Ну, хожу без головного убора, арнону^[1] еще не заплатил... Подумаешь...

Далее сообщалось, что дверь от рая находится в городе Кирьят-Ата по улице Кацнельсон, сто два-алеф, в здании новой синагоги.

Кацарчик сложил ключи и пергамент в черный болгарский портфель и сейчас же собрался ехать в Кирьят-Ата, но в дверях остановился, надел на голову синий картуз с гистадрутовской эмблемой и по дороге к автобусной остановке уплатил на почте арнону.

Новая синагога на улице Кацнельсон была закрыта. Лева обошел ее и с тыльной стороны обнаружил железную дверь в бомбоубежище. Он вынул из портфеля связку и начал подбирать ключ. Проезжавший на мотороллере полицейский затормозил, но Лева, как ни в чем не бывало, приветливо помахал ему рукой.

Подошел, конечно, только самый последний ключ, и занервничавший Кацарчик с усилием отворил бронированную дверь... Внутри вели стертые ступени, и Лева, включив припасенный фонарик, уверенно начал спускаться. Конец лестницы уперся в еще одну дверь, усеянную коваными заклепками и запертую на огромный висячий замок. Лева открыл его самым большим ключом и столкнулся нос к носу с пожилым евреем в хитоне с клюкой в руке...

– Ну, ма кара?^[2] – неприязненно спросил обладатель хитона.

– Ой! Извините, – смутился Лева. – Я ищу где тут вход в рай...

– Рай теперь находится на частной квартире у Мейеровича, – сипло ответил на иврите старик.

Кроме «Мейеровича» Лева ничего не понял.

– Ани роцэ кнуса ле ган-эдэм^[3], – упрямо повторил он.

– Эдэн? – переспросил старик. – Ата руси?^[4]

– Руси, руси, – закивал Кацарчик. – А вот ключи, – и тряхнул ржавой связкой.

Старик молча посмотрел на связку, затем на Леву.

– Да, насчет сигнализации бэсэдэр^[5], – подкупающе улыбнулся Кацарчик, извлекая из портфеля справку об уплате арноны.

– Что вы мне бумажки под нос суετε?! – неожиданно по-русски произнес старик.
– Сказано – у Мейеровича!

– Как – у Мейеровича? – вспыхнул Кацарчик. – Откуда вы знаете? Слушайте, я же вижу, вы тоже русский или поляк. Кама зман ата ба-арэц?^[6]

– С две тысячи четыреста пятого года, – величественно ответил незнакомец.

– Вот видите, – сказал Кацарчик, – тогда же вообще не было никаких Мейеровичей! Зачем вы мне голову морочите?..

– Послушайте, молодой человек, я вас не понимаю, – сурово прищурился старик. – Все русские ищут работу, а вы рай... В вашем возрасте еще хорошо можно устроиться в Израиле. Пошли бы работать в пекарню...

– Нет, я хочу знать, кто такой Мейерович? – начал скандалить Лева. – У меня официальные ключи!

– Ваш Мейерович – страшный жулик... – в сердцах проговорил старик. – Приехал, понимаете, из Одессы в девяностом году, во время войны в заливе прятался в бомбоубежище, увидел у нас рай – и украл...

– Как это можно – рай украсть? – поразился Кацарчик. – А вы куда смотрели?

– Мы телевизор смотрели. То воздушная тревога, то отбой, то этот Нахман Шай говорит надеть противогазы, то снять... Первый раз за пять тысяч семьсот пятьдесят три года и не уследили...

– А в полицию обращались?

– А как же. Но наш рай нигде по бумагам, кроме Танаха, не проведен, и свидетелей нет. Поэтому дело закрыли.

– А я как раз ключи нашел, – грустно сказал Лева. – Вы мне адрес Мейеровича не дадите?

Старик поцокал языком и покачал седой головой, и Лева понуро вышел из бомбоубежища.

На улице он свернул за сигаретами в маколет^[7] и на всякий случай спросил у продавщицы про Мейеровича, который приехал в Израиль якобы в девяностом году.

– Ой, то вы не нашего Витьку Мейеровича шукаете? – удивилась продавщица. – Та он же через два дома от ханута^[8] живет, на втором этаже.

Отправившись по указанному адресу, Лева быстро нашел в амидаровском доме квартиру с надписью «Мейерович» и нажал кнопку звонка.

Открыл лысый горбоносый мужчина с черной волосатой грудью, одетый в пижамные брюки и шлепанцы. Кацарчик обратил внимание, что правый глаз мужчины заплыл «фонарем»...

– Заходите, Лева, – просто сказал мужчина, пропуская Кацарчика в салон.

Из райских вещей в комнате Лева обратил внимание только на дорогой японский «Панасоник» на сохнутовском столе.

– Ну, ма иньяним?^[9] – спросил мужчина, уставясь на Леву здоровым глазом.

– Баним биньяним...^[10] – зло ответил Кацарчик, как учила мора^[11] в ульпане. – Вы – Витя Мейерович, который украл рай?

– Я – Витя, – сказал мужчина. – Только не надо хамить, Лева. Будете пить чай или кофе?

Кацарчик подозрительно взглянул на Мейеровича и на его заплывший глаз.

– Откуда вы знаете, что я Лева?

– Конечно знаю, – ухмыльнулся Мейерович. – Потому что я – Дьявол...

– Вот! Я так и думал! – вскричал Лева. – Значит, вы приехали не из Одессы?.. Ну, теперь все ясно! А на репатриантов подумают, что они воры и крадут в маколетах и на рынке, и рай украли... Слушайте, где ваши рога?..

– Какие рога? – пожал волосатыми плечами Мейерович. – Что я, козел?

– Нет, вы хуже, – волнуясь, сказал Лева. – Да это же пятно на всей русской алии! Подумать только, что теперь в Израиле про нас, русских олим, будут говорить!

– А какое вам дело до всей алии? – спросил Мейерович. – Вот идиотская ментальность. Да если я вас сейчас съем, из ваших «русских» никто и за год не хватится. Я писал вам на стене, что вы дурак? А?

– И за ногу хватал?

– Хватал...

На разговор из кухни вышла жена Мейеровича в халате и туфлях на низких каблуках.

– Вот, Софа, это Кацарчик, – представил Леву Мейерович. – Я тебе говорил.

– Слушайте, у Вити теперь так глаз болит, – возмущенно упрекнула Кацарчика Софа. – Доктор сказал, счастье еще, что роговица не задета, но кровоподтек две недели продержится!

– А вы знаете, что он – черт?! – вскинув подбородок, обличающе спросил Лева.

– Да не такой уж он черт, как его малюют, – с достоинством ответила Софа. – Другие черти в «Аמידарах» не живут и зарабатывают по три тысячи.

– И еще он у израильского народа рай украл! – добавил Лева.

– Витя, какой рай? – спросила Софа. – Тот, что у нас в кладовке стоит?

– Софочка, человек с ключами пришел, – сказал Мейерович. – Поставь чайник, а мы пока посмотрим.

Лева вынул связку и в сопровождении Мейеровича прошел в кладовку.

Внешне рай не произвел на него впечатления. Повозившись с ключами, он открыл дверь, и внутри заиграла небесная музыка.

– Прямо как в книжке про Буратино, – озадаченно сказал Кацарчик. – Виктор, вы идете?

– Нет, что вы, мне нельзя.

– Ну, как знаете... – забормотал Лева, осторожно переступая порог и оглядываясь. – А воровал тогда зачем?.. Ни себе, ни другим, прямо идиотство...

В разные стороны расходились уютные коридоры со множеством дверей без табличек. Никого не было видно, и Кацарчик насторожился.

– Здесь одни двери, – крикнул он. – И нет ни одной таблички, а у меня и ключи без бирок... Могли написать хотя бы, где туалет!

Лева открыл первую попавшуюся дверь и заглянул внутрь.

– Ур-ра! – прокричало сразу несколько сотен глоток, и за огромным банкетным столом подняли бокалы важные генералы в золотых погонах, дипломаты в расшитых мундирах и ослепительные женщины в бриллиантах.

– Слава гениальному Льву Семеновичу Кацарчику, выдающемуся деятелю международного сионистского движения, лауреату Нобелевских и Израильских государственных премий! Пытливому археологу и верному бен-гурионцу, жаботинцу и бен-элиезерцу! Ур-ра-а!

Лева отшатнулся, схватился за ручку соседней двери и дернул на себя, но дверь оказалась запертой.

– Ну, что? – громко спросил снаружи Мейерович. – Эйх ба ган-эдэн, тов?^[12]

– Не скрою, конечно, приятно, – испуганно сказал Лева. – И это что, они так кричать всю жизнь будут, если я останусь?

– Нет. Всю смерть. До Страшного Суда.

– А если другой еврей придет?

– А у другого еврея рай в другой комнате, – просто ответил Мейерович. – За каждым закреплено помещение. Или там, или здесь...

Такая концепция.

– Слушайте, Витя, с каждым может случиться... – мягко сказал за чаем Кацарчик, по-домашнему надев бублик на палец. – Краденое надо вернуть израильскому народу... Есть же много праведников среди ватиков, даже кое-кто из сабр, я уже не говорю про наших олим хадашим. Так куда же им, когда настанет время, податься? А?

– Вот именно! – торжествующе ответил Мейерович. – Теперь понял?

– У вас какие-то антиизраильские настроения, Виктор, – тихо сказал Кацарчик. – Вы не еврей?

– Конечно. Я – Черт. Я же вам говорил.

– Значит, ты не еврей? – ставя чашку на стол, сказал Лева. – Рай у нас украл, сидишь в нашей амидаровской квартире, чай, понимаешь, пьешь...

– Это шиповник с мятой, – выходя из кухни, доброжелательно сказала Софа. – Мы в маколете у Маруси со скидкой покупаем...

– Скидками нашими пользуешься! – перешел на крик Кацарчик и вдруг, коротко размахнувшись, ударил Мейеровича в левый глаз, так что тот вместе со стулом полетел на пол.

Жена Мейеровича сразу хищно зашипела и, обернувшись черной кошкой, бросилась на Леву, чтобы расцарапать лицо, но он быстро ошпарил ее кипятком из чайника. Поднявшийся с пола Мейерович кинулся бодаться выросшими рогами, однако Лева с размаху обломал их сохнутувским стулом и успел еще попасть ботинком по оскаленным клыкам...

На шум соседи вызвали полицию и вовремя, потому что разошедшийся Кацарчик, размахивая схваченной за хвост Софой, гонялся за Мейеровичем, бегающим по потолку и стенам...

... Прошло время. Страсти в прессе улеглись. Лева получил от государства караван в новом поселке под Хайфой и предложение отработать сезон на раскопках. Рай служба безопасности вернула на место, а старика в хитоне уволили, несмотря на квиют.

– Каха ба-арэц, – сказала растерянному и недовольному Кацарчику знакомая ватика бабушка Фира. – Это еще не такое событие для Израиля – нашли ключи от рая или, бихляль^[13], этот рай украли... В Израиле же никто не думает про завтра. Только и заняты этими скандалами в кнессете – брал Дери, не брал, как быть с проституцией, и вообще, или едет ваша «русская» алия, или она уже, бээмэт^[14], вся здесь...

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Во время обеденного перерыва Рахмилович включил приемник и приготовился выслушать сводку новостей на русском языке, но вместо этого радио сухо сообщило: «Если тебе тяжело и ты одинок – обратись в Иран, где тебя выслушают, постараются понять твои проблемы и помочь тебе...»

Мусульманская пропаганда, твердо решил Рахмилович, но на всякий случай записал телефон.

Дома он приготовил чай, закурил «Тайм» и, усевшись на стул, стал обдумывать предстоящий разговор.

Конечно, мне тяжело ящики разгружать-загружать, слушать указания малахольного Ави, – размышлял он, – «кафэ» этот хлебать... В свои пятьдесят я мог бы еще и за кульманом постоять. С другой стороны, и мусульмане, определенно, сволочи... Столько раз против Израиля воевали. И что значит, если ты одинок? Какое, спрашивается, их собачье дело?..

Рахмилович снял трубку и набрал номер.

– Салям-алейкум, – вежливо ответили на том конце. – Слушаем.

– Я по поводу объявления, – сказал Рахмилович. – Это Иран?

– Да, это Исламская Республика. Какие у вас проблемы?

– Вкалываю на овощном складе, а у меня пупочная грыжа, – сообщил Рахмилович. – Тяжело... Ну, а Эмма, жена, ушла еще во время войны в Заливе. И «Жигули» себе забрала, стерва. Так конкретно, чем можете помочь?

– Аллах всемогущ! – сказали в Тегеране. – На все воля Всевышнего! Как вас зовут?

– Меня зовут Женя.

– Так вот, Евгений, все ваши беды оттого, что вы живете среди евреев и занимаетесь сионизмом.

– Я занимаюсь погрузочно-разгрузочными работами, – ответил Рахмилович. – А в Артемовске у нас давно жрать нечего...

– Если вы, уехав из Артемовска, хотите спасти вашу грешную душу, вы должны обратиться к исламу. К тому же, Законы шариата не допускают безобразий, чтобы жена ушла и забрала «Жигули». У мусульман другие порядки!

– Представляете, – сказал Рахмилович, – нас обстреливают из Ирака «скадами», она молча забирает ключи, хлопает дверью, а я как дурак сижу в противогазе...

– Тегеран не питает теплых чувств

к Багдаду. Мы разделяем негодование по поводу коварства подлого Саддама Хусейна и вашей супруги. Но, скорее всего, эти заговорщики действовали по указке израильских сионистов и американских империалистов!

– А зачем империалистам моя «шестерка» и Эмма?

– Много невероятных дел происходит по воле Аллаха, – уклончиво ответили из Тегерана. – Может быть, враги Корана задумали расправиться с дорогим нам всем Акбаром Хашеми Рафсанджани, да продлит Аллах его дни, и решили подослать к нему вашу Эмму с бомбой на русской «шестерке»...

– А как она переедет все границы? И потом, она такая эгоистка, что не станет из-за вашего Акбара рисковать даже за большие деньги.

– Вы плохо знаете женщин и возможности американского ЦРУ, – зловеще сообщили из Тегерана. – За миллион долларов любую неверную можно подбить на подлое деяние.

– А почему вы думаете, что она неверная? – обеспокоенно спросил Рахмилович. – Мы просто поругались. Вы считаете, она спала с Гордоном?

В Тегеране задумались.

– Неверная, Евгений, – это значит не является приверженицей Пророка Мухаммеда, храни и защити его Аллах... Но что она спала с Гордоном, наверняка факт... Однако, если бы ваша коварная Эмма попала в руки исламского правосудия, известного своим усердием и справедливостью, она была бы быстро наказана.

– А вы не могли бы прислать небольшой отряд стражей исламской революции? – с надеждой спросил Рахмилович. – Чтобы задержать мерзавку и изъять автомобиль?

– Не сейчас, – ответили на другом конце провода. – Пройдет совсем немного времени, и весь мир пойдет по светлomu пути ислама!.. Тогда обязательно пришьлем.

– Если не можете прислать стражей, – разочарованно сказал Рахмилович, – то помогите хотя бы деньгами. Я получаю шесть шекелей в час, а за квартиру плачу триста долларов... Вы же по радио обещали помощь! Или это пропагандистский трюк?

– Это не трюк. Просто насчет денег – специальный разговор. Мало вы не возьмете, мы же знаем – «у советских – собственная гордость», а насчет большой материальной помощи из Тегерана – условия давно всем известны.

– Это Салмана Рушди убить? – уточнил Рахмилович.

– Согласно приговору незабвенного аятоллы Рухолла Хомейни, да увековечит Аллах его имя!..

– Но у меня даже заграничного паспорта нет, – попытался увильнуть Рахмилович. – А он прячется не в Израиле.

– Для того чтобы выполнить волю исламского правосудия, наше министерство информации не остановится ни перед какими техническими трудностями. Вы кто по специальности?

– Инженер-проектировщик средств связи.

– Вот и подключайтесь к проекту посылки пластиковых бомб по факсу. А наши шиитские товарищи, агенты исламской революции в Израиле Аббас Сумеречко и Джабар Харчуваха снабдят вас карандашами и ватманом.

– А кто они такие?

– «Хизбалла», которую мы поддерживаем, на самом деле – «Хербалайф». – конфиденциально сообщили из Ирана. – Сумеречко и Харчуваха – полевые супервайзоры и руководят отрядами героев-распространителей. Они вам доставят все необходимое в коробках с диетическим продуктом.

– А эти обстрелы Хизбаллы «катюшами» израильской территории, – удивленно спросил Рахмилович, закуривая новую сигарету, – они что, проводятся в рекламных целях?

– Не только. Ислам также последовательно проводит борьбу против израильских вооруженных сил, партии «Ликуд», социализма и международного сионизма. А в борьбе правоверных против неверных все средства хороши – от лечебно-диетических до военно-рекламных. На джихаде, как на джихаде...

– Ой, вы знаете, давайте заканчивать, – вдруг сказал севшим голосом Рахмилович. – С Тегераном нет льготного тарифа, а мы уже десять минут разговариваем...

– Мы вас выслушали, постарались понять и предложили помощь, – строго сказали в Иране. – Начинайте проектировать. Еще в Коране сказано: «Что начато, да будет завершено!» Работая по заданию иранского правительства и лично имама Хомейни, да откроются пред ним врата рая, вы перестанете чувствовать себя одиноко и приобретете покровительство самого Аллаха! Мы вам перезвоним. Да поторопит Всевышний радость прихода технических решений!

В трубке раздались короткие гудки. Рахмилович вытер со лба пот и бросил в пепельницу сгоревшую до фильтра сигарету.

О своем разговоре с Ираном Рахмилович рассказал знакомому, бывшему следователю по особо важным делам УКГБ по Ворошиловградской области майору Трофиму Реуенко, который служил на том же овощном складе в вооруженной охране.

– Если тебе тяжело и ты одинок, выпей водки и сходи к бабе, – посоветовал Трофим, поправляя за поясом «парабеллум». – А если ты такой идиот, что звонишь в Иран и получаешь задание на передачу взрывчатки, – тебя накроет Всеобщая служба безопасности и тогда уж в два счета выпрут со склада.

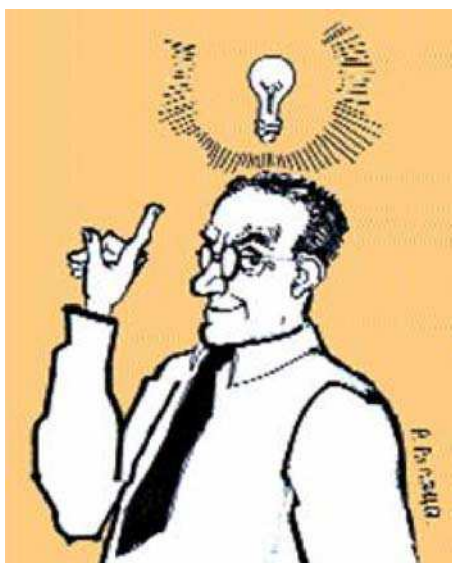
– Так что делать?

– Выкинь все из головы, – предложил майор, деловито беря предложенную сигарету. – Руки у них короткие достать нас в Израиле. Этот Хомейни в тридцатые годы работал на территории СССР в пионерской среде под псевдонимом «старик Хоттабыч». Был разоблачен НКВД, арестован, но в конце сороковых обменен на нашего агента подполковника Шапирмурадова, а не то, что в книжках понаписано... Этот Шапирмурадов, кстати, сейчас старейший член Совета ветеранов в Беэр-Шеве, недавно одно коллективное письмо в кнессет подписывал.

В перерыве Рахмилович включил радио, но вместо новостей услышал: «Граждан, располагающих информацией о деятельности органов КГБ против Исламской Республики Иран, просят позвонить в Тегеран по телефону...»

Сидящий на посту майор Реуенко цинично плюнул, а Рахмилович выключил к черту приемник...

ТРУДОВОЙ РЕЗЕРВ

Один мальчик школьного возраста родил жука, посадил его в коробку и кормил пластилином. Но жук убежал...

Сема Портвейник перевернулся на другой бок, замахал рукой и снова захрапел в усы.

Дора Ароновна шагала по коридору Сохнута в старой каске с рожками и кованых солдатских сапогах. Полтавские и кишиневские евреи боялись и уступили ей очередь к бесплатному адвокату, но Дора Ароновна, плюнув через усатую губу, прошла в мужской туалет...

– Нельзя! – возмущенно закричал Сема, рывком садясь на постели.

– Да, нельзя быть таким паразитом, – сказала жена. – Ты бы еще жидкость для примуса глотал.

– Софа, дай валерьянки. У меня болит сердце, – попросил Сема, который таки пил накануне дешевый «арак» с бывшими друзьями по кооперативу. – Слушай, снилась твоя мама...

– С гранатой? – спросила Софа, капая в рюмку сорок капель.

– Да не с гранатой. Ты, это вот, носков моих новых не видела?

– А зачем тебе новые?

– Ну что ты все в душу лезешь, зачем, зачем! У меня встреча с правительством. Не могу же я пойти в старых носках.

Сема через знакомого электрика в кнессете много месяцев добивался встречи с руководством страны по поводу собственного плана создания рабочих мест. Он по-еврейски обстоятельно подготовился к разговору, включая тезисы на иврите, новые итальянские носки и дезодорант «Мустанг».

– Кажется, я все взял, – озабоченно сказал он, прощаясь с женой.

– Будет звонить из Америки Фима, скажи, если не пойдут на мои условия, так меня здесь и видели. Мы с тетей Фирой, дядей Мариком и детьми едем к нему на виллу в Филадельфию.

В Иерусалиме на тахане^[15] Портвейника встретил сам помощник референта министра труда по общим вопросам, с которым договорился знакомый электрик, и на служебном «пежо-205» отвез в канцелярию. Перед встречей с представителями министерства Сему обыскали и вежливо пихнули в комнату, где заседала комиссия, предупредив, что у него всего шесть минут.

– Шалом, – не теряя присутствия духа, произнес Портвейник.

– Здравствуйте, – доброжелательно сказал председатель комиссии. – Так мы вас внимательно слушаем, господин Винник.

– Я не Винник, а Портвейник, – заявил Сема. – В Израиле, товарищи, жуткая безработица...

– Знаем, знаем, давайте по существу, – потребовал зампреда. – Что это вы там придумали насчет работы?

Сема достал из кармана тезисы на иврите и надел очки.

– Ой, не морочьте голову, говорите по-русски, – закричала с места рыхлая дама в матроске и модных кружевных кальсонах. – Здесь все свои!

– Понимаете, я уже почти пожилой человек, – проговорил Сема, складывая очки. – И я знаю, как надо делать рабочие места.

– А как?

– Строительным материалом, товарищи, могут служить доски, из которых сделаны багажные ящики олимп. Их очень много по всей территории страны. Это – каркас и стены. Термоизолирующим элементом послужат использованные целлофановые кулечки с шука^[16], которые ни один оле хадаш не выбрасывает согласно выработанным в Союзе навыкам. Так что резервы кулечков, товарищи, тоже неисчерпаемы.

– Ну, кулечки, доски, – нетерпеливо проговорил председатель. – А дальше?

– А дальше делаем рабочее место, – Портвейник взял со стола лист бумаги и уверенно нарисовал куб. – Здесь будет дверца, здесь отверстие для электропроводки, с обеих сторон по иллюминатору, а тут пустим отделочную жестяную полосу, чтобы было красиво.

– Слушайте, это какая-то летняя уборная получилась! – недовольно сказал зампреда. – Как у нас в Бобруйске, когда я был маленьким.

– А где вы видите здесь унитаз?! – набросился на него Портвейник. – А место для рулона?

– При чем тут унитаз? – пожал плечами зам. – В Бобруйске тоже не было унитаза...

– Хаим, дайте ему договорить, – вмешался председатель. – Человек не мог знать, что вы из такого места, не надо нервничать. Продолжайте, мужчина.

– Это, в общем, все, – заключил Сема, откладывая карандаш.

– Я что-то не поняла, – произнесла дама в кальсонах. – Так на рабочем же месте людям надо работать...

– Ну и пусть работают, – ответил Сема.

– Так там же надо деньги зарабатывать!..

– А вы что, не сталкивались здесь, в Израиле, что на рабочем месте не платят? – сурово осведомился Портвейник, обводя комиссию тяжелым взглядом.

– Да, кстати, о деньгах, – немного смутившись, по существу задал вопрос председатель. – Какова себестоимость вашего рабочего места?

– Ровно триста шекелей.

– А оно надежное?

– Абсолютно. На болтах, с контргайками.

– А знаете, такое – каждому новому репатрианту по карману, – вдруг задумчиво проговорил религиозный член комиссии в кипе, с бородой и пейсами. – А наша партия выбьет фонды на мезузы.

– Нет, я понимаю, если бы это был какой-то агицн-трактор с мотором, – не унималась рыхлая дама в кальсонах, – тогда это на что-то похоже. Но здесь даже нету никаких железных рукояток...

– Слушайте, Циля, что вы придираетесь, – прервал ее председатель – Какие рукоятки? Заладили – похоже, не похоже. Наша генеральная линия – создание рабочих мест. А чтобы было совсем как настоящее, надо сделать немножечко трудностей, чтобы можно было получить только по благу, через дядю там, тетю, я не знаю кого. Это буквально первое конструктивное предложение, которое я слышу за последние полгода. Кроме того – совсем недорого, я уже не говорю об экологии.

– Сначала, товарищи, можно делать прямо из неструганных досок, – заговорщицки добавил Портвейник. – Потом постепенно улучшать отделку, красить, подводить телефон, воду, канализацию, – он злобно посмотрел в сторону зама, – можно со временем и кухню пристроить, и туалетик.

– Я знал, что туалетом кончится, – желчно сказал зампреда. – Я – против!

– Проголосуем, – распорядился председатель. – У нас демократия. А вы, мужчина, пока выйдите.

– Господин Винник, – сказал через пять минут председатель, выглядывая из комнаты. – Оформите ваш проект у секретаря в виде правительственной программы, пусть отпечатает и принесет.

... Теперь на севере и в центре страны созданы промышленные парки «Таасия алия». Свежесколоченные рабочие места разбиты на кварталы, а кварталы – на участки.

На рабочих местах трудятся новые репатрианты. Они сидят в дверях своих кубов под новенькими мезузами и с озабоченным видом пьют растворимый кофе. Многие взяли свои места в рассрочку, а некоторые получили от Сохнута и Джойнта безвозмездную ссуду, но все, конечно, по благу.

– А в чем заключается ваш производственный процесс? – спрашивают розовощекие янки, осторожно трогая шершавые доски с надписью: «Гозенфельд Фаня. Жмеринка-товарная – Ашдод».

– Здесь каждый на своем рабочем месте свидетельствует, что деньги, жертвуемые на жизнь евреев в Израиле, используются по назначению, – с гордостью объясняет бестолковым туристам научный директор парков «Таасия алия» господин Портвейник. – Мы – живем!

– О`кей, – кивают американцы. – А как у вас поставлен контроль качества?

– Очень высоко, – охотно отвечает Сема. – Независимая группа ревизоров под руководством пенсионеров Далетмана и Ерухимовича день и ночь сравнивает факты нашей жизни с жизнью при советской власти в Гомеле и Черкассах и, если разница не в пользу Израиля, разворачиваются скандалы в крупных русских газетах и запускается кампания по рассылке писем еще не выехавшим родственникам.

В целом же отрасль характеризует стремление к достижению высоких показателей. Поэтому постоянно действует соревнование на лучший японский автомобиль по олимповской льготе и на новый просторный «Амидар» в престижном районе. На девяносто шесть процентов возросло потребление кошерных колбасок «Зоглобек» и стереомагнитофонов, а использование в перекурах папирос «Беломорканал» и сигарет «Прима» сведено к одному проценту...

«Потрясающе! Нам в Израиле все очень нравится, – пишут в прошнурованной книге отзывов довольные янки. – Только вместо японских все-таки лучше покупать американские автомобили и еще – в соответствии с нашим федеральным стандартом про мужчину надо говорить не “ху”, а “хи”, а про женщину – не “хи”, а “ши”. В остальном же американские деньги расходуются по назначению»...

Портвейника забрали в милуим^[17], однако на медкомиссии он оказался рыжей фигуристкой, и тогда его отвели к известному воспитателю.

– Винник, зачем вы пипу трогали? – строго спросила Крупская. – Видите, что случилось.

– Ни хрена не случилось! – бесшабашно заорал спящий в своем директорском кресле Сема. – Да я генерал-майор армии трудового резерва!! Понимаешь, указывать она мне будет, хрычовка старая!

ДРОЗДЫ ПРАВЛЕНИЯ

К 90-летию со дня рождения Д. Хармса

По ночам Лизин муж пронзительно храпел. Лиза во сне раздражалась, так как ей казалось, что звонит телефон. В конце концов она поскандалила на телефонной станции,

чтобы прислали монтера. После ремонта муж перестал храпеть, однако телефон продолжал работать плохо, потому что в пять часов утра зазвонил, а когда Лиза схватила трубку, то услышала на иврите требование явиться в кнессет на ближайшее заседание.

– Теудат зеут^[18] брать? – хрипло спросила Лиза, шаря в потемках карандаш.

– Брать, – приказали на другом конце. – Копию трудовой и характеристику с последнего места работы.

– А я в Израиле еще не работала, – испугалась Лиза.

– Значит, с места, на котором еще не работали, – неопределенно ответили из Иерусалима и дали отбой.

– Как это, с места, на котором еще не работала? – спросила утром Лиза у мужа.

– Идиотка... Вон, из самого кнессета звонят, может, работу чистую предлагают, а она дурацкие вопросы задает, – возмутился муж. – Ты королевой была?

– Нет. Я же, Боря, инженер-технолог по аккумуляторам.

– Ну, я тебе сам напишу, – сказал муж. – Мне в комиссионке уютно в бланки Иерухамского монархического общества завернули. Дай ручку с черной пастой.

Лизин муж написал, что по работе на троне тов. Фишман Елизавета характеризуется положительно, постоянно участвует в общественной жизни двора, активно борется за чистоту престола и прилегающей территории, высоко несет звание Ее Величества, в быту скромна, морально устойчива, политически грамотна. Рекомендована местным комитетом к выезду с королем Борисом на монархическую работу в центральный район. Характеристика дана по месту предьявления.

– А мы ж в Иерухаме ни разу не были, – сказала Лиза.

– Оставь! Полно монархов по всему миру находится в изгнании. Сегодня Иерухам, вчера Кирьят-Ям, завтра Шизафон... какая разница. Ты, главное, на образование напирай – индустриальный техникум и заочный политехнический. В кнессете в первую очередь на диплом смотрят.

Лиза поехала на автобусе в Иерусалим, предьявила на проходной теудат зеут и ее без разговоров пропустили в парламент.

– Здравствуйте, гверет Фишман, – сказал ей председатель комиссии по общественным делам. – Вы говорите по-русски?

– А я только по-русски и говорю, – ответила Лиза.

– Есть мнение привлечь вас к ответственной общественно-политической работе. Бумаги привезли?

Лиза открыла сумку и достала пачку документов. Председатель надел очки и стал читать.

– Индустриальный техникум – чепуха, – отмахнулся он. – А вот что вы царствовали в Иерухаме – замечательно.

Это правда?

– А как же, – соврала Лиза. – У меня и характеристика подписана.

– Тогда идемте сейчас в зал заседаний, оформим это голосованием.

В зале шли прения, распаренные депутаты ругали какого-то члена кнессета Ицика, который бил жену и пропускал сессии парламента, потом толстый дядька в пейзажах сказал на выступающего «гой» и ловко плюнул в его сторону, а араб с черными усами, поднявшись на трибуну, призвал бороться за увеличение алии из России.

– Дурак, что ли? – спросила Лиза у председателя, который ей переводил.

– Это такие политические интриги, – объяснил председатель. – Потом все вместе идут в буфет пить кофе. Демократия.

Наконец, перешли к повестке дня, и спикер объявил, что Израиль нуждается в царе. Все замолчали и посмотрели в сторону председателя комиссии по общественным делам.

– А что такое? – вставая, сказал председатель. – Традиции монархии утрачены две тысячи лет назад, надо восстанавливать. Приехали подготовленные кадры. Хочу вам представить Ее Величество гверет Елизавету Фишман.

– А она из дома Давида? – подозрительно спросила по-русски депутатша от коммунистической партии.

– Из дома Давида Соломоновича Мищука, – уточнила Лиза.

– Он был помещик?

– Он был Мищук.

– Конечно, монархия! – закричали с мест сразу несколько депутатов. – Свита, венец, дворяне. У нас как раз и конституции нету! – но спикер начал стучать на них деревянным молотком, и они замолчали.

Тогда поднялся молодой депутат Рабинович.

– Да, монархия, но только в демократической форме! – строго подытожил он. – Мы будем проверять каждые полгода. Специальная парламентская комиссия и ведомство государственного контролера!

– А тебя, Рабинович, первого, – себе под нос тихо сказала Лиза.

– Что – первого? – не расслышал председатель. – Повесить?

– Да.

– Вы с этим подождите, пожалуйста, – попросил председатель по общественным делам. – Еще не состоялось голосование.

Тем временем к Лизе важно подошел депутат от религиозной партии и стал ее внимательно рассматривать.

– Слушай, ничего. Ты мне нравишься, – сказал он. – Только обязательно постригись, и мы тебе зубы вставим.

– Да я сама могу сделать так, что тебе все зубы вставят, – неожиданно на чистом иврите ответила Лиза.

Депутат шарахнулся в сторону, а председатель показал Лизе большой палец.

– Надо решить вопрос о престолонаследии, – сказал спикер.

– Никаких династий! – снова вскочил Рабинович. – Наследника престола будет выбирать кнессет большинством в шестьдесят один голос.

– Вот собака, – сказала Лиза. – Пусть спасибо скажет, что мы не привезли вам красное знамя...

Вопрос поставили на голосование, и Лизу большинством избрали на царство.

– Землю не отдавать! Земля теперь королевская! – обрадованно закричали депутаты правых партий. – Как завещано в первоисточниках!

– А третий государственный язык, – заявила Лиза, – будет русский с еврейским акцентом. И русские в Израиле первыми в космос полетят!

В качестве дворца за Лизой закрепили отремонтированный трехэтажный матнас^[19], дали «Вольво» с водителем и сотовый телефон в кожаном футляре.

– А на кой нам водитель? – при всех спросил на коронации Лизин муж. – У меня ж права есть. Лучше я и эту ставку получать буду.

– Какая ставка, ты теперь король, – зашипела на него Лиза. – Надень корону и стань в сторону.

Заняв престол, Лиза сейчас же напечатала в газетах объявления, что требуются аристократы на полную ставку, кавалергарды и работники свиты.

– Какие дворники? Дворяне! – кричала она в сотовый телефон. – Не швабра, а шпага! Купите себе на тахане мерказит!

Лизин муж сначала скучал во дворце по русским газетам, но потом вспомнил, что был когда-то младшим лейтенантом запаса, взял саблю и стал заниматься с кавалергардами строевой подготовкой.

«Раньше кавалергарды были усатые, а теперь носатые, – желчно написал в Москву корреспондент “Правды”. – Вот и в Израиле появилась монархия. А зря. Еще в каком-нибудь Свердловске расстреляют...»

Подданные из новых репатриантов, бывшие жители Горловки, Белгорода и Саратова за Лизу очень радовались и писали письма.

«Ваше Преосвященство, – написал пенсионер Моисей Щупак из Бат-Яма. – Мы тут за вас надеемся, что теперь дрозды правления будут в крепких руках. Они в Израиле говорят, что все русские – проститутки, а у нас, понимаете, не только проститутки, а царицы, ветераны и образованные работники умственного труда. Мой зять работает бухгалтером на птицефабрике, и начальство дает ему бесплатно курей».

Правда, один пьяница Киселев из Кирьят-Гата сказал корреспонденту «Едиот ахронот»:

– Жиды продали Россию. Они, ептать, и Израиль продадут! Чо вылупился?

Но в целом пресса положительно отзывалась о правлении королевы Елизаветы и короля Бориса.

Космической программой занялись летчики Сима Гагарина и Берман-Титов. Правда, на ракету денег не хватило, и Лиза объявила среди репатриантов сбор средств на постройку дирижабля.

– Слушайте, диктатура всегда с этого начинается, – предупреждал один старый диссидент. – В тридцатых товарищ Сталин тоже занимался воздухоплаванием, а поэт Лебедев-Кумач не хотел давать денег на дирижабль. Так этого Кумача чуть не расстреляли, перестали хвалить и не дали орден Ленина. Куда мы идем?

Однако старых диссидентов никто не слушал, все устраивали свою светскую жизнь, ругались из-за титулов и не учили иврит.

А когда в торжественной обстановке готовый дирижабль надули, он лопнул и Берману-Титову оторвало палец. А еще взрывом повалило яблоню, которую когда-то на Первое мая посадила Голда Меир.

– Ни черта не умеют, – сердито сказал депутат кнессета Рабинович. – Пора собрать комиссию и заслушать отчет государственного контролера.

Лизу и Бориса пригласили в кнессет, и Лизе сразу не понравилось, что вместо трона подали пластмассовые стулья.

В своем докладе государственный контролер перечислила ошибки и факты некомпетентности особ, приближенных к монарху.

– Например, Барон Аркадий получал зарплату четыре тысячи шекелей, – сказала контролер, – не являясь представителем высшей знати в действительности. Барон – это просто его фамилия по теудат зеуту. Имеется справка из Министерства внутренних дел.

Также чины еврейской конной королевской полиции вместо лошадей ездили на пони на том основании, что страна маленькая. Это привело к тому, что посол Великобритании направил ноту нашему правительству, где жаловался, что при погоне за преступниками мимо посольства конные полицейские отвратительно шаркают подошвами по мостовой.

Чета Фишманов, – сказала контролер, – и после коронации получала пособие по безработице, что противозаконно, поскольку монархи имеют действующее дело в виде Израиля.

«Русские репатрианты по своему менталитету скорее склонны к влажным уборкам и вооруженной охране, чем к аристократической деятельности, – злобно повторил слова Рабиновича диктор в выпуске теленовостей. – Сегодня решением кнессета Фишманы лишены престола, двор распущен, а приближенные получают письма об увольнении».

Недовольные Лиза с мужем вернулись на съемную квартиру.

– Сволочи, – сказала Лиза. – Ну, подумаешь, дирижабль лопнул.

– Кавалергардов жалко, – вздохнул Борис. – А Рабиновича и без нас повесят.

Лизин муж по ночам снова стал храпеть, а Лизе опять начало казаться, что звонит телефон. Она сообщила на телефонную станцию, и оттуда прислали монтера.

– Так, в чем дело? – спросил монтер и полез в аппарат отверткой.

– Меня свергли, – сказала Лиза, – а тут еще телефон сломался.

– Я живу в Израиле уже двадцать лет, здесь каждый должен съесть свою порцию дерьма, – ответил монтер.

– А как же насчет земли, текущей молоком и медом? – возмутилась Лиза. – Ничего себе, мед!

– Надо принимать понемногу каждый день, как все.

– Но ведь вы же не пьете ваш чертов кофе с дерьмом! – закричала Лиза.

– А у меня квиют^[20], – заявил монтер и посмотрел на Лизу светлыми глазами.

^[1] Ἰ οἱ ἐοῦεῖ ἀεὶ ἡμεῖς τὴν ἐξουσίαν τὴν ἀληθινὰν τὴν ἀπὸ τοῦ οὐρανοῦ (ἐὰν).

^[2] *×οἱ πῶς-εἰπῆτε? (ἐὰν)*

^[3] *Ὅτι-ὁ ἀληθὴς ἁ δὲς (ἐπὶ τῆς. ἐὰν)*

^[4] *Ὁὐ δυνάμεθα? (ἐὰν)*

^[5] *Ἄ ἢ ὄναρα (ἐὰν).*

^[6] *Νετῆρες ἀλλὰ τί ἐστὶν ἡ Ἐξουσία? (ἐὰν).*

^[7] *Ὅτι ἐὰν δὲ ἀν (ἐὰν).*

^[8] *Ἰ ἀληθῆς (ἐὰν).*

^[9] *Ἐὰς ἀπὸ (ἐὰν).*

^[10] *Νοῦν ἐστὶν ἀλλὰ (ἐὰν).*

^[11] *Ὅτι-ἐοῦεῖς ἐοῦα (ἐὰν).*

^[12] *Ἐὰς ἁ δὲς, οἱ οἱ οἱ? (ἐὰν).*

^[13] *Ἄ ἢ αὐτὰ (ἐὰν).*

^[14] *Ἰ ἁ πᾶσι τὴν ἀπὸ (ἐὰν).*

^[15] *Ἰ πᾶσι τῆς (ἐὰν).*

^[16] *Δύο τίς (ἐὰν)*

^[17] *Ἄ ἢ ἡ ἡ ἀπὸ οὐ (ἐὰν).*

^[18] *Ὅτι πᾶσι τῆς ἐὰς ἐπὶ-ἡ ἡ πᾶσι (ἐὰν).*

^[19] *Ἐξουσία (ἐὰν).*

^[20] *Ἐπὶ οὐ ἡ πᾶσι τῆς ἡ δὲς οἱ ἐὰς (ἐὰν).*

ИЗ НАШЕЙ АПРЕЛЬСКОЙ ПОЧТЫ

Дорогая редакция!

О том, что в журнале великолепна каждая рубрика, вам говорят в каждом письме, поэтому не буду повторяться. Пару слов о том, предстояла ли советским евреям депортация («Лехаим», 2001, № 3. В 1952-м или 53-м году я пришла к бабушке Ваксман Александре Анисимовне и застала ее расстроенной, испуганной. Она сказала, что в их доме по ул. Исполкомовской, 31 города Днепропетровска переписывали все еврейские семьи. Русской соседке, которая требовала, чтоб ее семью тоже записали, объяснили: «Вас не надо переписывать». Бабушка, помнившая еврейские погромы, говорила, что списки эти не к добру. Мне тогда было 14 лет. Я хорошо помню, как после смерти Сталина родные радовались, что теперь нас не вышлют.

Н. Айвишадя

Айвишадя

Здравствуйте, уважаемая редакция!

Прочитал статью А. Козака «Абраша и Даша» и отклики на нее. Самое первое – автор абсолютно точно выявил тенденцию, которая, к сожалению, до сих пор существует. Некоторые возмущенно пишут: вот, мол, в нашей семье прекрасные межнациональные отношения... Но, позвольте, господа, автор не говорил, что нет таких семей; он сказал лишь, что нет семьи, где родственник-нееврей целиком и полностью перешел в еврейство, стал ходить в синагогу и порвал отношения с родственниками-нееврейцами. Зато ситуацию с точностью до наоборот каждый из читателей «Лехаима» без проблем припомнит.

Такая тенденция, к сожалению, характерна не только для нашей страны. В США с их мощной еврейской общиной, отсутствием (как было в СССР) государственной юдофобии то же. Всего две цифры: если в 40-х годах там было порядка 6 миллионов евреев, то сейчас их уже только около 4,5. Не ставит барьеров на пути смешанных браков и закон о возвращении, принятый в Израиле.

Отсутствие духовного единства приводит к тем событиям, о которых каждый может прочесть в заметках о ближневосточных проблемах. Мирные, ненасильственные средства ассимиляции и духовная слабость даже лидеров народа приводят к тем последствиям, о которых Оман, Б. Хмельницкий, Гитлер только мечтали.

Иногда к ассимиляции людей толкает демографическая ситуация в стране проживания. В таком случае стоит посмотреть, например, книгу Рамбама (Маймонида) «Путеводитель колеблющихся». Если не можешь исполнить свое предназначение в этом месте, исполни его в другом.

А. Шаодайя

А. Шаодайя

Дорогой «Лехаим»!

Я – еврей, хотя по религиозным канонам не принадлежу к иудейству. Я еврей по духу и думаю, что гораздо важнее то, кем ты сам себя считаешь. Бывают семьи, в которых оба родителя – евреи, а дети себя считают православными, ходят в церковь и т.п. В биологии есть такие понятия как генотип и фенотип. Первое – это наследственная информация, как бы «инструкция», по которой должно происходить строительство организма. Второе – это результат выполнения «инструкции», который зависит от внешних условий (окружающая среда, питание, болезни и т.д.) То есть генотип – то, что закладывается в нас природой, а фенотип – что мы сами из себя создаем. Так вот, именно фенотип играет первую роль в духовном формировании личности.

Я – еврей. По крайней мере, им себя считаю. Об этом знают многие мои друзья, знакомые и учителя, но ни разу я не замечал, чтобы им было неприятно со мной общаться из-за моей национальности. Главное – это быть человеком, быть им «внутри», а не «снаружи»...В театре есть два, на мой взгляд, очень важных канона – «Быть, а не казаться» и «Следить за содержанием, а не за формой, потому что форма всегда принимает вид содержания». Если бы люди руководствовались этими принципами, то давно бы научились нормально общаться друг с другом...

Большое спасибо, что вы несете людям свет культуры, религии. Надеюсь, и в будущем журнал будет следовать советам Ребе: «Слова, идущие от сердца, входят в сердца».

Я написал небольшое стихотворение. Не судите его слишком строго – в 16 лет жизнь видится в особом свете.

Ñèè ò àèüüú,

Âú âîëã ò àðí àèè.

Í àðíá ì íé - ááðáè,

Í á äíè, í á í ääèè - âîéà

Âú áúèè í éáááè

Áëÿ í àèóáááá

Í í ÷ òí ííè çí àèè ò í äüà!

Ââñ ÷ àñò í ñè áàèè,

Í í í àò, í á ñèí ì àèè

Âàø äóó, è áí âáðà ñèèüí à

Âú âúèè èç ðááñò áá,

Í í âàèè ì ú ò àðñò áá

Í á çàááðø èèèüí ò í äüà

*Âû âiøèè, ñèè ò àèüüú,
Í î ì èðó ñèè ò àò üüÿ
Áàç ì èùè, áàç èðí àà, áàç ñí à
Êàè àì èã - í à çí àèè,
Í î âáðó àñàèÿèè
Áðóá á áðóá. È àáðà ñí àñèà
Âû ì í íã ñò íéà ò èé,
Êàè í à í áðàèðáñò úá
Òðàññè ðòò ù àã ì áÿ.
Áàñ áèèè, ñò àñèèè,
Í àì àèì î ñè èñèèè,
Í î áí èüø á óè á í è è í ñí à
Òàø è ñò ñè í á ñò ò î -
Êíø ì àðí àá ÿò íã
Í á áúèí, àè àè ì í, àí áé.
Í î áóì à ò ù ááñ á: í î,
Áàñ: àè í áá: í î
Êàçí èèè í áàè í í úð èò ááé!
Âû ì í íã ò àðí àèè,
Í áðí á ì í é - ááðàè,
È ñ áàì è ñòðí àà ñóüüáà
Í à çàçáí í ñí áàçàèüò á
Í à èèè ì í à àñò àèüò á
«Í ò í ú í á óè á í è è í ñí à...»*

Í ò áñã ñáðáò

Á. Áéðáðááð

Дорогая редакция!

Я читаю ваш журнал около трех лет – с тех пор как у нас в Архангельске было основано Общество еврейской культуры, и я стала его членом.

Не скрою, бывает иногда в журнале что-то, что душа не принимает, но в целом я люблю его и читаю на одном дыхании. А написать вам меня заставила статья А. Козака «Абраша и Даша» (№8, 2000).

Я алахическая еврейка, а муж мой был русским – первым русским во всем нашем семейном клане. Я прожила с ним 40 лет, и годы эти пролетели так быстро, как дуновение ветерка. У нас два сына, невестки, внуки... Муж в одночасье умер, и осталась я одна. Кто знает, что такое одиночество несмотря на большую семью, поймет меня.

Но ближе к делу. Мысли А.Козака мне чужды, его работу неприятно было читать. Впредь хочется попросить вас: не печатайте ничего подобного, не надо портить журнал!

Наши смешанные браки, я думаю, всегда по любви. Так и должно быть. Я не знаю брака, который бы распался («если не сразу, то постепенно распадаются», пишет А.Козак). В Архангельске много смешанных браков, и они могут служить образцом. Да, дети у нас «половинки», но они никогда не предавали своих родителей-евреев. Пусть приедет в наш город А.Козак. Коль скоро он не встречался с нормальными людьми, я его познакомлю.

У нас в городе есть теперь община. Руководитель ее – молодой человек родившейся от смешанного брака. Слышали бы вы его! Как он предан делу, которое начал. Я год посещала проводимые им Субботы.

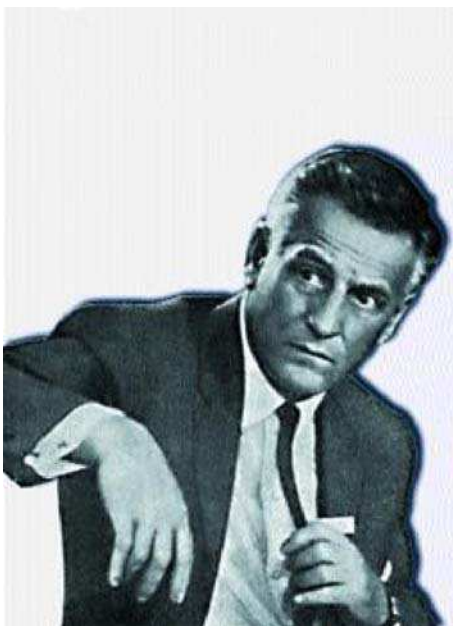
Сейчас открывается «Хэсед» для людей «золотого» возраста. Мы знаем, там будут алахические евреи, но «половинкам» и «четвертинкам», если они считают себя евреями, дорога к изучению еврейских традиций и истории открыта. Вот такие дела, Анатолий Козак. Очень хотелось бы получить от Вас ответ.

Á. Ááðëáí çí í-í áñëáñòü, áðá-

ПРОЩАЙТЕ, МИСТЕР КРЕЙМЕР!

Αἰὸ ἰεὲ Ἐἴσαε

В Лос-Анжелесе в возрасте 87 лет скончался Стэнли Креймер (Крамер) – выдающийся продюсер и режиссер, легенда американского кино, человек, чье имя хорошо знакомо кинозрителям многих стран мира.

В конце войны в горячке последних ожесточенных боев в Западной Венгрии, где наша 11-я воздушно-десантная бригада заканчивала разгром танковой группировки противника, мне не раз приходилось допрашивать пленных. Все они были, что называется, еще «тепленькими» и, почему-то страшась немедленного расстрела, отвечали охотно, многословно, униженно заглядывая в глаза. Помню, меня – девятнадцатилетнего паренька, поражало, что все они на вопрос о своей военной специальности отвечали одно и то же, словно заранее сговорившись: «повар», «ездовой», «рядовой полевой почты»... Получалось, что воевали мы не с дивизией «Мертвая голова», а с какими-то тыловиками, которые за годы войны даже муху не обидели. Позже я понял, в чем причина этой лжи: каждый в ужасе перед ответом за злодеяния своей армии боялся персональной ответственности.

Вернувшись домой в Саратов, где было много военнопленных, я, часто наблюдая за ними, и здесь растерянно думал: «Неужели эти симпатичные ребята, приветливо раскланивавшиеся с каждым прохожим, вешали партизан, поджигали украинские хаты, отлавливали, как гончие добычу, евреев, стариков и детей?..»

Германия... Колыбель европейской культуры, родина Гегеля и Канта, Гёте и Гейне, Иоганна Шиллера и Бетховена, Генриха и Томаса Маннов, Макса Рейнхардта, Вагнера, Эйнштейна, — славные эти имена можно продолжать и продолжать... Как страна, одной из первых в Европе открывшая более двух тысяч лет назад двери перед евреями, пришедшими сюда еще с римскими легионерами, давшая по существу евреям второй язык — идиш, смогла так быстро опуститься, охотно взявшись за изуверскую, кровавую работу

по тотальному уничтожению этого малого народа? Роковой вопрос не решен до сих пор, несмотря на миллионы статей, книг, капитальных исследований.

Еще в тридцатые годы в СССР было создано несколько антифашистских фильмов, таких как «Болотные солдаты», «Семья Оппенгейм», «Профессор Мамлок». В годы войны фильм «Человек № 217» с беспощадной обличительной силой показал, что происходит с обычной немецкой семьей, когда людей обуревают идеи фашизма. Но почти во всех без исключения картинах такого рода гитлеровцы представляли перед нами как бы уже «готовенькими» нацистами, негодяями чуть ли не с пеленок. Мы не наблюдали самого процесса превращения добропорядочного человека в хладнокровного убийцу, палача, садиста.

Гадкий утенок превращается в прекрасного лебедя, малосимпатичная мохнатая гусеница становится очаровательным мотыльком – такая логика присуща жизни: природа стремится к совершенству! Что же в просвещенной Германии послужило регрессу, такой чудовищной деградации? Увы, хоть какого-то относительно вразумительного ответа на этот вопрос даже такое богатое по своим возможностям и массовое по увлеченности им искусство, как мировое кино, дать не смогло.

И тогда за дело взялись два еврея. Это были Эбби Манн и Стэнли Креймер.

Эбби Манн, тогда еще начинающий теледраматург, сразу прославился своей антифашистской пьесой «Суд над судьями», которая поставила его в ряд крупнейших сценаристов. В дальнейшем он принимал участие в известных кинопроектах с прославленными драматургами и режиссерами мира. Главным в его творчестве стала не погоня за новомодными формальными ухищрениями, а стремление разговаривать со зрителем языком публицистики, чтобы как можно достовернее отражать окружающую жизнь.

Очевидно, именно это совпадение творческих устремлений и позволило Манну сблизиться с Креймером – уже в то время видным независимым продюсером и режиссером. К слову сказать, недавно в некрологе в одной из российских газет некий критик поведал, что в советские времена фамилия эта намеренно искажалась на Крамер. По-видимому, чтобы звучала не так по-еврейски.

Что касается биографии Стэнли Креймера, мы о ней почти ничего не знаем. Материалы о его происхождении у нас не публиковались. Остается только предположить, что предки его были иммигрантами, перебравшимися из Европы в Штаты, как, впрочем, и почти все американские евреи. Не лишним будет упомянуть, что фундамент могучего американского кино закладывали как раз дети гомельских, одесских, лодзинских портных, раввинов и клезмеров. Киноконцерны – гиганты «Метро-Голдвин-Мейер», «Парамаунт», «XX век Фокс», «Уорнер Бразерс» создавались в свое время продюсерами-евреями.

Продюсером был поначалу и Креймер. Окончив Нью-Йоркский университет, он сменил немало профессий: был редактором, сценаристом, сотрудником исследовательского киноцентра, потом, после участия во второй мировой войне, стал заниматься организацией постановок фильмов, создав независимую от Голливуда собственную кинокомпанию, за что получил прозвище «Одинокий волк».

Дела Стэнли на этом поприще шли успешно – он финансировал и организовал постановку 40 фильмов, среди которых немало нашумевших кассовых картин. И тем не менее Креймер не был вполне удовлетворен своей работой: ему хотелось самому

командовать на съемочной площадке, выразить свое видение мира с помощью актеров, операторов, художников обращаясь к зрителю напрямую – через экран.

Подобное явление в кинематографе не редкость: среди видных режиссеров мира найдется немало бывших операторов, художников, сценаристов, актеров...

С 1955 года Стэнли Креймер стал режиссером.

Кадры из фильма «Суд в Нюрнберге».

Уже с третьим фильмом «Не склонившие головы» (в советском прокате «Скованные одной цепью») к нему пришел заслуженный успех. В этой работе Креймер реализовал свое главное кредо. Он не раз подчеркивал, что стремится своими фильмами воздействовать на общество, и каждая его работа прежде всего – это социальный призыв.

Таковыми и были антирасистская, протестующая против войны драма «На последнем берегу», экономический триллер «Оклахома, как она есть», политический триллер «Принцип домино», сатирическая комедия, критикующая американский образ жизни, «Этот безумный, безумный, безумный, безумный мир»... Всего Креймер поставил 16 фильмов.

Но самым острым, самым актуальным, если так можно выразиться, «горячим» стал «Нюрнбергский процесс», поставленный по пьесе Эбби Манна в 1961 году.

Многие воспринимают эту ленту как рассказ о Международном трибунале над гитлеровскими военными преступниками. Это не совсем так. Взяв за основу пьесу «Суд над судьями», Креймер решил средствами кино ответить напрямую, без обиняков и околичностей, как человек становится преступником.

Фильм освещает один из второстепенных по масштабу «малых» процессов, организованных американцами в Германии над юристами, проводившими в жизнь так называемые «нюрнбергские законы», в частности осуждающие за связь с лицами еврейского происхождения.

Здесь хочется отметить одну любопытную деталь. Фильмы о германском фашизме создавались многими видными режиссерами. Кто же охотнее всего брался за эту тему? Простой арифметический подсчет убедительно показывает: в большинстве своем это были евреи. И здесь ничего удивительного. Страшные последствия Катастрофы сделали каждого еврея ярким антифашистом. Возьмем советское кино: Александр Мачерет, Григорий Рошаль, Герберт Раппапорт, Михаил Ромм, в более поздние времена – Юлий Райзман, Татьяна Лиознова с Юлианом Семеновым (Ляндресом), создавшие «Семнадцать мгновений весны», Леонид Горовец и Александр Борщаговский – «Дамского портного».

Даже в антифашистской прозе и публицистике ярче всего себя проявили евреи – Илья Эренбург и Василий Гроссман.

Мне могут возразить: разве неевреи не создали выдающихся произведений об Отечественной войне, героизме фронтовиков, партизан и разведчиков?! Бесспорно, создали. И все же у евреев особая боль: никогда и никому не пожелаешь того, что пришлось пережить нашему народу. В редкой еврейской семье не были сожжены, замучены, расстреляны родители, братья, сестры, старики и дети ТОЛЬКО ПОТОМУ, что родились евреями. Отсюда и потребность выразить эту не утихающую боль.

Именно поэтому обратился к «Нюрнбергскому процессу» и Креймер.

Как всегда, он привлек к работе крупнейших кинозвезд – Марлен Дитрих, Максимилиана Шелла, Монтгомери Клифта, Джудит Гарланд, Берта Ланкастера и на главную роль – великого Спенсера Треси. Впрочем, в этом фильме каждая роль – главная. Это и вдова немецкого полковника, казненного за военные преступления, никак не желающая смириться, что немцам придется отвечать за согласие с идеями Гитлера. Это и защитник подсудимых на процессе – немец, отчаянно, изо всех сил старающийся оправдать подсудимых и Германию в их лице. Это и несчастный, стерилизованный в гитлеровском госпитале сын коммуниста. Это сломленная, замордованная фашистами немка, которую преследовали за дружбу с евреем. И это блистательно сыгранный немецкий юрист, известный ученый-правовед, только теперь, в зале суда, осознавший свою меру ответственности за лагеря смерти, изобретенные для человечества гитлеровской Германией.

Особенно интересна и значительна роль главного судьи на процессе – Хейвуда. Он ничего не хочет принимать на веру, старается быть предельно объективным и не поддаваться эмоциям даже после просмотра в зале суда документальных кадров, снятых в концлагере Дахау. Этот человек самостоятельно хочет дойти до сути дела, чтобы самому себе ответить на вопрос, знали ли немцы все, что творилось в Германии, и как дошли они до такого чудовищного предела... Буквально днем и ночью его мучает один и тот же вопрос: как могли немецкие судьи, правоведы, которым доверено охранять закон и правопорядок, забыть о своей священной обязанности, предать закон и вместе с этим свою честь? И Хейвуд добивается ответа!..

Вдова гитлеровского полковника клятвенно заверяет судью, что ее муж ничего не знал о лагерях смерти:

– Он ничего не знал! Говорю вам, он не знал! Это Гиммлер! Это Геббельс! Это они знали обо всем, что происходило. Эссэсовцы знали. А нам ничего не было известно!

Но размышлениям Хейвуда подводит итог последнее слово подсудимого юриста Яннинга, прозвучавшее на процессе:

– Говорят, что мы ничего не знали. Не знали?! Где же мы были в то время? Где были мы, когда наших соседей волокли среди ночи из дома, чтобы увезти в Дахау? Где были мы, когда на каждой станции, на каждом разъезде стояли вагоны для скота, набитые детьми, которых увозили Б-г знает куда? Мы были глухи! Немы! Слепы! Быть может, мы и не знали подробностей. Но если это и так, то мы не знали их только потому, что не хотели знать!

В конце фильма судья в последний раз встречается с Яннингом, осужденным на пожизненное заключение вместе со своими «подельниками».

– Я не знал, что это так обернется, – все еще пытается оправдываться Яннинг, – вы должны поверить мне. Вы должны поверить мне...

Хейвуд молча смотрит на стоящего перед ним в тюремной камере зрелого, находящегося в здравом уме человека, ни за что не желающего нести ответственность. Затем объясняет ему просто, как слабоумному или ребенку:

– Герр Яннинг. Это так обернулось в тот момент, когда вы впервые приговорили к смертной казни человека, зная, что он невиновен.

Так завершается программный фильм Креймера.

Да, мы получаем точный, исчерпывающий ответ, почему это случилось в Германии. Но Креймер не ответил и не мог ответить – может ли это случиться у нас дома, в нашей стране...

«Нюрнбергский процесс» вызвал колоссальный резонанс во всем мире. Критика встретила его благожелательно. Правда, были голоса, упрекавшие режиссера за излишнюю прямолинейность, публицистичность.

На мой взгляд, упреки эти крайне несправедливы. Стэнли Креймер был реалистом и главной своей задачей всегда считал как можно внятнее довести свою мысль до зрителя. И мысли эти были всегда демократичны и гуманны.

Что же касается мастерства, то, полагаю, фильм исполнен на высочайшем профессиональном уровне во всех отношениях. Прежде всего это прекрасная работа с актерами. Многочему можно поучиться по части композиции и монтажа.

Вот один из примеров.

Перед постановщиком стояла задача: перед сценами в зале суда найти емкое, образное решение в изображении фашистского периода в жизни Германии.

Большинство заурядных режиссеров пошли бы по простому пути: показали набор документальных кадров разгула гитлеровцев в европейских городах, обезображенные трупы узников концлагерей...

Можно было избрать и другой путь: бои на фронтах, взятие Берлина, знамя Победы над рейхстагом. Собственно, не мудрствуя лукаво, так и поступали многие режиссеры.

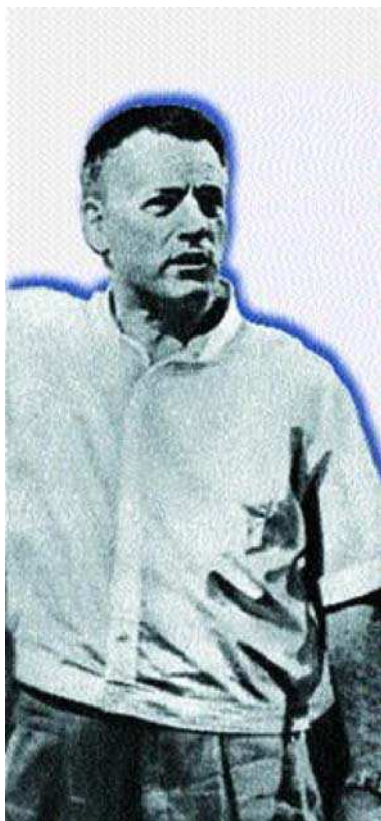
Креймер нашел свой творческий путь решения этого важнейшего эпизода.

Вот как писал об этом прологе критик В.Неделин: «С темного, пустого экрана под яростный барабанный бой гремит веселая солдатская песня, ее при той же зловещей пустоте экрана сменяет вторая, третья... В такт чеканному шагу колонн звучит песня – словно из мрака вчерашней ночи над Германией, над Европой, из небытия горланит во всю сама прусская казарма, хлынувшая на экран и шагающая по нему побатальонно, железными незримиыми шеренгами, в которых все один к одному, дюжие, крепкие, безликие, радостно идущие покорять народы, бездумно умирать за фюрера».

Так режиссер сумел изобразить призрак третьего рейха, не показав ни одного лица, – только пустой черный экран, словно из ниоткуда оглушая громом военных маршей.

Уже свыше сорока лет фильм Креймера считается одним из самых сильных антифашистских произведений. Как писал обозреватель «Известий» В.Кичин, откликаясь на смерть Креймера, «более серьезного анализа трагедии немецкого народа, ввергнутого в морок нацизма, игровой кинематограф не знает до сих пор».

Хотя Советский Союз был главной страной, вставшей на борьбу с гитлеризмом и главной силой, сокрушившей коричневую чуму, такой фильм родился не у нас, а в Соединенных Штатах.

Режиссер на съемке.

Михаил Ромм взялся за ту же тему в своем «Обыкновенном фашизме» только спустя пять лет, и этот фильм при всей неповторимости роммовской интонации все же воспринимается как отзвук картины Креймера. Словно Ромм до Креймера, сам будучи горячим антифашистом, никак не решался, не смел сделать такой творческий шаг – открыто обнажить корни нацизма и мало того – высмеять его...

Премьера «Нюрнбергского процесса» по настоянию Креймера состоялась в Берлине. Как восприняли эту картину немцы? Не знаю. Уверен, что неоднозначно. Ничего удивительного: кому приятно смотреть на свой национальный позор?

Но сколько есть еще в мире таких, которые при слове «еврей» непроизвольно сжимают кулаки!..

Помню, в Ленинграде после шумного успеха роммовского фильма один из редакторов «Леннаучфильма», совершенно не стесняясь и не скрывая раздражения, бросил:

– Еврейчик Ромм сводит счеты с Гитлером!

Да, и Креймер, и Ромм крепко «насолили» многим, не только немецким, нацистам.

Даже если бы Креймер снял в своей жизни только один «Нюрнбергский процесс», его имя должны произносить с благоговением в каждой еврейской семье.

Можно убить пулей. Можно – осколком фугаса. Но можно и словом.

Креймер рассчитался с фашистами своим фильмом за всех евреев – и мертвых, и живых... И не только за Дахау, о котором идет речь в фильме, но и за Бабий Яр, и за Саласпилс, и за душегубки Краснодара, и за гетто Варшавы, за каждое белорусское и украинское местечко и каждую загубленную еврейскую душу...

Странное чувство связывало меня с этим человеком. Давно он уже не снимал фильмов, кажется, лет двадцать, но все эти годы я жил с постоянным сознанием, что если снова где-то нависнет над евреями беда, то обязательно грянет голос мужественного Стэнли... Помните, как евреи молились на Эренбурга, видя в нем национальную гордость и защиту? Свидетельство тому – сотни писем, собранных в книге «Советские евреи пишут Эренбургу», изданной в Иерусалиме.

Теперь, после смерти Креймера мне стало сиротливей. Словно я лишился старшего брата.

Ровно два дня спустя после того, как газеты сообщили о смерти Креймера, московские коммунисты пришли на митинг к памятнику маршалу Жукову отметить День защитника Отечества – праздник той самой Советской Армии, что разгромила когда-то германский фашизм. С чем эти люди пришли в такой день? Об этом недвусмысленно говорили их плакаты: «Наш главный враг – сионизм!», «Долой еврейское правительство!»...

Еще день спустя функционер КПРФ говорил по «Народному радио»:

– Мы, коммунисты, уважаем все нации. Наш главный враг – сионизм. Они вот похваляются, что их погибло 6 миллионов, но наших, русских, погибло больше! Мы просто не хвалимся. Мы не такие, как они.

Да уж, есть чем друг перед другом «похвалиться»!..

Увы, нет уже ни Креймера, ни Ромма.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ АПРЕЛЯ

4 АПРЕЛЯ

85 лет со дня рождения писателя, участника Движения Сопротивления, редактора литературного обозрения «Боттеге оскуре», вице-президента совета итальянского радио и телевидения, автора автобиографического сборника антифашистских неореалистических повестей «Пять феррарских историй», сборника рассказов «Запах сена», романов «Мемориальная доска на улице Мадзини», «Золотые очки», «За дверью», автобиографического романа «Сад Финцы-Контини» и др., киносценариев **Джорджо Бассани** (1916, Болонья – 2000, Рим).

90 лет со дня рождения геолога, члена-корреспондента АН СССР, автора трудов по региональной геологии, геологической картографии, тектонике, минералогии и металлогении, составителя геологических карт Тихого океана, лауреата Государственной премии СССР **Льва Исааковича Красного** (р. 1911, Петербург).

7 АПРЕЛЯ

15 лет со дня смерти математика и экономиста, академика АН СССР, члена Американской академии наук и искусств, автора трудов по функциональному анализу и вычислительной математике, основоположника линейного программирования, одного из создателей теории оптимального планирования и управления народным хозяйством, теории оптимального использования сырьевых ресурсов, лауреата Нобелевской премии по экономике 1975 года (совм. с Т. Купмансом) и двух Государственных премий СССР **Леонида Витальевича Канторовича** (1912, Петербург – 1986, Москва).

70 лет со дня рождения физика-теоретика, академика АН СССР, директора ФИАНа, профессора МГУ, автора свыше 200 трудов по квантовой теории систем множества частиц, физике твердого тела, физике полупроводников, квантовой радиофизике, разработавшего теорию туннельных явлений в полупроводниках, предсказавшего так называемый непрямой туннельный эффект и эффект сдвига полос поглощения в полупроводниковых кристаллах под влиянием электрического поля (эффект Франца – Келдыша), а также конденсацию экситонов с образованием электронно-дырочных капель и новый тип коллективных возбуждений – фоноритон, развившего математический аппарат для рассмотрения сильно неравновесных состояний квантово-статических систем, лауреата Государственной премии СССР **Леонида Вениаминовича Келдыша** (р. 1931, Москва).

105 лет со дня рождения боксера, чемпиона мира в малом весе 1917 года **Бенни Леонарда** (наст. имя и фамилия Бенджамин Лейнер; 1896 – 1947, Нью-Йорк).

8 АПРЕЛЯ

90 лет со дня рождения биохимика, профессора Калифорнийского университета в Беркли, члена Лондонского королевского общества, Нидерландской академии наук, Американского философского общества, Национальной академии наук США, президента Американского химического общества, открывшего этапы биохимических превращений диоксида углерода при фотосинтезе, лауреата Нобелевской премии по химии 1961 года **Мелвина Калвина** (1911, Сент-Пол, США – 1997, Беркли, США).

13 АПРЕЛЯ

60 лет со дня рождения генетика, профессора Техасского университета, директора Центра генетических болезней Техасского университета, члена научного совета клинического фонда Джейн Коффин, Ассоциации американских врачей, Национальной академии наук США, Американской академии наук и искусств, автора работ по механизмам транспорта липидов и генетической регуляции холестерина обмена в организме животных и человека, лауреата Нобелевской премии по физиологии и медицине 1985 года (совм. с Дж. Л. Голдстейном) **Майкла Стюарта Брауна** (р. 1941, Нью-Йорк).

17 АПРЕЛЯ

90 лет со дня рождения Героя Советского Союза, командира дивизии **Бориса Давыдовича Льва** (1911, Тишковка Елизаветградского уезда Херсонской губ. – 1971, Москва).

20 АПРЕЛЯ

40 лет со дня смерти боксера, чемпиона мира в малом весе 1930 года **Эла Зингера** (1907 – 1961, Нью-Йорк).

60 лет со дня рождения физика-теоретика, члена-корреспондента АН СССР, члена Американского физического общества, профессора Чикагского университета, Калифорнийского университета, автора трудов по теории релаксационных автоколебаний в нелинейных средах, динамическому хаосу, турбулентности **Михаила Израилевича Рабиновича** (р. 1941, Горький).

10 лет со дня смерти режиссера, постановщика документальных фильмов «Звезда в ночи» (премия «Оскар»), «Гитлер жив?», игровых фильмов «Приговор», «Бунт в тюремном блоке № 11», «Вторжение похитителей тел», «Нельсон-младенчик», «Опознание», «Убийцы», «Мадиган»,

«Грязный Гарри», «Бегство из Алькатраса» и др.
Дона Сигела (1912, Чикаго – 1991, Нипом, США).

105 лет со дня рождения Героя Советского Союза,
участника первой мировой и Гражданской войн,
капитана **Пинхуса Григорьевича Турьяна** (1896,
Лебедин Харьковской губ. – 1976, Киев).

22 АПРЕЛЯ

125 лет со дня рождения оториноларинголога,
профессора Упсальского университета,
разработавшего метод сепаратного исследования
вестибулярного аппарата, впервые описавшего
успешную операцию при отосклерозе, автора трудов
по физиологии и патологии вестибулярного
аппарата, методам его исследования и
хирургического лечения, лауреата Нобелевской
премии по медицине 1914 года **Роберта Барани**
(1876, Вена – 1936, Упсала, Швеция).

85 лет со дня рождения скрипача и дирижера,
общественного деятеля, основателя школы для
музыкально одаренных детей в Великобритании,
организатора ряда музыкальных фестивалей,
президента Международного музыкального совета
при ЮНЕСКО, публициста, автора книг по музыке,
кавалера французского ордена Почетного легиона
лорда Игуди Менухина (1916, Нью-Йорк – 1999,
Берлин).

27 АПРЕЛЯ

70 лет со дня рождения общественной деятельницы,
правозащитницы, организатора демонстраций
еврейских активистов, системы помощи

находившимся в заключении еврейским правозащитникам и их семьям **Иды Яковлевны Нудель** (р. 1931, Новороссийск).

130 лет со дня смерти пианиста, состязавшегося с Ф.Листом, **Сигизмунда Тальберга** (1812, Паки, Швейцария – 1871, Посиллипо, Италия).

30 АПРЕЛЯ

70 лет со дня рождения физиолога, члена-корреспондента РАН, исследовавшего молекулярный механизм синоптической передачи, в частности постсиноптическое действие медиаторов, функционирование ионных каналов и др., избирательное действие различных нейротоксинов на определенные типы рецепторов, лауреата Государственной премии СССР, **Льва Гиршевича Магазаника** (р. 1931, Одесса)